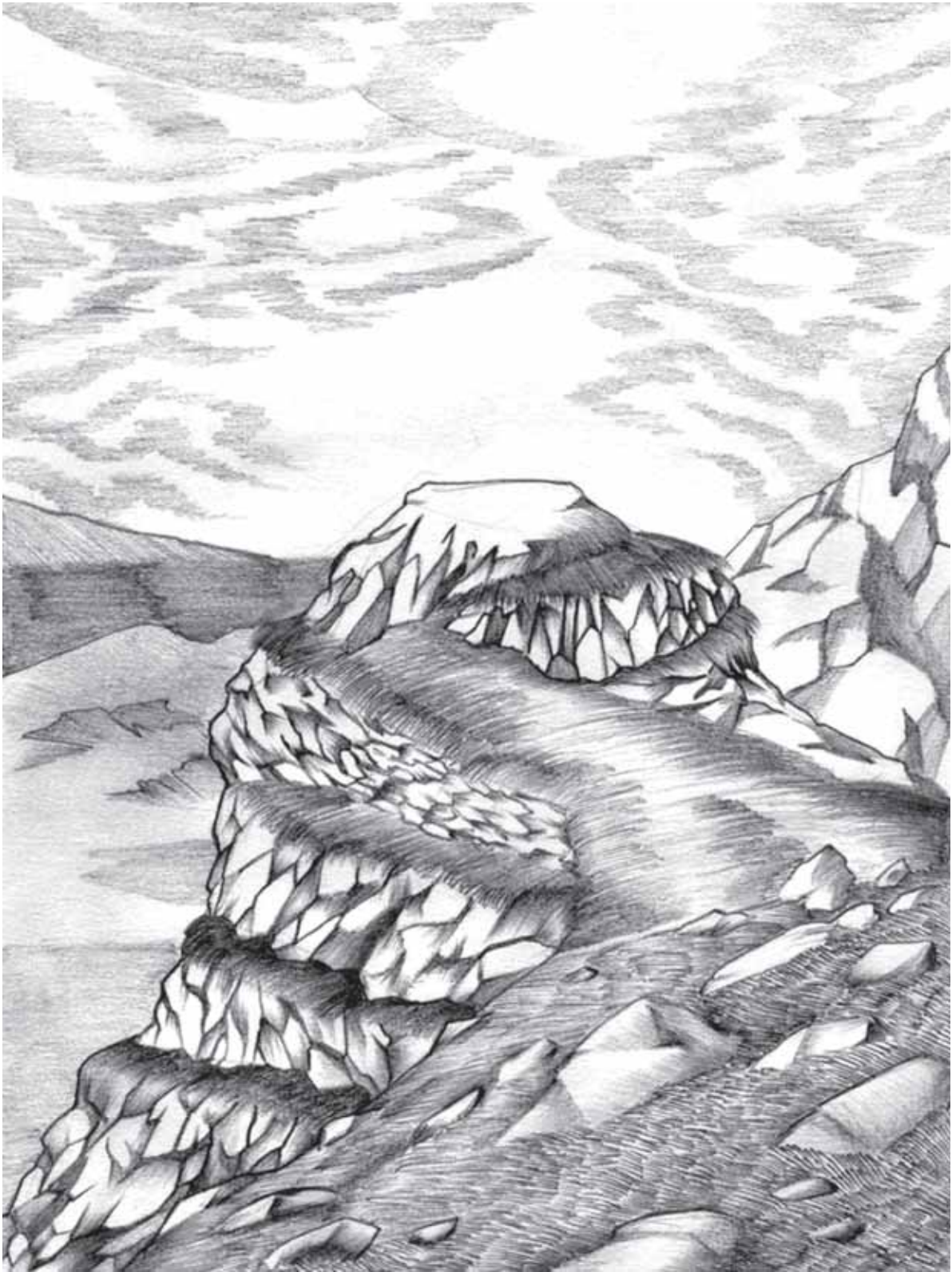


В РУЖЕЙНОМ ПЕРЕУЛКЕ

Сборник произведений участников лаборатории по работе
с одаренными детьми ЦГДБ им. А.П.Гайдара





В РУЖЕЙНОМ ПЕРЕУЛКЕ

Сборник произведений участников лаборатории по работе с одаренными детьми ЦГДБ им. А.П.Гайдара

Дитя читающее – мечта родителя, мечта библиотекаря. А дитя пишущее? Это особая история. Каждый – неповторимый, каждый – немножко белая ворона, чу-дак. Он нам особенно дорог своей тягой к СЛОВУ НАПИСАННОМУ.

Опубликоваться – мечта каждого пишущего человека, и мы, детская библиотека Гайдара, помогли этой мечте осуществиться.

*Татьяна Юрьевна Калашникова,
директор ЦГДБ им. А.П.Гайдара*

Сергиев Посад – город художников. Узнав, что Гайдаровка готовит сборник юных писателей, мы решили, что у каждого писателя должен быть иллюстратор. Это же скучно, если книжка без картинок. Так мы оказались первыми читателями сборника прозы и поэзии юных литераторов «В Ружейном переулке».

*Людмила Федоровна Сухова,
заведующая библиотекой гимназии № 5 Сергиева Посада*

Главное — дочитать этот альманах до конца. Вас ждут интересные тексты, и трогательные, и глубокие по мысли, и смешные. Многие из авторов, чьи произведения здесь напечатаны, на мой взгляд, уже сейчас являются оригинальными писателями с хорошей перспективой. Другие – на пути, где их ждут обретения. Мы решили не писать, сколько лет юным писателям, это не так важно, важнее – талант и радость, которую они испытывают, выражая себя в стихах и прозе. И вы испытаете.

Начинается альманах с участников Лаборатории по работе с одаренными детьми ЦГДБ им. А.П. Гайдара города Москвы. Также вы прочитаете работы наших друзей из Москвы, Белгородской области и Тамбова. Очень помогли нам совещания юных дарований в Литературном институте им. М.Горького, где мы встретили некоторых наших будущих «лаборантов».

*Лев Григорьевич Яковлев,
руководитель Лаборатории
по работе с одаренными детьми ЦГДБ им. А.П.Гайдара*

Рисунок Ильи Сурова

Итак, как уже было сказано, мы начинаем с участников Лаборатории. Эти ребята занимаются уже больше года. Очень может быть, что и без нас они бы обошлись, поскольку талантливые и трудолюбивые. Но мы ими от души гордимся. Надеемся, что вы, читатели сборника, к нам присоединитесь.

Лёля Ядренцева

Повесть

Я стою на серой, тонкой линии границы, вдыхаю. Я сама серая – кофта-джинсы, – сама тонкая, вытянулась, чуть дрожу.

Я уже пришла из школы, но еще не зашла домой, стою на пороге. Ни там, ни тут.

Граница видна, только если закрыть глаза, – темно-синяя линия на белом фоне – но чувствуется очень четко.

И я никогда не могу сразу с нее сойти.

Шагнуть вперед – запустить конвейер: снять шапку-пальто, кухня-уроки-телефон-чай - присесть к компу и провалиться, вынырнуть, не чуя времени.

Сойти с границы – ухнуть в привычное, домашнее, не оставить пути назад; мне больше нравится между.

Так что я стою на пороге, задрав подбородок, и озираю свои владения. Я рыцарь, в серой шапке, синем пальто, очень гордый.

С плеча с грохотом падает сумка, и я оказываюсь бесповоротно – дома.

Сумка так и остается лежать, мы с ней в плохих отношениях, пусть живет тут.

Что бы в нее ни клала, она тяжелей меня раза в два, вечно кажется – упаду сейчас под ее весом, осяду, сломаются птичьи косточки.

Лямки тянут плечо, и боль в спине тоже тянущая.

Я ношу эту сумку весь день, удивляясь, что не падаю, прихожу домой и медлю переступить порог.

Я переступаю через нее, как через труп врага, и иду на кухню – как есть, в пальто.

В кухне серо, тускло. На столе расческа – единственным ярким пятном, желтеет так нагло, будто всю яркость забрала себе. Небось Сережка опять оставил – я представляю, как он выходит из ванной, причесываясь, шлепает на кухню, а расческа желтеет вызывающе, резко, как зубная боль.

Есть на одной кухне с огрызающейся расческой мне не хочется, и я раздеваюсь в этом сером квартирном тумане и валюсь спать.



В комок и под одеяло – туда серости ходу нет, там темнота, но теплая, ручная. Мне так уютно, что я не знаю, как через два часа буду на «Третьяковской». Может, и не?..

На-адо, тяну в голове протяжно, солидно; смиряюсь с приговором.

И там мне дадут денег, – пищу, копошась щеночком, затихая, – там мне дадут денег-дадут денег-дадут денег.

Время милосердно ко мне, и в двадцать официальных минут уместается два часа настоящих.

Я твердо знаю, что атласная временная лента натянута на черную ось координат. Там отметки – минуты, часы, а время натянута, безжалостно привязано, но иногда провисает, и в этот-то мешок я всегда ныряю, и там мне тепло.

Я сплю, когда встаю, сплю, когда выхожу из дома, и когда меня вносит в вагон, тоже сплю. Я щепка-неудачник – меня выбрасывает в такое место, где нет даже поручня.

Так наклонило, будто танцую танго, и партнер как раз сейчас надо мной навис, а я подалась назад. Но партнера нет, а просто под спиной чемодан, и дышать мне трудно, и я не могу так стоять.

Наудачу кинув куда-то вверх, за правое плечо мятое «Простите!», я выпрямляюсь – и чуть не тараню подбородком чью-то «читалку».

«Читалка» сера и солидна, и мне так стыдно, что я зачем-то быстро-быстро в нее заглядываю. Скольжу взглядом по экрану, как по льду – буквы большие, но ничего не разобрать – боком повернуты...

А потом я ловлю взгляд владельца.

Такой – не укоряющий даже, а будто он уже дверь за мной захлопнул, или не дверь, а гроба крышку.

Взгляд-финал.

Так неуютно, что хоть на месте прыгай, хоть из вагона беги, – а он уткнул, как учитель указку, и не сводит.

И доводит – не знаю до чего, Господи, я же сейчас закричу, я же сейчас не знаю что сделаю, не надо на меня так смотреть!

«Злиться, - думаю я, - чтоб не пищать и не бежать, надо злиться, ну давай, ты же умеешь».

А владелец раздражающе безупречен – и брюки у него глаженные, и туфли блестят, и глаза серые.

Я смотрю, смотрю, мелочь каждую проверяю, ищу повод злорадствовать – «я в «читалку» вашу заглянула, а у вас зато спина белая».

Но он правилен до черточки, а у меня сапоги старые и сумка с ними не смотрится. И я стою как дурак без завалящего повода, и взгляд он, похоже, решил на мне до конца поездки оставить.

Тяжело же!

Во мне потихоньку просыпается деловитая пылесосная сердитость.

Буркаю:

– Простите пожалуйста, что я заглянула в вашу «читалку».

«Получите-распишитесь – теперь отстанете?!»

– Лучше вообще не извиняться, чем так, скажу я вам.

«Ага, ему еще и не нравится!..»

Это последняя возмущенная мысль, – дальше становится страшно.

Я не понимаю, что ему от меня нужно, я охрипла и наверняка уже проехала свою станцию.

Все на свете забыла с этими взглядами; холодно.

Он все смотрит. Я наконец понимаю, откуда тяжесть – не злость, не холодность, внимательность просто. Интерес. Но такой основательный, что сугулиться впору.

Мерцает в глубине зрачков, как свет в лесной чаще. Иди-иди, пробирайся, выглядывай из-за стволов – у костра ждут уже.

Я трясусь головой.

– Дай ка руку, – небрежно.

– Чтоо?

– Протяни руку.

И мне бы возмутиться, сказать бы что-нибудь, или заорать, или пропихнуться в другой конец вагона, он же права не имеет, он же!.. Но я медленно сгибаю и подношу к его носу правую руку в полосатой варежке.

Я не могу не...

Он кивает не то мне, не то сам себе – да, правильно – и варежку стягивает, и кисть мою расправляет по-хозяйски, поворачивает ладонью вверх.

А в другой руке у него ручка, из тех блестящих-витринных, недоступных.

И этой ручкой он выводит деловито, крупным, четким почерком: 8916...

И снизу – «Андрей Семенович».

Мы так обычно шпаргалки пишем.

На губах моих пляшет-пляшет, срывается наконец смешок.

– Зачем это?..

– Пригодится.

Небрежно тоже, будто так и надо, будто уверен, что я не вскинусь!

Я хочу возмутиться, поворачиваю руку боком и пытаюсь учить номер.

Ладонь трясется, цифры дергаются, я, кажется, тоже.

В телесно-чернильный этот мир вдруг врывается размеренное, настоящее: «Следующая станция – «Третьяковская».

Моя!

Я иду напролом, вклиниваюсь в стволы пальто и курток, оттаптываю ноги.

Я добираюсь до дверей, еле дожидаясь прибытия и выскакиваю как ошпаренная, не оглядываюсь.

Я до конца думала, что он меня остановит.

Номер синее на руке клеймом.

В школьном холле светло и шумно, как на улице летом.

Я не проснулась еще и соображаю медленно, а школа хлещет в глаза, уши, ноздри, – белым ламповым светом, криками хлещет.

Я не могу воспринимать реальность в таком количестве, – думаю и иду к раздевалке, смотрю под ноги, на серый кафель.

Кто-то потерял пиджак, кто-то потерялся сам, и поверх всего этого звенит звонок.

Я не знаю, зачем на алгебре я расчехляю мобильник и лезу во «Входящие».

Может, хочу погреться о строки, о «люблю» и «мрр-р», может, сбегая от криковых интегральных лапок, – неважно.

Среди всех этих «мама», «Белка», «Коля», среди любимых и не очень имен, на первой строчке – «А.С.».

Черные буквы, кажется, отделяются от экрана и впечатываются в белые мои, мягкие глазные яблоки.

Я трясу головой.

– И теперь мы... Что мы дальше делаем, Арсеньева?

Выдыхаю. Ох, как она меня хорошо вытащила-то.

– Можно выйти? Мне мама звонит, – голос мой дрожит, и Марина Юрьевна кивает. Я выскакиваю из класса и прижимаюсь спиной к стене.

Трясет.

Я сама написала ему вчера ночью.

Вспоминаю, как лежала в постели, сжимала телефон, стояла на перекрестке – выбирала. Как жала «Отправить» – и таяла невыбранная дорога, растворялось всякое «как раньше».

И как оставалась одна в начале пути, и была ночь, и трещали цикады.

Я стою у стены и пялюсь на экран. Ду-у-ра.

Вот тебе любопытство твое, вот птичье – держи!

Интересно показалось, забавно, подразнить – получи теперь!

Уж эта легкость ночная...

Я могу еще удалить его смс, не читая, но это не будет ничего значить.

Уже сделала шаг.

Все обрушила.

Я не понимаю, почему, – но уже никогда не будет как раньше.

Я трясу головой еще раз, иду в туалет, умываюсь холодной водой. Мне бы вынырнуть, у меня интегралы, самостоятельная и обед потом, и в магазин идти, и уроки делать – а ноги подкашиваются.

Черт.

Я вхожу в класс и чуть не кидаюсь к доске. Шкрябаю мелом – раз-раз-раз, как мушкетер шпагой, цифры косые, я считаю, считаю и еще считаю. Мозг мой работает, прогоняет через себя примеры и выдает ответы, я умная, я могу, я порвала этот номер в клочья и у меня есть «пятерка» и «молодец».

И немножко душевного равновесия.

...Я сижу на скамейке, в столовой, вливаю в себя борщ, ложка за ложкой, – борщ горяч и красен, он спасает.

Школьный шум разделяется на отдельные голоса, толпа – на лица, и я могу наконец без тряски вспомнить ту смску.

«По поводу «что вам нужно?» – твое общество, увы.

Относительно «зачем?» помочь ничем не могу.

Впредь будь добра не будить ночью».

Ночью?! – вскипает злость, – ночью?!

Я выхватываю мобильник так резко, что чуть не опрокидываю тарелку.

Ночью ему не нравится – я сейчас днем напишу!

Борщ грозит выплеснуться на стол, запал гаснет быстро. Пока я расчехляю телефон, злость выветривается напрочь, будто не было.

Сколько раз уже за этот день подхватывало – то бешенством, то страхом, то необратимости сознанием... Что он делает со мной, а.

Что он только со мной делает.

– Ты чего такая? Весь день ходишь как зомби...

И подруга начинает меня тормошить, и я пихаю мобильник в сумку, и разговор наш развертывается серпантинном, и так, конечно, гораздо легче, чем понимать.

Я гуляю с подругой по школе, по третьему этажу, по кругу, я прячусь от понимания в завитушках разговора, но на русском, когда медленно, скучно пишется конспект – деться мне некуда.

Если ему зачем-то меня надо – он же получит.

Мне же противопоставить нечего, это как в стенку тыкаться.

Хоть дома закрывайся, хоть полицию зови.

Черт.

Украдкой достаю телефон, осточертело, швырнула бы –

«А вас не волнует, нужно ли это общение мне?»

Ответ приходит незамедлительно, и даже от экранных буковок веет холодностью, будто в конверт белоснежный вложил и с курьером отправил:

«Ни в малейшей степени».

Своо-лоо-очь, захлебываюсь воем внутренним, чуть на стуле из стороны в сторону не качаюсь, своло-о-очь.

Но это русский – вовсе не время для воя, и я ныряю в морфологию и определяю разряды прилагательных до отупения.

Когда понятия «качественное» и «относительное» окончательно сплетаются в тугую спираль и я пихаю локтем подругу, чтоб узнать, так ли ей плохо, как мне – телефон вибрирует. Опять.

Пусть мне напишет кто-нибудь хор-роший, пожалуйста, пусть мама, пусть девочки, пусть оператор. Я достаю телефон с опаской, как кусачего зверька, кинется не кинется?

Кинулся. «А. С.»

Ну что еще?

«Порадует вряд ли, а полезно будет».

Да кто, кто так пишет смски!

– Идите к черту, – шепчу.

Все эти его слова – как тот взгляд в метро.

– Знаете что, если вы хотите обсудить детали, я вас встречу. Во сколько сегодня освобождаешься?

И я стою посреди школьного коридора и не знаю, что мне делать, и он еще скачет с «вы» на «ты», а подруга сегодня болеет – некому тормозить.

Когда это я хотела обсудить детали.

Я вообще ничего не хотела.

Я хочу, чтоб вы сейчас положили трубку и оставили меня в покое.

– В три, – буркаю. Функция «непослушание» у меня заблокирована.

– Номер школы?

Я называю.

– Анна Сергеевна, будьте добры, найдите школу... О, Катерина, да у вас не простая школа, у вас гимназия!

Его искусственное оживление меня мало занимает.

– Откуда, – голос скачет меж писком и хрипом, я откашливаюсь, – откуда вы знаете, как меня зовут?

– Есть данные, – ему почему-то смешно, и он прощается и вешает трубку в хорошем настроении.

Зараза.

Это все похоже на любовный роман, самый дурацкий, в мягкой обложке – у него есть секретарша Анна Сергеевна, а мне теперь что?

На красной кофте белеют пушистья, у меня грязная голова, тяжеленная сумка, и мне вовсе не нужно богатых мужиков.

Мне вообще никаких мужиков не нужно, мне даже мальчиков пока не нужно, хватит, наигралась. Тем более таких, с которыми отключается непослушание.

Какая глупость.

Остаток школьного дня проходит быстро – хоть обеими руками за хвост цепляйся, держи скользкий – не удержишь.

И вот я уже стою у калитки, и мне так нестрашно, что даже мех на воротнике топорщится.

Черные, прямые прутья школьного забора наводят уныние. Школа отгородила себе кусок земли и пихает туда нас. Обычно – счастье выйти в неотгороженное, неофициальное – а сейчас век бы тут стояла.

Здесь ничего интересного, всяким Андреем Семеновичам сюда не полагается!

Но нет, я стою снаружи, а к воротам подъезжает машина.

Черная, блестящая, катит хищно, косит незажженными фарами по-пантерьи.

Я смотрю на тонированные стекла и думаю, что если он меня туда запихнет – не вылезу уже никогда.

Но мы с воротником настроены решительно и запихиваться не собираемся.

– Ну здравствуй, Катерина Арсеньева.

Андрей выходит, и я наконец осматриваю его с головы до пят.

Глаза, самое главное – глаза. Серые, и оттуда – ровная уверенность светит лучом.

Лицо широкое, и волосы седые уже. Не старик, – матерый.

Трясу головой – сколько можно пялиться.

– У вас есть данные, да?

– Что?

– Бесполезно спрашивать, откуда вы знаете про фамилию?

– А, да. Есть данные.

Ему почему-то в кайф это повторять, это у него такая игра с самим собой, развлечение, только без меня не играется почему-то.

И я буркаю:

– Тогда скажите мне свою.

– А фамилия моя слишком известная, чтобы я ее называл.

Он чуть улыбается и протягивает мне руку.

Я представляю – захват – боль в запястье – пасть машины, но нет, простое пожатие.

– Нет ничего приятнее застольной беседы, не находишь?

– Нет, – говорю я быстро, – никаких бесед. Я их не признаю.

Говорю Сережкой – с его интонациями, в его манере: чуть удивленно, быстро, но твердо.

– И что же, мы будем чинно гулять вокруг твоей школы?

Мне хочется плечами пожать – кто встретиться предложил, кто общество навязал и смотрит теперь сверху вниз?

Ох, глупость какая.

– Да, – говорю, – мы будем чинно гулять вокруг моей школы.

Уезжайте, а – пожмите плечами и уезжайте!

Но он велит что-то шоферу, и машина плавно разворачивается, а мы идем медленно, не спеша – и впрямь вокруг школы. Он берет у меня сменку и сумку, и мы идем рядом, кавалер и барышня.

Если это роман, то что за кретин его сочиняет.

– Весьма прискорбно, что с такой позиции нельзя заглянуть тебе в лицо... – он говорит опять как бы сам себе, решает – отвернуть на полную вентиль тяжести, вдавить меня в снег – или не стоит пока.

Мягким-мягким голосом – и струится холодок по коже, липкий, противный, ночной.

Зимний мороз честней во сто раз, приходит – так сплеча, краснотой по щекам, по носу – а этот...

И тут Андрей выныривает из своих мягкоголосных, коньячных глубин.

– Ну, Катерина, – доброжелательно, ободряюще, маскируется под прямоту мороза, – давай рассказывай!

– Что рассказывать? – отшатываюсь.

– Да все.

Чем живешь, какую музыку слушаешь, что любишь, что бесит...

– А вы мне даже фамилии не говорите.

– Ну да, изначально разница в положениях, – соглашается он без эмоций, кивает.

И, видимо, я опять что-то пропускаю в собственной жизни, потому что – вот уже покрасневшими руками распутываю наушники и пытаюсь понять, какой ему – правый или левый.

И включаю сокровенное – подо что просыпаюсь и подо что засыпаю, откуда черпаю бензин, чтоб никогда не стоять на месте.

Источники силы.

И если он сейчас засмеется – уйду, пусть стоит тут со сменкой.

Если только тень снисходительности учую.

Но он слушает всех этих девочек с лебедиными голосами, слушает музыку-энергетик – раздолбайское, безбашенное молотилово, кажется, брызжет сила.

Слушает – и вслушивается.

Проводок тоненький, черный на его щеке не смотрится – хочется отвести, как прядь волос.

То ли темп ходьбы у нас такой, мерный, то ли я достаточно дергалась вчера, но, так или иначе, я погружаюсь в спокойствие.

– Саундтреки к жизни.

– Что?!

– Песни – саундтреки к жизни у тебя, я правильно говорю?

Да правильно он говорит, только знает откуда!

Опять «данные»? Но это-то...

Откуда ему знать, что я свою жизнь люблю под фильм подгонять!

Под фильм или под книгу, это уж как пойдет, – но чтоб красиво, чтоб ракурсы, чтоб снимать можно было, ничего не вырезая, чтобы правильно до черточки.

– Это важно – правильный саундтрек.

И опять я не понимаю, зачем он это говорит.

– Да, – соглашаюсь бесцветно, – важно.

Сколько ж можно почву у меня из-под ног. Чемпионат у него среди себя, что ли.

Мы бредем уже энный круг; ученики разошлись, учителям забавно, должно быть, наблюдать из окон.

А я понимаю, насколько замерзла.

– Пляшите, – говорю.

– Зачем бы мне?

– Я признаю, вокруг школы – глупо.

– Нет, – качает головой, – недостаточный повод.

«Тьфу ты», – думаю тоскливо.

Ладно.

Пока мне так серо и так спокойно, я и это могу спросить.

– Вы хотите со мной отношений?

– Смотря что ты вкладываешь в это слово.

– Вы хотите моего тела?

– Ни в коем разе! – он, кажется, даже вздрагивает, ну и отлично.

– Аа, – тяну, – тогда ладно.

Андрей смотрит на часы.

– Четверг, шесть часов, «Шоколадница», для некурящих.

– Что это?

– Это время и место нашей следующей встречи. Есть возражения?

– Отсутствуют!

– Вот и правильно.

Иди домой, Катерина, – замерзла уже.

И он вручает мне сменку и сумку, и я сначала иду, а потом бегу, а дома оказывается Сerezка, и отдохнуть мне не светит при таком раскладе.

Дни до четверга заполняются смсками и мыслями, – внезапными, ни с чего.

«Андрей, – думаю я, выводя интегралы, чистя картошку, заправляя постель, – такой, такой и такой.

Я – такая и такая.»

От этих размышлений, от переключивания мыслей по полочкам мне бывает хорошо; вперед я не смотрю.

Он – вот поставит цель и идет к ней бульдозером, ни по сторонам не смотрит, ни в себя. Решил – пошел.

А я цель вижу тоже, но бегу зигзагами – заблужусь двадцать раз, сверну с дороги, сяду отдохну, вообще идти передумаю.

Зато вижу сколько всего, узнаю – сколько, а уж эмоций – палитра, выбирай какой хочешь оттенок.

– И половина из них лишние, – говорит мне Андрей, когда на одной из пыльных, звенящих перемен я рассказываю ему эту разницу, пялясь в школьное окно.

– Как это лишние?! – возражаю возмущенно, пятиклашки рядом оглядываются.

– Шелуха

Я прямо вижу, как он пожимает плечами.

– Чаще всего ты чувствуешь поверхностно. Страхни – ничего не изменится по большому счету. Как крошки со стола, понимаешь?

Тут, слава Богу, звенит звонок.

Эмоции ему – крошки; чем живет-то тогда?..

«Чем вы живете?» – спрашиваю ночью, почти по традиции. Я помню, Андрей просил по ночам не писать, но как мне быть, если день закружил делами и не пускал.

Он не отвечает.

Я бегу-бегу, продираюсь сквозь толпу, тараню всех – а он уже за столом.
Еще и в пиджаке.

Ненавижу.

Я ведь вовремя пришла!

Ну почему он всегда заранее, мне с утра тут сидеть, чтоб раньше прийти?

Ага, занять стол, кофе попить, а Андрею пусть удивление поперек горла
встанет.

Или черепа поперек – у него же все в голове, ну да.

Я плюхаюсь на стул прямо в пальто, Андрей смотрит чуть с сочувствием.

– Ты уже здесь?

– Да, – киваю, – я уже здесь.

– А мне кажется, ты еще не вся добралась.

Дергаю плечом – ну, может, и впрямь не вся, может, отстала какая-то часть, по-
скользнула, по улице бежит, носом шмыгает.

– Добирайся.

– Угу, – киваю я опять как-то жалобно и вдыхаю глубоко. Все, домчалась уже,
опоздала, был позор, теперь выдохнуть можно.

Пальто вот снять. Кресло почувствовать, а не как будто на пять минут присела.

В «Шоколаднице» темно-коричневый, сладковатый полумрак, в таком хорошо
целоваться.

Я хочу еще подумать о мягкости здешних кресел, но не успеваю.

Рука Андрея накрывает мою.

Я вздрагиваю.

– Холодная, – наблюдение.

Еда невкусная. Рука холодная.

Невкусного он не ест.

Ээ, говорю я, ну да.

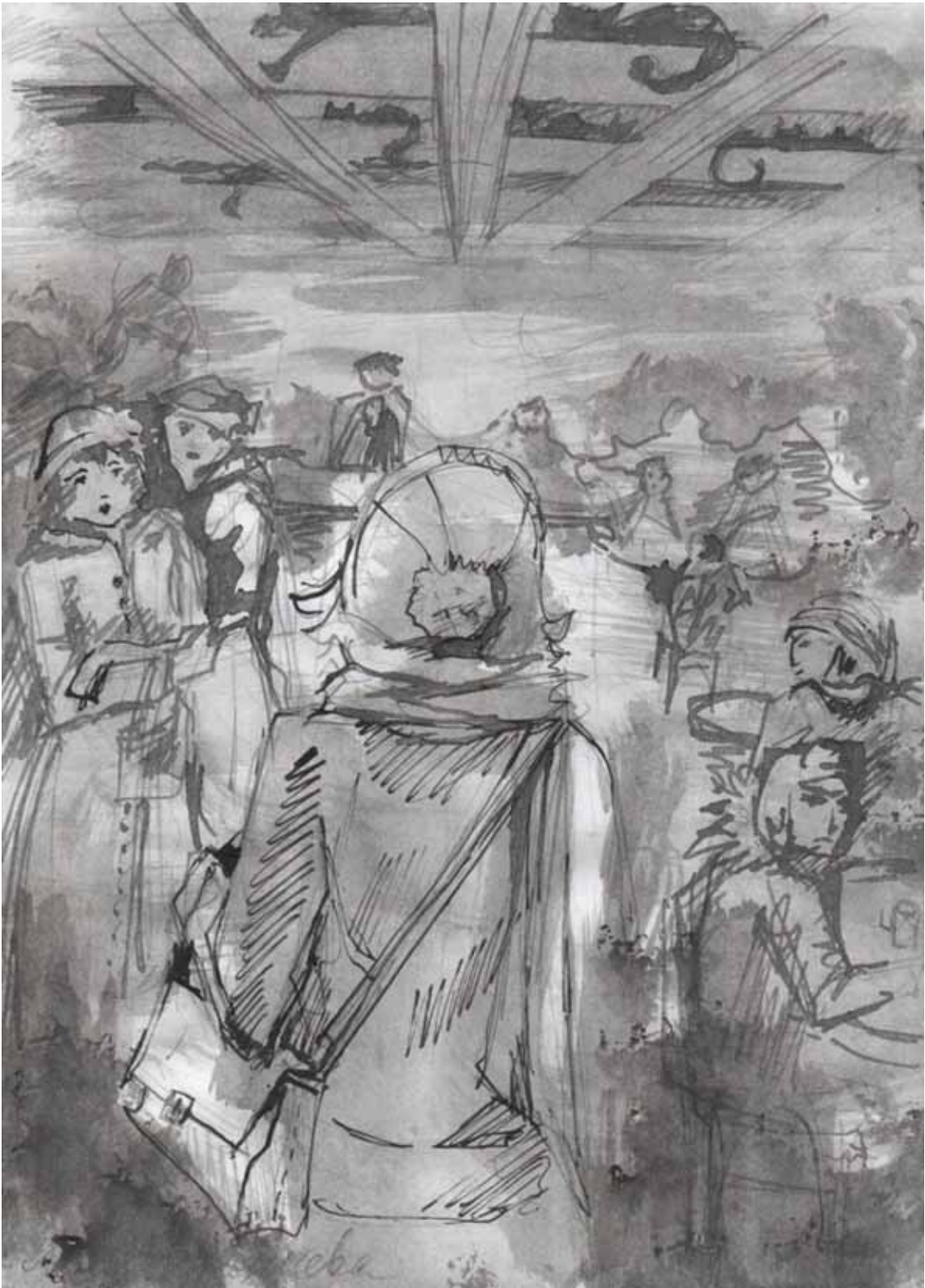
Мне хочется руку выдернуть, это что-то совсем не то, но я не могу. И невежливо,
и просто – ну тяжелая у него ладонь, положил – как книгой бумажку важную при-
давил.

Хотя это я придавливать буду, а он ровным своим почерком в ежедневник пере-
пишет или вообще в телефон забьет.

Я думаю, как бы его отвлечь.

У меня с мороза румяные щеки, волосы растрепались, глаза блестят, и я со всей
этой ерундой даже не знаю, как к нему подступиться.

– Вы меня кормить обещали, – бурчу, – свининой.



– Уже заказал. С майораном.

«Любимая!», – восторгается кто-то глупый в моем мозгу, а я руку выдергиваю, будто током ударило.

Откуда он знает?!

– Откуда вы?..

– Вот так вот. А пока несут, у меня к тебе разговор.

– Да-а? – тяну, маскирую ошарашенность.

– К сожалению.

Он говорит, как примерный отец – открывай рот, десять ложек. Тьфу ты.

– Скажи-ка, если дело неотложное – как реагируешь?

– В смысле?

– Если вот тебе тема сочинения и завтра сдавать, если мама сказала полы помыть и придет через два часа – ну? Что сделаешь?

Он спрашивает так жадно, будто не ел день, и вот рядом пицца – мои слова.

– Я...

Говорю медленно, решаю, о прошлой себе говорить или то, что недавно – считается.

– Я быстро сделаю и – забуду.

– Давно так научилась?

Он опять что-то знает, это как со свининой, но черта с-два я еще раз удивлюсь.

– С месяц, – отвечаю честно.

– А легко ли тебя обидеть?.. – голос мягок, как тогда, когда строчил свой номер на моей руке, ух, как я это ненавижу.

Спрашивает – будто пробовать собрался.

– Сложно, – говорю, – но у вас получается!

Хотя ничего у него не получается, конечно, бездарь в деле обижания меня.

Меня обижать надо умеючи, мама вот может, Сережка, – а этот что? Бесит и пугает, пугает и бесит.

– Тебе, я вижу, не нравится моя манера вести беседу?

Ну конечно, не нравится. Когда тебе пишут деловые смски, и громоздят тяжеленные ладони, и заказывают свинину без спросу.

Когда, понимаете ли, «есть данные».

Я бурчу и бурчу – про себя.

Снаружи хватает сил только головой мотнуть.

– Не нравится?

Мотаю еще сильнее.

– Тебе что, сложно мне возражать?

Нет – и ему смешно. Смешно ему. Снисходительность у него сквозит.

Попробовал бы сам!

– Очень сложно?

Он издевается или вправду не понимает?

А не получается даже согласиться, и я говорю как могу зло:

– Мне ваша свинина сейчас поперек горла встанет.

– Даже так, – кивает деловито, будто стадию заболевания узнал.

Черт.

Подзывает официанта, негромко что-то говорит – я не слышу.

Хмурится.

Пальцами по столу барабанит – медленно.

– Если тебе станет от этого легче, то я вовсе не хочу, чтобы так было. Это не от меня зависит.

Да-а-а, а от кого же.

Внутреннего моего шипения он не слышит, конечно, и продолжает так же хмуро:

– Теперь уже не от меня.

– Ваш ром.

В наш диалог так внезапно вторгается кто-то третий, что я сначала ничего не понимаю.

Официант.

Принес стеклянную бутылочку колы и стакан с коричнево-рыжим.

– Пей, – Андрей пододвигает ко мне.

– Разбавляй.

Я только кашляю.

– Пей-пей, может, полегче станет.

И я заливаю ром колой, и заливаю стол ромом, и делаю огромный глоток – и как он узнал, что это моя мечта...

– Я хочу с вами общаться нор-мал-ьно! Не это вот... Почему я всегда снизу?!

Андрей хмыкает, и мне должно бы стать стыдно, но не становится.

– Почему я как дурак на вас смотрю снизу вверх? Если вы хотите... Если вы хотите общаться, вам же выгодней, чтоб я себя хорошо чувствовала!

– Ну, и что люди делают, когда общаются нормально?

Он так подчеркивает это «общаются нормально» – я его задела, ну и нуу.

Я. Его.

От удивления я делаю еще глоток и брякаю:

– В гости ходят.

И дергаю плечом.

Дурацкий вопрос вообще-то.

Почему тащить наши миры друг к дружке всегда должна я. Нашел ослика.

И никаким ромом с колой он это не искупит.

Я положила голову на руки и смотрю на свое красное кольцо, и сквозь волосы – в полутьму кафе.

– Примешь приглашение?

– Куда? – вскидываюсь ошалело.

Настороженность – стержень, пьяна я, не пьяна – никуда не денется.

– В гости, – говорит с недоумением; в странную игру ты играешь, деточка, но играй, раз нравится.

Минуту я пытаюсь вообразить, как он предлагает мне тапочки. Прыскаю, поспешно подношу ко рту стакан.

Стакан у нас нынче спасение на все времена, ну да.

Все-таки не удерживаюсь и глупо хихикаю.

– Что тебя так удивляет?

– У вас есть, – Господи, сейчас подавлюсь, – у вас есть тапочки?

– Найдутся, – опять недоумение, и он, видно, хочет, чтоб я объяснила, и мне становится стыдно.

Я буяню, а ему неудобно.

Улыбка ненужная, глупая все прыгает на лицо – я сгоняю, она опять.

– Вы-ы, – тяну, – не сочетается с тапочками.

– Могу понять. Я заеду за тобой в пятницу вечером.

Последнее – вердикт, он опять все сам решил, но у меня-то ром – и блокировки нет.

Вцепившись в стакан – не знаю зачем, кажется, для равновесия, – отчаянно тряса головой, я говорю:

– Нет!

И добавляю поспокойней:

– Я на метро приеду.

– Что это вдруг?

Только не вдавливайте меня взглядом в стол. Только не вдавливайте меня взглядом в стол, я на него ром пролила, он липкий.

– Ваша машина меня сожрет.

Он качает головой, чуть улыбается – ну и ну, во дает.

Будто он меня сто лет знает и – подозревает, конечно, какие я могу глупости, но не до такой же степени.

– А метро тебя всегда выплевывает?

И вот надо же ему меня добить.

– Метро на меня вообще не покушается, – огрызаюсь.

И рассматриваю опять собственную кисть – палец за пальцем, жилку за жилкой – красиво кто-то прорисовывал.

Стол рассматриваю. Салфетки край.

Мысли – вспышки в темноте, зеленые кометы. Летают, обрываются на середине, я ловлю, вяжу узелки.

Сложно.

Вздрагиваю.

Он опять мою ладонь накрыл – и что ж ему нейдет-то?

– Вот тебе адрес.

У меня недовязалась мысль – и я очень медленно соображаю, зачем он протягивает мне салфетку.

– Приезжай на метро, – как страгивает с мертвой точки, подталкивает к пониманию.

– Аа, – говорю я, забираю салфетку и трясую головой.

Мысли вспыхивают-гаснут, вспыхивают-гаснут очень быстро.

Куда повесила пальто, я не помню.

– Сейчас выйдем – проветришься, – говорит Андрей едва ли не сочувственно.

Я хмыкаю так неопределенно, что сама не понимаю, что имею в виду.

Вот так и исполняй мечты.

Мы стоим у метро, дует ветер, город обступил фонарями и притих.

Хмель у меня почти выветрился. Стыдно.

– Спасибо за ром.

– Рад угодить.

Расходимся – вниз и внутрь, в метро и машину.

– У вас там стоит охрана?

– Нет.

– Две охраны?

– Не-ет, – Катерина!

Я довожу Андрея с утра, не знаю, зачем, бомбардирую вопросами, атакую щебетом.

Это как ткнуть зверя пальцем – и отпрыгнуть в сторону, ткнуть – и отпрыгнуть.

Как он меня еще лапой не прихлопнул – неясно.

В окно школьное мне светит солнце, и в пути мне светит солнце, и когда я оказываюсь у нужного подъезда, оно светит тоже.

Я жалею, что нельзя запихнуть его в карман и выпустить уже там, внутри.

В доме железная дверь и внушительный вахтер. Когда я говорю, в какую квартиру мне надо, он хмыкает, отрывается от газеты и осматривает меня с головы до пят.

– В эту? – уточняет.

Я киваю и хмыкаю утвердительно, бегу по лестнице.

До упора давлю на черную кнопку звонка.

Внутри открывается дверь, щелкает замок – и Андрей выходит навстречу.

– Проходи, разуваться в коридоре.

Отличное начало.

В прихожей сумрачно, как на дне стакана, тот ром я так и не допила, – вспоминаю некстати.

Андрей кивает направо:

– Вот гостиная, располагайся. Рад видеть, – и скрывается где-то в сумраке.

А я вхожу и натываюсь на взгляд – чуть синяк не набиваю.

На меня уставился шкаф. Высоченный, резной, как выясняю у Андрея – из ореха.

Этот ореховый – заводила, главарь; также враждебны безупречно чистая, огромная кухня, вешалка для одежды и книжные полки.

Квартира слишком тяжела мне, слишком серьезна; Андрею по плечу, наверное, а мне – сжиматься-прятаться.

Но я не сжимаюсь и не прячусь, даже когда Андрей выходит, извинившись.

Я забираюсь на диван с ногами; попирать полосатыми носками такой ковер кажется мне кощунством.

А Андрей сначала приносит чашки с чаем, и я пью осторожно, совсем маленькими глотками.

А потом тяжело ставит на стол проигрыватель – старый, настоящий, где не диски, а пластинки еще черные.

Я мучаюсь, пытаюсь вспомнить название, потом спрашиваю – виниловые! – а потом по комнате разносится музыка. Густая, сочная, солнцем напоенная.

Концентрат.

«In the house of the rising sun...».

– Это ваш саундтрек?

– Обхожусь без саундтрека.

– А раньше?..

Андрей пожимает плечами.

Я обхватываю колени руками; музыка все льется – густым, наваристым солнечным светом.

Представляю, как молодой Андрей с еще неизвестной фамилией успевает под эти аккорды туда, туда и туда, пишет конспекты, целует девушек.

Аа, черт, у него еще не было плеера.

– Вы ведь не в Москве родились?

– Нет, – очень спокойно, – не в Москве.



И мне думается, что в его городе точно была сирень, и подо всеми его костюмами тело такое же, как у всех, и посуду себе он моет сам.

На своей территории очень сложно держать дистанцию.

– Минуту, – говорит Андрей вдруг, и этот тон словно хватает меня за шкуру.

И отшвыривает – не лезь.

ТЬфу ты.

Андрей приходит быстро. В руке у него тапочки, он вручает их мне и говорит что-то вроде «забыл, прошу прощения».

Женские, фиолетовые, с блестками, с красным вышитым «Love you».

И ему-то смешно, он меня опять поймал на слове, как тогда с «вокруг школы» – но если у него есть жена, это очень плохо.

Что она обо мне подумает.

– Можешь успокоиться, она в Америке.

– Кто?

– Жена. И со мной больше не живет и в браке не состоит.

Черт.

Жалость захлестывает с головой, я выныриваю, отфыркиваюсь, воздух ртом ловлю.

Он же тут один, он же все вечера один, уходит утром, отдает приказы, возвращается в пустоту.

«Чем вы живете?..»

И мне жалко его и почему-то себя, и я вскакиваю и стараюсь дышать глубоко.

Хочется выть – тоненько, на одной ноте; пластинка застыла – в комнате тихо.

Когда он выключил?..

– еще чаю выпить есть желание?

Я киваю – да, да, да, есть! – и за Андреем в сотый раз закрывается дверь.

Я дышу глубоко и медленно, подхожу к окну.

Бедный, бедный, бедный, – теперь ясно, почему такой!

Почему меня доводит, холодность откуда эта, непрошибаемость – Господи, да я же выше, я же его сильнее!

У меня-то хорошо все, у меня семья, люди, смски, – а у него?

А я столько думала плохого, так бесилась.

Черт.

Я хочу отвлечься, отвожу шторы, выглядываю на улицу.

А на подоконнике – цветы. Целый лес цветов, листья, колючки, стебли – я не знаю названий.

Земля в горшках сухая; цветы тоже от жены, наверное, и почему он их не выбросил, я не знаю.

Андрей приносит чай и даже вазу с конфетами, я разворачиваю одну и съедаю жадно – у жалости вкус рома с колой, и я отчаянно хочу от него избавиться.

– А в свободное время чем занимаешься?

Я задумываюсь. Оно мне не так часто выпадает, это время, и не буду же я ему рассказывать, как вожу хороводы и ору под гитару песни.

Я пытаюсь вспомнить нечто, достойное уважения – о!

– Ну, недавно я написала рассказ.

– О чем?

Ну как я ему скажу, о чем, если там не в этом суть?

– Там неважно, о чем, – пытаюсь объяснить, – там весна и сиренью пахнет.

– И ты писала рассказ только для весны и запаха?

– Ну да, – а что не так? – чтоб запечатлеть, как пахнет сирень. По-моему, вполне резонно!

– Я бы не сказал.

Вот и говори с ним.

На улице я бегу трусцой.

Метро проскакивает быстрее быстрого – я даже толком не успеваю заметить, показали декорацию и сменили тут же.

Стучу каблуками несуществующими, сжимаю сумку. Я румяная, глаза у меня блестят, воротник пушист. Я тороплюсь домой.

Я несую счастье, хочу не расплескать, хочу – горячим.

Когда я лежу в постели, обнимаю подушку, жмурюсь – теплое мое, жаркое счастье вдруг исчезает.

Я остаюсь с пустотой и ничего не могу понять.

Что это.

Куда все делось, куда я делась. Белая майка, белое одеяло, диван огромен.

Утону в белизне сейчас.

Андрей есть, а меня нет. Можно собраться, наскрести по углам немного, но этого даже на каркас не хватит.

Все бело.

Я даже не знаю, как реагировать, – ничегоо себе яма.

Собственная легкость наваливается плотно, не дает вдохнуть. Я девочка. Я глупая девочка и никто, и ничто больше. Не выбраться.

Ничего не умею, только и могу, что рассказы писать с сиреневым запахом.

И – семнадцать лет. Отбросило на старт.

Никогда еще так не терялась.

А час назад все так просто было.

Почему Андрей с собой не носит, а я ношу. Что это за глюки вообще.

Я сижу, прислонившись к стенке, и чувствую себя белым листом.

Мне очень спокойно; от спокойствия жутко. В комнате темно, время, наверное, к часу.

Где я.

Пытаюсь придумать себе цель, – не могу. Белизна плещется мерно, мирно.

Я беру гитару, прижимаю струны.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

Гитара держит на плаву. Вокруг плещется белизна, но я – нет, не тону.

Шкрябаю по струнам, – шершаво.

А ведь не все бы схватились за гитару на моем месте. Кто-то бы расплакался, кто-то бы на кухню пошел, кто-то список бы начал составлять – «что мы имеем...».

А значит, я есть, я! все-таки! есть, и я Андрея не хуже, и мне надо только себя узнать, а это гораздо проще.

Я засыпаю выпотрошенная, спокойная, с гитарой в обнимку.

Утром я белый лист по-прежнему. Моюсь горячей водой – она так хорошо отовсюду возвращает, так помогает.

Ванная тоже бела, но это белизна не враждебная.

Кап-кап-кап на белое – красным. Из носа – кровь.

И льет, и льет, и льет, черт, измазала всю ванную.

Боль, оказывается, не делась никуда; я ее из сердца вон – она по телу вдарила.

Ладно, лучше тело.

Носом все кровь, сколько раз уже, мир серый, во рту кисло. Сжимаю в руке носовой платок, болит голова.

Мама волнуется, Сережка устроил пляску «что случилось?» – я хожу по квартире шатаюсь, молчу.

Плююсь тоже кровью – будто кусками сырой печенки, совсем жидкой.

Меня из-за Андрея ломает? – спрашиваю я равнодушно, лежа плашмя в конце второго, кажется, дня.

А вообще я сплю. Я хочу выключить этот думательный моторчик.

Я сплю, я сплю, я сплю – но телефон беспощаден и прямодушен, он выдает ту самую, «The house of the rising sun».

Ладно.

Сплю.

Подгибаются ноги, и лечу с каких-то ступенек – просыпаюсь, вздрогнув.

Дни с той ночи пролетают быстро, первый, второй, меня нет как нет, но на улице солнечно, и это все искупает.

Сидя в метро, добираясь из точки в точку, я нахожу смску – ту, первую.

Подсчитываю, что дергаюсь из-за Андрея уже больше недели, и решаю, что хватит.

В тот день и в следующий я много ем, много сплю и ничего не делаю. Я очень балую себя: кормлю шоколадом, читаю книжки; мне нужно сейчас много бензина и много мурчання, и я беру его, где только можно.

Из пустоты, из белизны я вытащила себя за шкирку, и очень этим горжусь.

И если вот это – любовь, то идите с ней к черту, знаете что.

Я иду-иду, осторожно, по краешку, оступлюсь – грохнусь в пустоту, не выплыву.

Я по-прежнему не уверена, что я есть, но обхожу этот вопрос стороной.

Но Андрею то невдомек, что мне хватит, и вдоволь належавшись пластом, нашмыгавшись кровью, еле выбравшись, я получаю от него смс.

«Куда пропала, Катерина?»

И чувствую, что я есть. Точно. Полностью.

Отчаявшись понять закономерность, пихаю в рот шоколадку, отвечаю:

«Я тут».

И мы договариваемся встретиться у него же, завтра.

Вахтер, увидев меня, издает странный носовой звук.

Я бегу по лестнице и думаю, что носовой звук в ответ на мое «здравствуйте» – это нечестно.

Я победила время – пришла на десять минут раньше, и вот звоню.

И еще звоню.

И еще.

– Входи, Катерина, открыто, – доносится из глубин, изнутри.

Я вхожу, разуваюсь, раздеваюсь, а на кухню-то дверь распахнута, и такая там роскошь, что...

Девушка у него на кухне, грустная, на птицу похожая. Тонкая, бледная, волосы черные – струятся.

На табуретке высокой сидит, ноги поджав – птица на жердочке, правильно все.

Не лицом к столу сидит, а боком – я и пальцы могу видеть, как она ими юбку тербит.

Андрей улыбается как-то криво, кивает:

– Проходи, садись. Какао будешь?

– Буду, – соглашаюсь и на девушку стараюсь не пялиться.

– Я Инна, – даже улыбка тревожная, зыбкая.

Под крыло бы ей к кому-нибудь.

– Не возражаешь, чтобы мы завершили разговор?

– Нет, конечно, – фыркаю.

– Андрей, ну что это!..

– Ничего тебе? Не обиделась? Мы быстро, – Инна наклоняется, заглядывает в лицо черными своими глазищами.

Я делаю первый глоток – какао горячее, сладкое.

Пытаюсь понять, на что обижаться.

– Нет, – говорю, – не обидно, а на что тут?..

– Ну, например, секреты. И вообще – пригласил тебя, а говорю с ней, – Андрей хмурость прикрывает улыбкой, но она просвечивает.

Что-то у них не так совсем.

– Да это я прибежала раньше, – отвечаю, – хотите, в гостиную пойду?

Переглядываются.

Андрей кивает опять – не приказ, благодарность за такт.

Смущен? Во дела.

Я беру стакан с какао и ухожу, прикрываю за собой дверь.

Просто так сидеть в гостиной мне скучно, и я принимаюсь ходить вдоль книжных полок – в прошлый раз не всматривалась.

А там, оказывается, Жюль Верн и Стивенсон, и я даже не знаю, что на это подумать.

«Детей капитана Гранта» я читала давно – устраиваюсь на диване, сворачиваюсь, чуть не мурчу.

Когда акула уже поймана, но о бутылке еще никто не имеет понятия, я слышу грохот.

Кто-то дверью кухонной со всей дури шарахнул, надо же.

– И никакой ответственности, по-твоему?

Это Андрей, и, ох, как хорошо, что со мной он таким голосом никогда не говорил. Подчеркнуто ровным, слова – плотина, а за словами – не знать лучше, что.

– А что, вот так лучше? Вот так? Да что вы с ней вообще...

– Инна!

О Господи. Он-то на нее – но я ведь все слышу.

Я не нарочно, – готовлюсь оправдываться, – я даже дверь за собой закрыла, я не виновата, что вы так орете.

Они говорят еще что-то, но мне уже не слышно, а потом закрывается входная дверь. На «Дункане» оживление – бутылку нашли и записки вытащили.

– Инна просила передать тебе ее извинения.

Андрей проходит через комнату быстрым шагом, садится рядом:

Интересно?..

– Ну да, – отвечаю и книгу откладываю, – я ее уже читала вообще-то, а за что извинения?

– Что не попрощалась.

– Аа-а.

Андрей настолько хмур, что воздух вокруг него кажется гуще. Слова мои там висают и так и остаются, и говорить мне сложно.

Сидим молча; я кошусь на него с сочувствием.

Когда тишина начинает давить, я аккуратно спускаю ноги с дивана и решаюсь.

Андрей еще не знает просто, как я умею.

– Вы устали, да?

– Что?

Он поворачивается и смотрит на меня с интересом – ну и вопросы тебе в голову приходят, девочка.

– Вы устали, – повторяю уже утвердительно.

Я думаю, что если сейчас опущусь на колени и загляну ему в лицо, как подругам, и потрюсь лицом о ноги – это будет что-то не то.

Но обмурчать все равно обмурчу!

Подхожу к подоконнику, отвожу штору – ну коне-е-ечно, сухая земля, кто бы сомневался.

– У вас цветы не политы, – говорю осуждающе.

– А?

Нет, это ж надо так себя довести.

Сколько он работал, и зачем он столько работал, и что это был за ор только что.

Я фыркаю, спрашиваю снисходительно, как опытная хозяйка у молодой:

– Где лейку можно взять?

«На кухне, кажется» лейки не обнаруживается, и я поливаю цветы остывшей водой из чайника; Андрей наблюдает за мной с недоумением.

Я поливаю цветы, мою посуду – поднимая брызги, вытирая пену со стен.

Кричу:

– У вас в губке завелась разумная жизнь! – и выкидываю, хотя из нее всего-то сочится что-то коричневое.

На кухне работы мне больше не видать, здесь безобразно чисто, и я вбегаю в гостиную и прыгаю на месте.

– Что мне еще сделать, что мне еще сделать, что мне еще сделать!

– Вопрос или песня? – от улыбки веет теплом, ну ничего себе.

Но мне теплу удивляться некогда, мне сбиваться нельзя, и я отвечаю звонко, почти выкрикиваю:

– Песенный вопрос! Ну чем мне быть полезной, чем мне быть полезной, чем? Я могу даже сбежать в магазин и купить вам рому!

– Тебе не продадут.

Да я знаю, что мне не продадут, я не дурак, но пусть ему кажется, что да, пусть ему от этого веселее будет, на это ведь и расчет!

Я прыгаю и жалею, что он не девочка. Нельзя руки взять в свои, нельзя с дивана стащить и по комнате закружить, и обнять и затихнуть – тоже нельзя.

И «мрр-р»-то ему не скажешь, вот зараза.

– Хотите, я вам песню спою?

Сама чуть было не застываю столбом – что сморозила?! – а Андрей ничего, улыбается, смотрит.

Я хорошее кино иногда, да.

– Какую песню?

Тут я все-таки перестаю прыгать, потому что сбивается дыхание.

И потому что на самом деле не знаю, какую песню собиралась петь.

Но останавливаться-то нельзя, и я плюхаюсь на пол рядом с диваном и предлагаю:

– Про хиппи!

– Давай про них, – соглашается опять почти равнодушно. Да что такое, на секунду нить отпустишь – он опять в хмарь скатывается!

Чтоб я еще когда-нибудь...

И я пою ему песню про хиппи, который хиппи быть перестал, и потом Веню Д’ркина, «Шалабуду», и потом еще про коня, «в штанах» и «без штанов», но это на один голос неудобно.

Очень хочется все-таки взять его за руки и закружить по комнате, но немножко здравого смысла у меня еще осталось, и мы опять сидим молча.

Я не умею растормашивать мужиков, видимо.

– Ты не возражаешь, если я выпью?

Мы так долго молчали, что я успела свыкнуться; я лежу на полу, на спине, смотрю в потолок.

Редко бывает так спокойно на чужой территории.

– Ну, – говорю, – вы же не будете много пить.

– Много не буду, – улыбку я поймать не успеваю, но ведь знаю, что она была!
Я их всех помню – собираю, храню, как смски и письма, как феньки, как кольца.
– Составишь компанию?
Ну вот. Только станешь частью дома – пить зовут.
Я сажусь.
– Знаете, – говорю осторожно, – я не очень хочу с вами пить.
– Пить я тебе и не предлагаю.

И мы идем на кухню, и Андрей из холодильника достает водку и огурцы, из шкафа – стакан; я сижу на табуретке, наблюдаю, ворую закуску.

А потом Андрей пьет, и я перестаю жевать и сижу тихо.

У меня в жизни не было такого января.

Пустой стакан тяжело опускается на стол, по Андрею почти не заметно, что выпил, только глаза чуть блестят – неправильным блеском, но это не страшно.

Я беру еще огурца.

– Сейчас же январь у нас?

Я киваю – рот набит.

Андрей смотрит на подоконник:

– В прошлом году у меня здесь елка стояла.

Подоконник узок, пуст и белоснежен, и елки я на нем не представляю, да и зачем Андрею елка?

Еще я думаю, что за этот разговор ему будет завтра стыдно, что нечестно быть трезвой, когда он выпил, и...

– Шторы задерни, а, – просит чуть хрипло. – Сидим, как на витрине...

Я спрыгиваю с табуретки, задергиваю как могу быстро – пусть не видит подоконника, пусть про елку забудет!

Но нет, подходит ко мне, смотрит на занавески – и ясно, видит не их.

Ну черт возьми.

– Дина наряжала, – еще лифчик свой туда вешала...

Мне хочется вдарить по подоконнику кулаком.

Ну куда вы в меня пихаете все эти откровенности?! Нашли кому душу изливать, – Господи!

А жалость подступает опять – вот-вот с головой захлестнет; воздух заряжен искрами, заряжен чем-то – звон, взрыв, осколки по полу...

Хочется зашипеть.

К черту!

И я срываю штору – трещит ткань. Вешать теперь полдня, – ну а сколько воздуха-то звенеть.

– Это что?

Андрей, ура, елки больше не видит, проснулся.

Голос, правда, ледышка, зато откровенничать не рвется.

– Это, – говорю спокойно, – я вам шторку сорвала.

Специально.

И вот тут Андрей смеется – первый раз вижу.

Смеется и качает головой – ну даешь, ну даеешь!

– Ну ты даешь, Катерина Арсеньева.

Андрей садится, я аккуратно кладу шторку на пол и думаю, есть ли в этом доме стремянка.

Я просыпаюсь оттого, что кто-то хлопает дверью ванной.

Минуту лежу неподвижно, смотрю в потолок, жду вчерашний день.

Не помню ничего; приди кому охота, он мог бы сейчас подсунуть мне совсем другое вчера, и я бы не заметила подмены.

Потом всплывает: оторванная шторка, смеющийся Андрей, – и по жилам разливается чувство правильности.

Как же хорошо, что не случилось. Я не знаю, что должно было – но как же хорошо, что не.

Болит голова – боль скопилась чуть выше левой брови, набухла, что такое-то.

Под одеялом жарко, простыня сбилась.

Здравствуй, день.

Я встаю, иду на кухню и в коридоре натыкаюсь на Сережку.

Госсподи, чудище, что с тобой?

Бледный, хмурый, нескладный какой-то, волосы всклокочены.

– Доброе утро, – говорю я с сомнением.

Он смотрит на меня мутными глазами, шелестит, будто в горле пересохло:

– Доброе утро.

И уходит в комнату, шлепая по кафелю босыми ногами.

Я вваливаюсь в кухню.

– Ма-а-ам!

Мама сидит на стуле, чуть сгорбившись, пьет чай.

– А?

– Мам, он это что?

– Сережка? Да плохо ему!

Тон у мамы обвиняющий, будто я виновата; черт.

Она им только в крайних случаях говорит.

Ла-адно, не поддаемся панике, говорим спокойно.

– В чем это выражается?

Мама отвечает про тошноту и температуру, а я трясусь головой. Это надо же было так похоже на Андрея сказать!

С кем поведешься...

Я не очень замечаю, как оказываюсь за партой – одетая, сумка на плече, уроки сделаны – все как положено, только подруга болеет. И к лучшему – вряд ли бы я сейчас общаться смогла нормально.

Я думаю про Сережку – с чего ломает брата моего, ну, что это?

«У него уже давно так, это ты все шастаешь где-то и не видишь».

Ну да, к Андрею вот в гости шастаю, себя теряю – а дома такое.

Мурчишь чужих мужиков, а братья страдают.

Но откуда я знала!..

Телефон раздражается вибрацией: Андрей.

«Перчатки не желаешь забрать?»

А, то есть я их у него забыла – но какая разница.

«Не сейчас», – отвечаю тускло, без точки, и хочу телефон выключить, но не успеваю.

«Что случилось?»

«Катерина!»

Быстро как печатает, зараза!

Я пихаю телефон в сумку, вывожу интегралы, читаю параграф.

Я очень старательно ищу площадь криволинейной трапеции, но нахожу все равно не то.

«Семееен Семеныч!» – качает головой Марина Юрьевна, и на слове «Семеныч!» я дергаюсь.

Надо было вычитать не из нижней площади верхнюю, а из общей нижнюю, и я, в общем-то, все понимаю, но тут звенит звонок.

Я взваливаю на плечо сумку и выхожу в коридор.

Телефон вибрирует так долго, что я прислоняюсь к стене, сумку скидываю.

«А.С».

Ну конееечно, взволновался!..

– Здравствуйте, – успеваю вперед, – ясейчаснемогуговоритьпростите.

– Голос сел?

– Не кричите на меня, пожалуйста.

– Я кричу?

– Отстаньте, пожалуйста, у меня брат болеет, я не могу адекватно разговаривать.

В трубке заминка, шорох.

Я в первый раз представляю, где он там. Может, переговоры у него, партнеров важных толпа, может, в кабинете сидит, отчеты просматривает. Занят же, работает – но отвечает всегда сразу, а я?..

– Простите, – говорю, кашляю, и мой хрип тонет в его «извини, Катерина».

Фыркаю.

– Чем болеет?

– Оно вам важно?

– Иначе бы не спрашивал, чем болеет?

– Да фиг его знает, чем!

Я стою все у той же стенки, повышаю голос.

Кто-то раскатисто орет «на-а-а-аливай!», – улыбаюсь:

– Вас хотят впечатлить.

– Шутка такая?.. Слушай, Катерина, я тебя смогу встретить ровно в три.

– Сегодня?

– Сегодня. До встречи.

В трубке гудки, а я вспоминаю, что уроков семь.

Ладно – звоню.

– Вы зайдете в школу?

– Разумеется.

Ровно в три часа я спускаюсь в холл. Андрей сидит на скамейке, читает газету – первый раз я вижу его в очках.

– Ну здравствуй.

– Здравствуйте.

Школьный вахтер хмурится непонимающе, но мне еще никогда в жизни не было настолько плевать на школьных вахтеров.

Я сажусь рядом с Андреем, смотрю в лицо – и хочу сбежать. Не хмарь уже – усталость каменная, обреченность, – не размурчишь никак, самой бы ноги унести.

Но я сижу на месте.

– Дай телефон, пожалуйста.

– Мобильник вам мой нужен?

– Именно.

Я жму на нужные кнопки:

– Вот, он теперь живой и послушный.

– Превосходно.

И раз-раз-раз – жмет тоже, попадает как-то, а пальцы ведь у него нетонкие.

Я смотрю из-за плеча. «Меню» – «Контакты»...

– Вы что делаете?!

Я даже не знаю, что сказать, зачем-то пытаюсь телефон выхватить; пальцы у Андрея стальные, но я упорная.

– Эээ!

Вахтеру, видно, тоже больше нечего сказать, но нам хватает. Андрей оправляет пиджак, я – волосы, и мы сидим чинно.

Обычно я так с Сережкой возжусь, разнимает – мама.

– Это вот что было? – я ошарашена и потому наглая.

– Тебе объяснить?

– Да.

– Тебе точно надо это объяснять?

– Точно!

– Тебе ведь труднее будет с этим знанием, Катерина, – смотрит сочувственно и виновато.

Виновато. Он. На меня.

Отлично.

– Точно хочешь знать?

– Скажите уже, – бурчу, – перемена короткая!

А сердце о ребра хыдыщ-щ, хыдыщ-щ, хыдыщ-щ.

Чего оно такое большое-то – всю меня заняло!

– Скажите, а, пока я тут не грохнулась.

– Дело в том, что я тебя выдумал.

– Чтоо? – спрашиваю по инерции, а в голове уже проясняется с беспощадной ясностью.

Вот почему.

Вот почему я не могу его не слушаться.

Вот почему он про меня все знает.

Вот почему эта дрожь от взгляда, вот почему бесилась!

– Ну, жива? Нормально воспринимаешь информацию?

Я киваю.

У меня опять все обрушилось.

Погодите.

– А мама?

– Что мама?

– Семья моя – она настоящая? Как вообще...

– Смотри, – смотрит снизу вверх, Господи, а голос баархатный, – я тебя выдумал вот такой. Семнадцатилетней, очень легкой, очень хорошей. Ну, мало ли, пришел образ, я удивился, из головы выбросил.

А ты воплотилась.

Но ты же не могла без прошлого – и вот оно у тебя стало. Ты не могла без семьи – и вот она у тебя тоже стала. Все это было заложено в том образе, который я тогда увидел, – заложено было, но раскрутилось уже само, без меня.

Понимаешь? Не теряешь нить, Катерина?

Нет, киваю отрешенно, не теряю. Звенит звонок, и мне кажется, я сейчас точно свалюсь, – звуки бьют по темени.

Холл залит электрическим светом; я зажмуриваюсь.

А Андрей продолжает – быстро, опять чуть хрипло:

– Скажем, если бы у тебя плохая семья была, ты улыбалась бы не так. Не было бы семьи – вообще другой расклад. Все заложено в образе, но процесс пошел сам.

Некоторым выдумкам только волю дай воплотиться...

– И что, сколько нас таких?

– Придуманных? Мало. Не все могут воплощать – да я сам не верил.

Сказали как-то: дескать, воля сильная, чувства подавляешь часто, – смесь опасная, думай осторожней.

Не верил, не верил, – потом ты в метро.

– Вы поэтому мне столько вопросов задавали?.. А...

Он перебивает:

– Бабушки-дедушки есть у тебя?

– Нету.

– Вот-от, вот поэтому и нету – не до начала же времен твоему прошлому разматываться! И прабабушекпрадедушек небось не помнит никто, как звали?

– Но бабушку Таню я же помню! – возражаю из упрямства, думаю: сва-люсь.

– Мало ли, что помнишь, воспоминания – такое дело...

Андрей замолкает – а мне бы собрать себя как-нибудь.

Выдать что-нибудь осмысленное.

Я думаю, не дать ли себе пощечину, но вспоминаю о вахтере.

– Мм-м, – трясую головой, – знаете, я сейчас усну, кажется.

– Телефон-то возьми, «усну»...

Я беру, пялюсь в экран.

«А.С.» – «Удалить контакт?»

– Соглашайся.

И вот тут-то я вскидываюсь, и сна нет как нет.

– Вы зачем решили свалить? Вам стыдно стало?

– Почему стыдно?

Андрей недоумеваает, и правильно недоумеваает вообщ-ето, но кто виноват, что меня несет. Сам же и виноват, сам придумывал, ха!

– Стыдно, стыдно, стыдно! Вы же из любопытства, ткнули палкой и смотрите, что будет! Как лягушку!!!

Я думаю, что «лягушка» его добьет, но нет, он не стыдится, не бесится даже. А я тяну, на грани уже, голосом не своим:

– База-а-аров...

И смеюсь. И думаю, что ему пора бы дать мне пощечину.

– У кого брат болеет?

Я застываю. Действительно, зачем по лицу, когда слова есть.

– Слушаешь?

Киваю покаянно.

– Выдумке нельзя подолгу находиться рядом с создателем. От этого страдает он сам, страдает выдумка – но это еще ладно бы, не критично, как ты выражаешься.

Я вспоминаю белизну, кровь из носа – отлично. Не критично, значит.

– Не в этом суть, – опять мое. – Сильнее всего достается тем, кто выдумку пытается формировать.

Чёё, – растекается в голове пятно и так и остается; тупо смотрю на Андрея.

– Брат твой тебя подгонял под свои стандарты? Младшая сестренка должна выглядеть так-то и вести себя так-то?

О даа. Он ли не подгонял.

Он хуже чем родители подгонял.

Не ездите туда, почему не дома, не пускайте ее, она там напьется.

– Ну вот. А когда я рядом, наши представления о тебе схлестываются.

Брат проигрывает, ему плохо – поняла?

Тон – «отвяжись уже, девочка».

– Поняла, но контакт зачем...

– Ты хочешь, чтоб его так дальше ломало?

И вот тут до меня доходит.

Я сижу на скамейке и даже не могу поднять рук, чтобы потереть виски.

– И... – сжимается горло, – и навсегда?

– И навсегда, – смотрит опять с сочувствием, черт, да ему самому грустно.

– А если только виртуально?

– А оно тебе надо?

– Ну а видеться раз в месяц?!

– Надо оно тебе, Катя?

Я трясусь уже совсем, Господи, желе, позорище.

Мне не надо. Мне его каждый день надо.

– Вы зачем вообще это все затеяли? Чтоб... так...

– А я знал, что у тебя брат есть?



– Мы сидим с вами и ругаемся, как придурки!

– Придурки, – кивает.

Молчим.

Я шмыгаю носом.

– Я в тебя столько слез не закладывал, – шутит, а в глазах все видно же.

– Обнимите, – прошу, и он руку свою кладет поверх моих плеч.

Чеерт.

– Вы зачем тогда были в метро?

– А?

– У вас машина же!

– На спор, – чуть улыбается, опять, последний раз ловлю, – с шофером машины как раз.

И молчим. Время уходит – а мы молчим, ну!

– Спасибо вам, – я высвобождаюсь из-под руки, держусь.

– Спасибо, что выдумали.

– Не стоит.

Ну как еще, я думала, он ответит?!

Идиоты, идиоты разрабатывали все эти законы, выдумке хорошо с создателем, выдумка только и может с ним!

Да и создателю с выдумкой тоже...

Беру сумку – громыхает в пенале, лямки – в плечо, у-у-у, сволочь, ненавижу.

– Удачи.

Вот это бы я не в карман, я бы это к сердцу, крестика вместо.

– До свидания.

Я так просто не сдаюсь.

Рисунки Антонины Провады



Полина Дубынина

Дженел

Д ж е н е л

Для нее нет конкретного образа,
Она то ли курит, а то ли опять блондинка.
Она по утрам никогда не собрана.
И хочет собаку по кличке Динго.
Дженел не любит людей и кино по телеку,
И Кофе тоже, но все же исправно пьет,
И легкую ссору она превратит в истерику.
Вот дурра, ее бы не приняли в Камелот.

М е р л и н

Для Мерлина нет ни богатств, ни пристрастий, ни умерших.
Для Мерлина нет ничего. Ничего невозможного.
Он на балкон с кошкой выходит в сумерках.
И думает: «Как же они понимают меня, непростого, сложного?»
Он пишет стихи, подчиняясь минутной панике,
И пишет прозу, совсем не жалея слов.
И Дженел смеется: «Какой же ты глупый, маленький».
А он говорит: «Не квинто, так крысолов».

Д ж е н е л п и ш е т М е р л и н у

Ну здравствуй, Мерлин. Какие новости? Что-то пишется?
Курить не бросил? Семью еще не завел?
А мне без тебя, знаешь, почти не дышится.
Вчера рисовала. Испачкала весь ковер.

М е р л и н п и ш е т Д ж е н е л

Привет. Ну да, все идет по-прежнему.
Курить не бросил. Семью еще не завел.
Решил повесить в комнате фото Брежнева.
И сделать так, чтобы куст у меня под окном зацвел.
Сижу с инструментом. Музыка все не клеится.
Бумага тоже: мысль поперек листа.
Я решил жить. Завтра сажаю деревце.
Дженел, скажи, ну что тебе надо, а?

Д ж е н е л п и ш е т М е р л и н у

Да ничего не надо. Когда писала, думала: поглядим-ка,
Все мысли и тело будто бы в ножевых.
Я в твоей жизни сказочный невидимка.
Хотя есть пара мыслей... бессмысленных, но живых.

М е р л и н п и ш е т Д ж е н е л

Ну вот, ты опять грустишь, маленькая, сквозная.
Дженел, ты форточка: откроешь, и сразу лед.
Я ведь сейчас вообще ничего не знаю.
Дура, тебя бы не приняли в Камелот.

Д ж е н е л п и ш е т М е р л и н у

Знаю. А ты вот вообще волшебник.
И что теперь? Прикажешь не умирать?
Рядом с тобой валяется мой учебник.
И я прошу, не застилай кровать.
И я прошу, не оставляй полжизни,
Не забегай вперед, сам оставаясь здесь.
Мне не придется выть на дождливой тризне.
Скажи, ну как ты думаешь: смысл у жизни есть?

М е р л и н н е о т в е ч а е т

Сергей Купряхин

И ощутил я тяжесть не меня,
А ног, понаследивших по квартире.
Тебя одну из всех имен виня
(И преданность утробного огня),
Нащупал треск в удушливом эфире.
Иерихонски дышит пистолет,
Его призыванье выплюнуть сомненье
Из неразверстых, но опасных недр
И выбить из-под тела парашют,
И доказать мораль холодных тренировок.
Я ощутил, что подлинный пунктир
Зеленой ниткой выведет опрау.
Пускай тебе разметка не по нраву.
Я наследил (уже) на стыке ста квартир.



Ищу впотьмах двенадесятый угол,
Черёды слов ложатся, как настил,
Пугая слух похуже сельских пугал.
Рябина льется, как сентябрь лил.
Тугие плечи ангелов смеялись,
Седые гривы ветер (ветер?) тряс,
Тянул к земле подолы рыхлых ряс.
Шаги шагов стремглаво ускорялись.
Сверхновый пульс осмеивал часы,
Минуты сжались, тонко завопив.
Я предал памяти привыкнувший
язык.
И снова образы патриархальных грив.
И снова крошки сбитого паркета,
Глаза чумы, сверкнувшие вдали.
С меня не взяли нужного обета.
Я отдал все, что только взять смогли.

Не хотелось бы стать приставкой
с вероятностью полу,
Не хотелось бы быть разделенным
на два полутела,
Просто, знаешь, глупым назвать
глаголом
Настоящего времени можно нас.
И без знания дела
Склонять, спрягать в несовершенном
виде,
Ломать и гнуть, играть
параллельными связями.
Из нас никто не может быть
на другого в обиде,
Из нас мы оба друг другу немножко
обязаны.
Мы ищем страны, города и новые
порты,

И забываемся в треске мембранного спора.
И стало уже почти олимпийским спортом
Открывать друг друга, как тайники Пандоры.
Дороги в кольца, линии крутятся туже,
И хиромантия нам уже не поможет.
Просто я тебе, только не смейся, нужен.
Просто ты мне, давай по-простому, тоже...

Календарный листок, удаляемый от собратьев,
В ту же секунду становится глупой вещью.
Время его покидает, как дева — платье.
И зажимает новые сутки в клещи.
Когда на часах стрелка меняет позу,
Жизнь успевает слиться с подвижной тенью
И заставляет подернуться тленом розу,
Чтобы она превратилась в букет забвенья.
Плавно отогнутая рукой портьера
Дарит пространство для отголоска света,
Вдоль незаметной плоскости интерьера
Делает воздух желтым текучим фетром.
Я возвращаюсь в тело, проснувшись ночью,
Слышу часы и момент перехода жизни,
Радуюсь чувству, что тело свое я упрочил
В полном стакане, как в векторе оптимизма.
Там — где легко переставить часы-будильник,
Перелистнуть календарь мановением шторы,
Я себя чувствую силой — почти бессильной,
Преодолевшей время путем офшора.

Рисунки Антонины Провады

Алена Дрюпина

Циркачка

Сюзи проводит ладошкой по пыльному подоконнику и тыкается носом в стекло. За окном идет дождь, и она представляет, что вот сейчас стекло исчезнет – и холодная капля на нос упадет.

Кошки фыркают, когда им на нос капает. Сюзи, наверное, тоже фыркнула бы – ее тетушка раньше «котенком» называла, а котенок – это та же кошка, правда?

От дыхания окошко потеет, и Сюзи рисует пальцем сердечко. Старшие девочки, с которыми Сюзи делит комнату, только сердечки и рисуют – и злятся, когда она читает имена, мелко вписанные внутрь.

Сюзи давно тетушку не видела, и «котенком» ее давно никто не называет. Теперь только «девочка» или «новенькая», хотя она уже три месяца как не новенькая: новенькие все хнычут и пишут письма премьер-министру, чтобы их забрали, а Сюзи привыкла и знает, что премьер-министр писем этих ни разу в руках не держал – их воспитатели в помойку выкидывают, потому что почта дорогая...

Сюзи вздыхает и подтягивает ноги, целиком забираясь на подоконник. Чердачное окно мутное, закоптелое – улица снаружи тусклая и невнятная, прогнившая крыша сарайчика сидит, как клякса. На чердаке нет игрушек, кроме клоуна-погремушки с отколотым носом, поэтому Сюзи рисует на стекле и гадает, придет ли сегодня молочник.

Молочник – щуплый парнишка лет шестнадцати, который, проходя под окнами чердака, машет Сюзи рукой в шершавой перчатке и улыбается широко, как чеширский кот; Сюзи обожает распахивать окно и свешиваться вниз, пытаясь дотянуться до его треугольной заплатанной шляпы.

– Сегодня четверг? – кричит она ему, а он отвечает:

– Не-е, принцесса, вторник! – и стучит в заднюю дверь: – Хозяйка, эй, молоко!

Старый календарик Сюзи уронила в лужу по дороге из церкви, а когда нагнулась поднять, ее окатила грязью проезжающая мимо повозка.

– Ой, дурная, что творишь! – причитала воспитательница, сгребая Сюзи за шиворот и озабоченно оглядывая запачканное платье, с которого текло в три ручья.

– Лягушонок, – прыснул кто-то.

С тех пор Сюзи и спрашивает дни недели у молочника, сама разницы не видит: что утро понедельника, что среды с холодной воды в лицо начинается, только по воскресеньям подъем на час раньше и вода теплее – потому что в церковь.

Сюзи дышит на остывшее стекло... и вырисовывается оплывший контур пухло-

го сердечка. Топот дождя смолкает, и Сюзи открывает окно – немножко, до щелочки, потому что с крыши капает – а ну как на платье, промокнет – нового не дадут.

Треснутая морщинистая рама скрипит, отползая, и на Сюзи веет влагой улица. Сюзи смотрит на задний двор и удивленно высовывает нос из окна: к калитке подкатывает большая телега – не та щедро подаренная мэром крепкая громадина, которая привозит овощи и крупы для кухни, а старенькая и скулящая повозка с самодельным тентом, по которому наляпаны заплатки-звездочки. С телеги слезает человек в дурацкой соломенной шляпе и, хромя, шлепает по лужам к задней двери. Полы длинного плаща волочатся по земле, человек неуклюже подпрыгивает, стряхивая грязь, и стучится.

Сюзи во все глаза смотрит на лошадей, которые фыркают и трясут намокшими гривами. Пегая лошадь тыкается мордой в калитку, будто искренне недоумевают, какой тупица оставил ее закрытой.

– Прости, Пегги, малышка, – посочувствовал голос из-под тента. – Ты слишком большая для этой калитки. Да, мне тоже обидно. Угостить тебя сахаром, хорошая моя?

Лошадь радостно заржала.

– О, смотрите, наш Фредди наконец-то нашел себе подружку, – рассмеялась какая-то женщина, взмахнув красным рукавом (он показался из-под тента, и Сюзи подумала, что хочет такие рукава для своих платьев). – О, милый, прекрати с ней сюсюкать!

– Почему?

– Остальным лошадам обидно.

Паренек с рыжими вихрами, уже выбравшийся из телеги, почесал затылок.

– О, я как-то не подумал. Держи, подруга, – он забрался обратно, послышалась возня и громкий хохот.

– Себе оставь свой сахар! – обессилено кричала женщина. – Хватит, ну, Фредерик, кому говорю!

Сюзи захихикала и представила, как рыжий кормит сахаром женщину с темными кудрями, – ей казалось, что обладательница мягкого гортанного голоса просто обязана быть черноволосой и кудрявой, как цыганка, – а та хохочет и колотит его по спине.

Дверь чердака скрипнула, и Сюзи испуганно отпрянула от окна.

– Опять прячешься? – воскликнула воспитательница, пересекая чердак и хватая Сюзи за руку. – Вот запрю здесь, будешь знать!

Сюзи было жутко любопытно, кто приехал в странной повозке – бродяжки? а вдруг артисты? Но воспитательница тянула ее к лестнице, не переставая причитать, какая непослушная девчонка ей досталась.

– Ты вот почему не в классе, а?

– Я еще маленькая, – отозвалась Сюзи, думая о человеке в соломенной шляпе, которого уже наверняка встретили внизу. – Мне через год только в школу.

– А это что такое? – ахнула воспитательница – Вся юбка сзади черная, ты что, в луже сажи сидела?

– Нет, – робко улыбнулась Сюзи. – Я же не глупая, в саже сидеть.

Молли объяснила Сюзи, что бродячий цирк дает представления по всему свету.

– Моя бабушка сбежала из дома и стала в бродячем цирке фокусницей... ну, сначала она воровала разные штуки из карманов важных джентльменов, – доверчиво прошептала Молли. – Она рассказывала, что однажды в город приехали артисты с большими шатрами и лошадьми в бубенчиках и выступали на площади. Какая-то акробатка угощала детей фруктами и сладостями, и бабушка украла у нее яблоко. А та заметила и сказала, что такой ловкой девочке нехорошо воровать яблоки. И научила ее показывать фокусы. – Молли вздохнула, обсасывая кончик косички. – Мне нравится эта история, но бабушка такая старая, что ей могло все это показаться...

– А я верю, что твоя бабушка была бродячей артисткой, – сказала Сюзи, и Молли благодарно улыбнулась. Ей ужасно нравилось думать, что у бабушки была такая удивительная жизнь, про какие пишут в книжках.

Сюзи и Молли сидели на крыльце приюта и хрустели разделенной пополам грушей. На улице уже стемнело, оставленный на крыльце фонарь походил на большого пузатого светлячка.

Воспитательница днем сказала, что приехали артисты – и девочки сторожили вход, надеясь увидеть их первыми: это ведь артисты – они точно войдут в переднюю дверь!

Но улица тонула в сумерках, а по дорожке, ведущей к дому, только кошки шмыгали.

– Ну, все, – на крыльцо торопливо вышла воспитательница девочек, миссис Руф, и подняла фонарь. – Хватит сидеть тут, простынете.

– еще чуть-чуть, – взмолилась Сюзи, но миссис Руф была непреклонна.

– А если миссис Бель на обход пойдет, а? – упоминание суровой директрисы возымело эффект, и девочки поплелись в холл. – Через пять минут зайду проверить, как вы спите!

Миссис Руф с фонарем скрылась в коридоре, а девочки, нашарив в темноте перила лестницы, стали карабкаться вверх, в спальню. Обе нетерпеливо оглядывались: а вдруг вот сейчас, в этот самый миг, артисты подойдут к парадному входу – и найдут только темную дверь, запертую на замок? Но они понимали, что воспитательни-

ца и так сделала им подарок, позволив покарать на крылечке до самого отбоя, и будет очень некрасиво попасться, гуляя ночью по дому.

В спальне всего две кровати оставались заправленными, и девочки поспешили это исправить. Шепот стих, когда в дверном проеме показалась миссис Руф и пожелала всем спокойной ночи.

– А цирк будет? – тоненьким голосом спросила девочка с длинной светлой косой, и дети одобрительно закивали, приподнимаясь на постелях.

– Артисты здесь, – коротко ответила воспитательница. – Спице.

– А где артисты спят?

– В амбаре. Их слишком много, чтобы мы могли уложить всех на кроватях. Спать! Молли повернулась к Сюзи и поймала ее испуганный взгляд.

– Это они! – шепнула Сюзи, чуть не плача. – Которые на повозке со звездочками! Я знала, что они артисты, я знала!

– И они спят в амбаре, – упавшим голосом заметила Молли.

Сюзи всхлипнула.

– Это сарай! Просто сарай, там мыши! Артистам там не понравится, и они уедут!

– Я знаю! – Молли подскочила на кровати и захлопала в ладоши, но тут же нырнула под одеяло и быстро зашептала: – Мы им наши кровати отдадим! Пойдем туда и позовем их к нам, только на ночь, а утром они уйдут! Они будут знать, что мы их любим – и не захотят уезжать!

Сюзи как-то услышала выражение «Душа поет» – но не поняла, как это. Душа ведь не может петь – иначе это слышали бы все! Или она поет тихо, на ушко? Но сейчас Сюзи сказала бы, что и ее душа поет – ей на ушко, да так громко! Ей стало тепло и хорошо: как будто она забралась в тетушкину кровать и укрылась ее большим одеялом, а тетушка принесла ей пухлую кружку с теплым молоком.

Пустые коридоры со скрипящими половицами и тенями, танцующими на стенах, показались вдруг совсем не страшными.

– Подождем, пока миссис Руф уснет, и проберемся в сарай!

Девочкам повезло: задняя дверь на ночь не закрывалась – с кухни выносили мусор, возвращалась с прогулки тощая кошка – сейчас она сидела на пороге, вылизывавая лапу. Сюзи тихонько пискнула и сильнее вцепилась в ладошку Молли, когда кошка подняла на нее желтые глаза с широкими зрачками.

– Кыш-ш-ш, – Молли махнула рукой, кошка только фыркнула и вильнула хвостом. – Уйди, кыш!

Сюзи вспомнила, как дома играла с Лилу – трехцветной кошкой тетушки – оберточной от конфеты. Она поискала глазами что-нибудь шуршащее, но в свете единствен-

ной лампы, подвешенной над дверью, разглядела только чахлый веник в углу. Вытащив из него тонкий прутик, Сюзи присела на корточки и поманила кошку:

– Кис-кис-кис...

Та замерла с высунутым языком и медленно опустила лапу, не сводя глаз с прутика.

– Она думает, что это мышка, – объяснила Сюзи и бросила прутик в сторону; кошка прыгнула, накрывая его лапами. – Бежим!

Улица пахла сыростью, хлюпали грязные лужи – полы ночных рубашек промокли и липли к ногам.

Но девочки добежали до сарая, ни разу не пискнув – ни от воды в ботинках, ни от забрызганного белья.

И Сюзи слышала смех. Тот самый – низкий, залиvistый, обладательница которого представлялась ей цыганкой. Молли неуверенно потянула на себя дверь сарая, и та протяжно завывала...

Сюзи подумала, что если это сарай – то какой-то сказочный. На нее не дохнуло запахом отсыревшего сена, не выплыла навстречу густая темнота, только запахло дождем и липами, в глаза брызнул мягкий свет – под потолком висели цветные бумажные фонарики, будто служившие домиками светлячкам.

– Осторожней на пороге, котятки, не поскользнитесь.

– Ой, – Сюзи робко улыбнулась миловидной женщине с цветами в волосах и протянула руку, вытаскивая крошечную ромашку. – Настоящая!

– Конечно, конфетка, как же еще?

Молли топталась на пороге, глядя, как застенчивая обычно Сюзи плюхается на сено рядом с похожей на лесную нимфу женщиной и радостно лопочет. Артисты притихли, улыбаясь маленьким гостям, только рыжий паренек тихонько брэнчал на гитаре.

– Молли, – позвала Сюзи.

Она опустилась на пол рядом с подружкой и почувствовала, как женщина ласково тербит ее ладошку.

– Не дрожи, трусишка, хочешь, Фредди сыграет для тебя?

Рыжий осклабился и помахал над головой гитарой, чуть не задев человека в соломенной шляпе, который привычно пригнулся.

Сюзи почти не понимала слов песни – но музыка была веселая, артисты подпевали – и ей тоже становилось весело и легко, как будто она долго играла в салочки и наконец-то села отдохнуть.

– А бабушка Молли была цирковой артисткой, – воскликнула Сюзи, когда гитара замолкла. – Да, Молли?

– Моя бабушка была фокусницей, – смущенно подтвердила Молли.

Артисты одобрительно зашумели, и она радостно улыбнулась. Сюзи сжала ее ладошку и выразительно моргнула – пора рассказать наш план.

– Понимаете, у нас очень маленький дом, – объяснила Сюзи. – И много-много детей, поэтому все спальни заняты.

– Мы подумали, вам грустно здесь, – подхватила Молли, – хотя у вас есть такие забавные шарики – похожи на домики для светящихся фей... но если вам все-таки грустно – вы могли бы по секрету пробраться с нами в спальни!

– Что вы, котятки, разве тут может быть грустно? – женщина с ромашками в волосах улыбнулась и поймала в воздухе светящийся шарик. – Они теплые, как яблоки в полдень. Вы грустите, когда у вас есть теплые яблоки?

У Молли подрагивали губы, словно она не знала, улыбаться ей или нет: слова похожей на цыганку красавицы вдруг показались такими странными – интересными, забавными, но непонятными. Сюзи по-птичьему наклонила голову и спросила:

– Вам их волшебник дал, да? Фонарики.

– Ага, волшебник, – прокряхтел человек в соломенной шляпе, скрывая беззубую улыбку под широкими полями. – Йынбешлов. Так его звали.

– Йынбешлов! – девочки захлопали в ладошки. – А у него была шляпа?

– Пиратская.

– Но у волшебников не бывает пиратских шляп!

– У Йынбешлова была, – твердо сказал человек.

Он сдвинул соломенную шляпу набок, чтобы видеть радостные улыбки девочек, которые представили волшебника с длинной белой бородой – в пиратской шляпе и с повязкой на глазу!

– Теперь вы видите, – в глазах цыганки плясали искорки, – нам тут совсем не грустно!

– Как вас зовут?

Сюзи подумала, что имя женщины, вплетающей в локоны полевые цветы, должно быть мягким и теплым, как полуденные яблоки, собранные в подол платья.

– Мадлен, котенок. Меня зовут Мадлен.

Утро проскальзывает в приоткрытую дверь сарая медовым солнечным лучом и щекочет нос спящей Сюзи. Ей не хочется просыпаться, но луч пробирается под опущенные ресницы. Сюзи сладко потягивается, шуршит мягкая солома.

– Молли? – сонно зовет девочка. – Мадлен? Фредди?

Теплая рука ложится на макушку:

– Доброе утро, котенок. – у Мадлен низкий, приятный голос, похожий на далекие раскаты грома: тихие, урчащие и – не пугающие.

Мадлен смеется.

– Ой, сколько у тебя соломы в волосах, – Сюзи щурится от удовольствия, когда женщина расплетает ей косу и перебирает тонким гребнем темные пряди. – У тебя красивые волосы, Сюзи, никому не позволяй их отрезать.

– Воспитательница говорит, мы должны: иначе заведутся вши, – отвечает Молли, протирая спросонья глаза. – Мои вот совсем короткие.

Кудряшки Молли достают до ушей, она трясет ими, как щенок.

– Однажды твоему принцу придется заплести их широкой красной лентой, – лукаво улыбается Мадлен. – Чтобы русалочьи кудри до пят не мешали тебя целовать.

– Ой, – Молли смущенно закрывает рот ладошкой, а потом залиvisto смеется: – Бедный мой принц!

– Счастливый!

Сюзи слышит перезвон колокольчика, и глаза начинает щипать. Колокольчик висит на первом этаже, и каждое утро воспитатели дергают за веревочку, желая ясным перезвоном разбудить детей.

Молли грустно ковыряет пальчиком солому.

– Две кровати скучают по своим детишкам, – заметила Мадлен. – Им будет приятно, если их навестят и аккуратно застелют. Кроватки очень грустят, когда всю ночь стоят пустые, но не могут сказать об этом, как люди, не могут даже хвостиком повилать, как собачки, – и никто не видит, как они радуются, когда о них вспоминают.

Сюзи не может не улыбаться, представляя, как кровать виляет хвостом.

Сюзи не может усидеть на стуле, когда миссис Руф нараспев читает скучную сказку – раньше девочка поверить не могла, что сказки бывают скучными, но вдруг дракон не пугает, принц кажется глупым, а принцесса – такой капризной! Сюзи вертит-ся и поминутно смотрит на часы: сдвинулась ли большая стрелка?

Получив третье замечание от сердитой миссис Руф, Сюзи незаметно сползает на пол и обхватывает коленки руками. Молли дергает ее за рукав и испуганно кивает на воспитательницу.

– Не могу-у, – шепотом объясняет Сюзи и вздрагивает от окрика: «А ну сядь на стул!»

Время тянется так медленно, что Сюзи мечтает закрыть глаза, а когда откроет, увидит натянутый посреди столовой занавес в заплатках-звездочках – и ощутить наконец-то близость волшебства и дикой, неприрученной сказки, которой веет с длинных, пахнущих дорогами одежд цирковых артистов.

Когда оно наступает, Сюзи не верит.

Может, это оттого, что Сюзи никогда не видела фокусов, а может – потому что соломой волосы еще пахнут, а смех прекрасной нимфы с ромашками в локонах предназначенным кажется для нее одной.

Сюзи думает, что счастье – сидеть, замирая от восторга, хлопая песням смешного рыжего Фредди, смеяться его кривляниям и ахать, когда разноцветные платочки радугой вспыхивают в воздухе.

Сюзи радуется человеку в соломенной шляпе, его глубоким насмешливым поклонам, как бы говорящим: «А, каково?», его грозным, но отчего-то нестрашным заклананиям – и кролику-альбиносу, трепыхающемуся в его руках.

– Это так... так... – восхищенная Молли не находит слов и теребит рукав Сюзи. – Бабушка радовалась бы, как девочка! – говорит она наконец, и мысль, что бабушка уже не порадует, не тревожит ее.

Молли знает – бабушка порадовалась бы и тому, что ее внучка видит эти чудеса.

Сюзи надеется, что если закрыть глаза, голоса смолкнут – и ей в лицо уткнется морда старой кобылы Пегги.

– Пф-ф-рив-ф-ф-ет, – фыркнет Пегги.

– Привет, – тихонько скажет ей Сюзи и погладит спутанную гриву, звеня вплетенными колокольчиками. – Как ты думаешь, в повозке найдется место для маленькой девочки?

– Пф-ф, насколько маленькой? – спросит Пегги. – Как мышка? Как кошка?

– Как я, – Сюзи прижмется к кобыле и зажмурится, пряча в темной гриве слезы.

Ей покажется, что красивая любимица Фредди – не та, кого нужно спрашивать, но лишь она могла бы ответить «да».

Волшебные фонарики, искры крошечных светлячков, сплетенные в радугу платочки, голуби под потолком, белые крольчата под лавками, доверчиво ластившиеся к ладоням – и радость, полная, ясная, такая, от которой сердце пищит и подпрыгивает. Дети не могут отпустить артистов, они кричат, хлопают, смеются, тянут руки к артистам и просят спеть – снова, да, ту песню, слова которой выучены за пару минут.

Фредди растягивает рот в широкой клоунской улыбке и, встряхивая рыжими вихрами, как старая Пегги, удобней укладывает гитару.

Сюзи весело подпевает простым, но отчего-то приятным словам, ей кажется, они похожи на варенье из спелой малины – такое тетушка варила, и оно тоже было простым и невзрачным, но вкусным и... домашним. От легонькой мелодии покалы-



вало в груди. В куплете было что-то про фиалковый сад и морской бриз, про солнце, ныряющее за край, чтобы согреть продрогшую луну, – и это исподволь напоминало о доме.

Мадлен махнула рукой и улыбнулась – у Сюзи сжалось сердце, но она ответила радостной улыбкой, только уголки губ подрагивали, желая опуститься.

– Не грусти, – шепнула ей Молли, – не нужно.

Теплая ладошка накрыла ладошку Сюзи, и от этого сразу стало лучше.

Поздний вечер пробрался в окошко спальни и замер, не решаясь просочиться сквозь занавеску. Холодный лучик света скользнул по потолку.

Сюзи смотрела, как он ползет на стену и карабкается вниз, и думала, что утро началось с такого же лучика – только солнечного. Солнечный щекотал нос и плясал на бумажных фонариках, а лунный был похож на маленькую белую змейку. Сюзи поежилась и закусила губу.

После представления воспитательница отправила детей в спальни, не желая слышать ничего о том, чтобы проводить артистов в дорогу.

Уже час Сюзи то сопела в подушку, то откидывала жаркое одеяло, то следила за ползущим по спальне лучиком. Она сердито терла глаза, пока их не начинало щипать не от слез, а от красноты вокруг, – и тихонько всхлипывала.

Сюзи жалела, что в спальне не было волшебных фонариков со светляками внутри, жалела, что кровать не собачка и хвостом совсем не виляет, что Фредди запрягает старую Пегги в повозку, что Мадлен плетет себе косы, негромко напевая, а шаги воспитательницы не дают усомниться – сейчас сбежать, как прошлой ночью, не выйдет.

Молли наблюдает за ней очень внимательно и о чем-то думает. Обегает глазами спальню, следит за тенями в узком коридоре – потом легко поднимается с постели, как птичка, вспорхнувшая с ветки, и протягивает Сюзи белый вышитый платок.

– Мамин, – просто говорит она. – Я пойду в коридор, а ты вытри глаза, а то Мадлен расстроится.

Сюзи приподнимается на локте и видит пляшущие в глазах Молли огоньки. Не лукавые, как у Мадлен, не хитрые, как у Фредди, а особенные, такие – только у Молли.

– Вот миссис Руф отвлечется, – заговорщически шепчет Молли, – и ты иди. Только смотри, чтобы кошка у двери не зашипела!

Сюзи думает, что подруга – это самое лучшее в жизни.

Пегги нетерпеливо бьет копытом землю: после целого дня отдыха ей не терпится отправиться в путь. Фредерик заботливо выплетает из ее гривы бубенчики. Человек в соломенной шляпе курит, задумчиво щурясь на луну. Несколько артистов вполголоса переговариваются, забрасывая в телегу тюки с вещами.

Сюзи выглядывает, держась за косяк двери, отчего чувствует себя шпионкой. Выйти в артистам страшно – вдруг воспитатели или директриса ходят неподалеку? Ей попадет за ночные прогулки.

Сюзи видит Мадлен.

Мадлен сидит на пороге сарая и тонким гребнем перебирает густые локоны; полые цветы падают на землю. В лунном свете Мадлен кажется Сюзи не то русалкой, не то все-таки нимфой – но существом однозначно прекрасным. Губы Мадлен шевелятся; прислушавшись, Сюзи узнает мелодию, которую так любит Фредди.

Мадлен выглядит растерянной, песня получается грустной и тоскливой. Сюзи плачет, вытирая ладошкой щеки. Женщина поднимает на нее взгляд, и на секунду Сюзи видит в нем безразличие, которое быстро сменяется лаской.



– Сюзи, – Мадлен улыбается и протягивает к ней руки.

Захлебываясь слезами, Сюзи утыкается носом ей в плечо и обнимает.

– А, наша маленькая зрительница, – хрипло смеется человек в соломенной шляпе, подмигивая. – Что же ты плачешь? Думаешь, больше не свидимся?

Девочка кивает, не отпуская Мадлен.

– Зря, – просто говорит человек и кольцами выдыхает сизый дым.

– Ты вернешься? – шепчет Сюзи на ухо Мадлен.

Сюзи все равно, увидит ли она других: этого, в шляпе набекрень, или Фредди – хотя по нему она будет скучать. Сюзи важно, чтобы вернулась Мадлен – женщина-нимфа с полевыми цветами в крупных локонах, с нежными руками и ласковыми глазами.

– Если наши дороги сойдутся, котенок.

Сюзи кивает, не понимая, отрицательный или положительный ответ получила. Но Мадлен звонко целует ее в щеку и дарит нежную улыбку.

– Нам пора, – подхватывает Фредди и машет рукой. – Не скучай, принцесса!

Пегги шагает на протоптанную земляную тропинку и радостно фыркает. Луна серебрит заплатки-звездочки. Из повозки слышится хриплый смех и знакомая, отчего-то так любимая артистами песенка.

Сюзи глотает слезы и садится на пороге большого дома с темными окнами. Тощая кошка ластится к рукам и громко мурлычет. Сюзи слушает затихающую мелодию, от которой покалывает в груди, и думает, что обязательно найдет ту дорогу, о которой говорила Мадлен.

Рисунки Антонины Провады

Анна Афанасьева

Тепло

Тепло... На сердце, на улице тоже.
И даже когда по окнам дождик,
Тепло. Даже когда по улице
Несешься, кажется, что целуешься.
Плеер в кармане, тяжелая сумка.
До шоссе по переулку.
Моргая, машины проносятся мимо,
Тебе неприятно, но все же терпимо.
В городе нашем повсюду машины...
Взрослая стала, просто привыкни,
Хоть надоел запах бензина
И отвратительна будней рутин.
Есть еще солнце там высоко,
Нежность близко, на сердце тепло.

Ксения Липилина

Улицы

Иду по вечерним улицам. Достоевский бы сказал: «мостовым», но кому он сейчас нужен? Мысли сменяются одна другой. Желаний так много, что уже не знаешь, что говорить, прося у Господа, у часов, у статуэток, натертых до нездорового блеска. Ответа на вопросы не находится, даже если взяться за руки тезок. Самое плохое – знаю, что желание исполнится. И в голове опять мешаются новые мысли, новые «хочу».

Я уже не понимаю, что лучше – асфальт или лед. На льду опасней, но проще. Зато по асфальту легче идти. А на льду лучше дышится. А на асфальте уверенней.

Собственный голос, морщась, просыпается и просит мысли помолчать. Все-таки продолжаю размышлять, но уже стараюсь как-то смирить обе мысли.

Я вообще очень странно думаю. Могу идти, идти, идти, размышлять. А потом – раз! – и эхо предпоследней фразы на меньше чем 5 секунд перекрывает только что начатую. Так же, как я не слышу шума машин, метро. Вдруг я понимаю, что иду по обочине оживленного проспекта, до моего слуха начинают доходить все звуки Москвы, перекрывая мысли. А еще минута – я вновь в тишине.

Знаю, что так у всех, но в моем возрасте люди многое для себя открывают. Примерно так же, как в 7 лет я поняла, что моргаю. Вначале, конечно, испуг и чувство, что ты – это уникал, а потом ничего, на жизнь как-то трезвее начинаешь смотреть...

Вокруг все живое, даже заледеневшие деревья подают признаки жизни. И тем не менее проходящие мимо люди как бы рядом, а как бы и нет.

Мысли вновь разбегаются подобно маленьким букашкам, но я собираю их в руку, сжимаю. Нет, никуда вы больше не денетесь. Так о чем же я? Да, да, вспомнила, я о прохожих...

Ведь не один же не поможет, если упаду. Не будь рядом близких, непременно упала бы. Ну а пока держусь за их шубы, не поскальзываюсь на ледяной дорожке.

Стоит почитать мои записи за прошедшую зиму, и можно подумать, что я люблю снег. А вот ничего подобного. Снег – все равно что песок. Он пуст и еще умудряется душить массой.

Все. Огни трамвая перекрывают все мысли. Волнение притупляется. Отчаянно хочется сделать всему миру рожу и сказать: «Сами жуйте свои фигурки незрелые, я финики не люблю».

Но потом извиняешься за скрытую тавтологию иходишь в вечерний, полупустой вагон трамвая.

«Ребячество» – смешное слово. И слышу я в нем тоже смех, звон. Вижу капель и радугу. А потом еще снег, который превращает ресницы в крыши с сугробами. В этом слове также можно заметить следы ветра на лужах. Знаете, так бывает в апреле: свежая жизнь, свежие мысли и морщинки в водянистых ямках асфальта.

Так странно это – идти по улицам в октябре и вдруг почувствовать Новый год. Он веет чудом и сказкой. Знаете, какой у него запах? Вот и я не знаю. Никакие это не мандарины, не свечи и не оберточная бумага. Запах Нового года вряд ли метафоричен, тем более что для каждого он – свой. Самое близкое из сравнений для меня – тепло. Но только не то, от которого хочется в прорубь, и не то, которое приторно витает в квартире. А то тепло, которое стоит за спиной и так мягко-мягко поглаживает. Не нужна никакая дубленка, чтобы его почувствовать. Он сам приходит и защищает твою спину.

Можно быть, поэтому я люблю Новый год? Он защищает. Я ведь больше всего боюсь кинжалов в спину.

Есть такое красиво имя – Женька. Женька... Слышишь капель, слышишь рассвет и зиму? Вот такие имена нужны каждому. Чтобы произнес и замер, прислушался. А имя еще долго звенит, еще много о чем рассказывает. Ассоциаций и звуков надо больше, исключений из правил. А может быть, надо меняться самим людям, а не именам? Возможно, это лишь их вина, что они оставляют после разговора ровно ничего.

И все же для меня имя Женя – вера, впереди всего вера. И надежда. А любовь – она всегда там, с ними, рядышком.

Если отвлечься и посмотреть на все со стороны: жизнь-игрушка. Это какая-то детская железная дорога, которую надо собрать. В которой есть маленькие деревья, светофоры, поезда и машины. И разбирающиеся, ломающиеся люди. Не могу, не могу отделаться от периодического ощущения, что это все так. Что нас всего лишь вытащили из коробки и переставляют с места на место. Играют. Только не надо думать, что я сейчас о чувствах. Я о том, как выглядит наш мир со стороны. Оглянитесь и попробуйте в своем сознании представить мир игрушкой. Дома тоже из «лего», большие дома являются клетками, в которые мы сами себя посадили. Сами себя закрыли четырьмя стенками и теперь привыкли к этому, как наркоманы. Все в нашей жизни модель чего-то большего, равно как и сама жизнь.

Владислав Маслов

Я уйду не навсегда

Я уйду не навсегда
Туда, где завтра на рассвете,
Проснутся чьи-то города
И побегут босые дети.

Я уйду туда, где впредь
Над головою будет ясно,
Но буду я на мир смотреть,
Как прежде, только беспристрастно.

Я уйду не навсегда
Туда, где завтра в час ночной
Зажжется новая звезда,
Но свет ее уже со мной.

Все выше и выше,
Полет без начала
Не с крыши, а с судеб причала.

Все дальше и дальше,
Жизнь без остановки,
Как в старой колоде, тасовки.

Все глубже и глубже
В пучину сознания
Разрушить навек мирозданье.

Любить или все же
Простить, отпуская,
Забывать, не забыв, растворяя...

Медленным шагом по листьям опавшим
Осень крадется в твой дом.
В этот раз всем, даже горя не знавшим,
Слезы смахнет пожелтевшим листом.

Тысячи раз в каждой капле дождя,
Что беспристрастно свергаются вниз,
Я узнаю не себя, а тебя,
Сердцем надеясь, что все же простишь.

Ты пройди по Садовому осенью,
Загляни в подворотни домов –
Не найдешь ни единой просини
В серых крышах пустынных дворов.

Не увидишь век двадцать первый,
Не найдешь от него следа.
Только ритм, западающий в нервы
Из окон, а потом в никуда.

Даже краски, будто застыли.
Даже воздух вечностью пахнет.
И земли под ногой меньше пыли.
И шиповник под окнами чахнет.

Ангелы

Мы видим ангелов во сне,
Но наяву проходим мимо.
Они, прижав крылья к спине –
Лишь отражение в витринах.
Но просим счастья каждый день,
Общаясь тихо с небесами,
А ангелы – они все здесь,
Живут неслышно рядом с нами.
Они нас помнят, верят, любят,
А мы считаем, что их нет.
Как жаль, что люди себя губят
На протяжении стольких лет.

Бог огня

По вечернему Арбату,
Где включают фонари,
Убегая от заката,
Словно птица воспари.

В ритме сердца – стук стаккато,
А в глазах восторг воскрес.
Бог огня закован в латы
И с мечом наперевес.

Он властитель судеб мира,
Он сменяет день на ночь.
Словно ангельская лира
Суету прогонит прочь.

Вспыхнет ореол бордовый
Перед тьмой в последний раз,
И уйдет, ожить чтоб снова,
В чистый предрассветный час.



Рисунок Ильи Сурова

Анна Афанасьева

Отрывки из повести

Мой взгляд скользит по полу. Линолеум, слегка вздутый в нескольких местах, был белым, от чего в сочетании со светлыми стенами навевал мысли о болезни. Плотнее укутываюсь в одеяло. Конец августа, холод день ото дня начинает набирать обороты. Хотя порой бывает и очень жарко. Надо сходить в церковь, по моему внутреннему календарю сегодня воскресенье. Ну не понедельник точно... Я не хожу в церковь каждую неделю, но все-таки регулярно...

Регулярно настолько, что помню сколько ступеней и сколько скамей внутри, и если очень постараюсь, то вспомню лицо бабушки.

Я нервничаю. Смутное волнение закрадывается в низ живота, или это голод? Хотелось бы дождаться завтрака, но очень уж тянет в церковь. Такое бывает и у Вас, наверное, щелкнет что-то в мозгу, и обязательно надо сделать, жизненно необходимо. Вот сделаешь и успокоишься.

До церкви не по дороге – пятнадцать минут. Меня мало кто замечает – таких, как, я на улице много. Небольшой рост, простенькая одежда, худенькая фигурка.

Я иду привычной мне дорогой и почти не смотрю по сторонам. Напеваю песенку себе под нос, перепрыгиваю пыльные лужи. Светит солнце, но уже не так греет. По небу плывут грузные тучи, почти каждый день идет дождь. А из памяти еще не стерся раскаленный некогда асфальт.

Я наконец-то в церкви. В дверях чувствую запах ладана, и какое-то нежное чувство густой дымкой наполняет меня. Служба. Встаю в темный угол, хотя на меня и так никто не посмотрел. Я поддаюсь какому-то волнению. Бросаю рассеянный взгляд на стены: красивый орнамент, фрески. Мне неожиданно захотелось провести по ним рукой.

Молюсь... Мне нужна вера. Во что-то. Моральная почва. Я зажмуриваю глаза, от чего-то перехватывает дыхание, и я молюсь, молюсь. И это так потрясающе тепло...



Я верю в чудо. Верю, что со мной обязательно произойдет что-то такое волшебное, такое сверхчеловеческое, что изменит всю мою жизнь. Это детские мечты, детские надежды. Это детство. Я знаю, мне говорили...

Я открываю глаза, волна разочарования накатывает на меня. Не знаю почему, но глаза мои начинают щипать. Чувствую какое-то головокружение и безысходность. Кусаю губу. «Надо еще подождать, еще...» – повторяю я себе. Это уже превращается в ритуал.

В общем-то, я не знаю, какой смысл в моей жизни. Нет конкретной цели. А когда начинаю представлять, в голове всплывают лишь абстрактные картинки.

Церковь пуста. Какая-то старушка встала рядом, от нее пахнет старостью, я напряглась. У нее почти прозрачные глаза, кожа какого-то серого оттенка, рваная темная одежда. Она протягивает руку, моя же рука опускается в карман и достает оттуда десятирублевую бумажку. Я протягиваю ее старушке и выхожу из церкви.

Я быстро бегу к своему дому. Дому.

Ах, да, я забыла уточнить, я совершенно одна. Нет ни родителей, ни братьев. Просто нет. Я живу в интернате, на окраине столицы. Здесь много деревьев, намного больше, чем в центре, где почти все деревья вырубili под дороги, стоянки, здания.

В три часа мне на работу. Работа... ничего особенного – мою полы, вытираю пыль. Скучно, однообразно. Но мне за это платят.

Часы на входе говорят, что уже половина одиннадцатого, без особой надежды бегу в столовую. Как я и думала, завтрак уже кончился. Отдуваясь, иду к себе в комнату. На губах теперь кисловатый привкус разочарования. В комнате никого, что очень даже понятно – солнце сегодня светило по-летнему. Будет ли еще такая погода? Все кровати аккуратно убраны, окно плотно затворено. За бардак могли наказать, а мыть туалеты или посуду никто не хотел. По крайней мере, в нашей комнате всегда был относительный порядок. Лезу к себе в тумбочку за шоколадкой. Отделяю две дольки и выхожу в коридор. Мимо идут четверо. Директор детдома и незнакомые мне мужчина и женщина. Укол любопытства – новые люди всегда нас интересуют. Вдруг... Вдруг это чьи-то родители... Или может...

Тут я понимаю, что не поздоровалась с ними, а это... невежливо это, вот. А кому нравятся невежливые девочки? Но они уже зашли в кабинет. Оглядываюсь и, ругая себя за несдержанность, подхожу к двери. В конце концов, я еще ребенок, а подумать, какая я плохая, у меня еще будет время. Ничего полезного я не слышу, да и сложно что-либо разобрать. Неуверенно приоткрываю дверь, думаю, Бет поступила бы так же.

- Он обязательно приедет. В среду уже будет в Москве.
- Хорошо, хорошо, не стоит волноваться.
- Тогда увидимся в понедельник. Мы пока освоимся тут.
- Может... вам все показать? Проведем небольшую экскурсию, выпьем чего-нибудь.
- Нет, спасибо.

Последние слова были произнесены слишком близко, я еле успеваю отскочить. Женщина, стоящая в дверях, ниже меня, несмотря на высокие каблуки. Я бы назвала ее лицо идеальным, не будь в нем чего-то высокомерного. Морщусь под ее взглядом, но, к счастью, она уже поворачивает голову. Я отметила, как горделиво она вздирает подбородок.

Все четверо сразу выходят из комнаты, и я, действуя по правилу «Лучше поздно, чем никогда», отчеканиваю:

– Здравствуйте.

«Здравствуй-здравствуй», – отвечает мне женщина, сверкнув глазами.

Я поспешно натягиваю улыбку, она выглядит нелепо. Я сделала что-то нехорошее, вроде того. Рассматриваю незнакомца. Он другой. Выше меня, с хорошим брюшком и добродушной улыбкой.

«Привет, привет», – отвечает мужчина, я слышу в его голосе акцент, легкий, едва ощутимый.

Женщина отводит от меня взгляд. Мне нравится, как хорошо она одета: серое платье, оно смотрится удивительно красиво и дорого, высокие сапоги. Шею украшает платиновая подвеска. Легкая полуулыбка открыла мне идеально ровные, белые, хищные зубы, я почему-то долго не могу оторвать от них глаз. Хищные? Бет выписывает модный журнал, она у меня активистка. Мы в год читаем добрую дюжину.

Женщина говорит раздраженно, обращаясь к своему спутнику: «Я устала, отвези меня в какой-нибудь уютный ресторанчик!»

Тот лишь покорно кивает в ответ, берет ее кожаную сумку и следует за ней.

Эта женщина очень мне понравилась, все в ней какое-то утонченное, возвышенное. Но почему, то не хочу с ней встретиться. Они ушли уже, а я до сих пор ощущаю сладкий запах ее духов.

Иду во двор. В холле на первом этаже охранник. В его комнатке всегда работает телевизор. Он нервный и отборно ругается матом. А еще постоянно ходит курить. Тут много цветов и стоит диван. Обтрепанный, хотя купили его только в этом году. На серой стене – детские рисунки. А еще часы.

Во дворе, играют в салки, прятки. Мимо меня пробегает мальчик, кажется, его Мишкой звать. За ним с визгом еще трое. Чуть с ног не сбили – мальчишки.

На асфальте новенькие классики. Оглядываюсь: почти все в футболках и шортах, я же в толстовке и джинсах – мерзлявая.

Вижу Дашку, подхожу к ней. Она прыгает через скакалку и выкрикивает строки из какого-то стиха. Даше десять – на шесть лет младше меня. Я иногда нянчусь с ней, заплетаю ей косички.

– Привет, Дашка.

– Здравствуй.

Прекращает прыгать. Она миленькая, глаза щенячьи, взгляд такой испуганный слегка. Я улыбаюсь ей.

– Ты Бет не видела?

Бет – моя лучшая подруга, ей тоже шестнадцать. В детдом ее отдали только пять лет назад. Я же родителей своих почти не помню. В Бет мне нравится все: привычки, движения, слова – все вызывает во мне нежный трепет. Мы с ней прочли в книге, что Бет – это сокращение от Элизабет. И она стала себя так называть.

– Нет... Хотя... Ааааа! Дааа... Она к штабу пошла!

До штаба около часа ходьбы. Быстрее идти вдоль дороги. Я иду неторопливо, глазею по сторонам.

«...Не любит одиночество. Это надо только тебе. С ним пойдешь», – орет в трубку пожилая женщина. Она проходит мимо меня, оборачиваюсь. Лаковые туфли на небольшом каблуке, юбка чуть ниже колен и плотные колготки. Мне ее уже не слышно. Интересно, кому она это говорила. Наверное, сыночек. Возможно, долго очень... из-за него кому-нибудь... ну, скажем, в очереди... за колбасой стоять. Улыбаюсь своим мыслям. Пройдя полпути, решаю погреться на солнышке. Ложусь на газон в парке, неподалеку какие-то ребята играют в мяч. Смотрю на голубое небо. Я, наверное, выгляжу странно. Дует легкий ветерок, где-то вдалеке кто-то плачет. Нежное небо испорчено белыми ватными облаками. От усталости все тело тихонько побаливает. Я пытаюсь сопротивляться, но вскоре меня одолевает сон...

Но. Он обрывается от чего-то неприятного. Раскрываю глаза, озираюсь. Первое, что я вижу – копна рыжих волос. Чувствую, как чьи-то пальцы упираются в мои ребра.

– Проснулась! – ликующе выкрикивает Бет, тащит за руку.

– Встаю я, встаю.

Мой усталый взгляд задерживается на ее глазах. Она улыбается мне. Поправляет свои непослушные волосы. Бет пахнет сиренью и медом. Щеки горят румянцем. Глаза смеются. ЕЕ руки, впрочем, как и мои, в красивых простеньких фенечках. Как-то Бет рассказала, как их делать, и мы часами сидели, мастерили себе украшения: кулоны, браслеты и многое другое.

Облизываю пересохшие губы.

«Эээх, что тебе расскажуу!» – весело говорит Бет и тащит меня из парка.

Вместе мы можем говорить практически обо всем. Честно. Все, что нас окружает, мы выкладываем друг другу. Она живая. Такая живая, мне даже завидно.

– Вчера вечером я познакомилась с таким интересным... Ты чего?

Я вздыхаю. Гляжу на взволнованное лицо подруги, улыбаюсь ласково. Киваю. Продолжай мол. Я и Бет идем не спеша в сторону нашего секретного места. Мы называем его «штабквартирой». Но, как ни странно, секретное место для многих не является секретом.

Оно располагается на окраине леса, в заброшенном доме. В некоторых комнатах находится опасно, выше первого этажа я не поднималась. Дом раньше принадлежал довольно обеспеченной семье, об этом говорят остатки былой роскоши, такие как, например, камин, ковры. Но основной ценностью для меня является громадный книжный шкаф. Книг, правда, там уже нет, их мы спрятали в укромное место. Твердый переплет, пожелтевшие страницы и, главное, запах. Никто не знал, кто и почему оставил такое сокровище здесь. Конечно, по этому поводу были сложены паратройка легенд. Теперь же здесь собираемся мы вот уже три года. В доме много разных интересных вещей – игрушки, мебель, рисунки, одежда, инструменты, алкоголь. Что-то было, что-то притащили.

Бет начинает переводить тему и злит меня, говорит о погоде, музыке и кино. Тараторит без умолку, не дает и слова сказать. Я хорошо знаю ее характер и не покупаюсь на этот дешевый спектакль.

«Давай, рассказывай», – с нажимом в голосе говорю я.

Та виновато молчит. А мне правда интересно, Бет ведь уже полгода ни с кем не встречается, а именно для нее это необычно. Она теперь мечтает о принце, и детдомовцы явно герои не ее сказки, как бы цинично это не звучало.

Вот и знакомая тропинка, полуразрушенные ступени с пробивающейся травой, отсутствующие перила, зато мощная железная дверь. Мы заходим, оборачиваются только Ден и Митя. Остальные не отвлеклись от своих занятий, равнодушно бросив «привет». Мы тоже здороваемся; Бет чмокает одного парня в щеку, со спины не видно кого. Я оглядываюсь. На почти новых диванах сидят человек восемь, чуть громче обычного играя в «дурака». Кира, Настя и Антон расположились на полу, положив под себя подушки с дивана, рисуют. Я и Бет идем в комнату с камином. В кресле сидит парень, вижу его второй раз, у меня плохая память на имена. Он рассматривает картинки. У камина кто-то спит, свернувшись калачиком и укрывшись рваной тряпкой.

Я знаю, что закоренелых пьяниц здесь никогда не было. В основном детдомовцы, беспризорники и просто жители ближайших поселков.

Бетти говорит мне в ухо, что ей через полчаса уходить. И кивает в угол, прило-



жив к губам палец. Тут я понимаю, что не скоро дождусь от нее обещанного рассказа. В углу, куда кивнула моя подруга, на ковре сидит Адам и точит перочинная нож. К нам подходят двое.

– Эмили! Привее-ет! Давно тебя здесь не видел.

Не так уж и давно. Позавчера только была. Я не очень люблю сюда ходить в последнее время. А хотя еще полгода назад это место мне казалось раем. Здесь я чувствую себя старше.

– Да ладно, Марк. Недавно была.

Он протянул мне кружку с какой-то жидкостью.

– Что там?

– Да ты бери!

– Не сейчас. Попозже, может...

Марк пожимает плечами. Его глаза весело мигают. Терблю его за волосы, он отходит, садится в кресло.

Адам уже перестал точить нож. У него развязался единственный браслетик, который ему подарила Бет, еще когда они были влюблены.

Бет что-то шепчет парню на ухо и, чмокнув меня в щеку и весело рассмеявшись, убегает, крикнув что-то о дожде. Глупая.

Рисунки Антонины Провады



Дина Раххал

Высоко есть мгла из дивных туч.
Она, как невиданное море,
В котором только глубина,
Где нет дна, где нет и волн:
Море ровное, как свежие снега.
В этой пасмурной воде облаков
Можно вечность увидеть
Яснее, чем в долгих веках.

Незнание

Незнание занимает место,
Оно отнимающий что-то
Носитель бед.

Я думаю, я ошибаюсь, не зная,
Что делаю или как буду
Потом жалеть.

Рисунки Полины Степановой



Ольга Федотова

Утро в городе

Он проснулся без пяти семь. Надрывались воробьи.

Она – в пять минут восьмого. Скребли лопатами дворники.

Он включил лампу, хотя солнце уже атаковало гардины.

Она полезла под кровать за тапочками.

Он, зевая, пошел на кухню и включил что-то. До «погоды» было далеко, поэтому переключил на «Культуру».

Она, пока завтракала, посмотрела «ежика в тумане» и кусочек «Служебного романа».

Выходя, он забыл выключить свет в ванной.

Она забыла проездной на метро.



Он вернулся, погасил свет и, перед тем как выйти, усмехнулся в зеркало.
Она плюнула три раза через плечо и постучала по лбу.
На улице шел мокрый снег. Он не стал надевать капюшон и прикрыл глаза от удовольствия.
Она сняла капюшон и, запрокинув голову, посмотрела в мягкое белое небо.
По дороге он лепил снежки и кидал их в фонарные столбы. Ни разу не попал.
Она пинала носком сапога ледышку, пока та не хрустнула под колесом грузовика.
Он сбежал по лестнице в метро через две ступеньки.
Она – через одну.
Он затаил дыхание, увидев, как какой-то парень перепрыгнул через турникет.
Она вздрогнула от свистка контролерши.
Дверь поезда распахнулась прямо перед его носом.
Она зашла первой и опомнилась уже у задней двери.
Он улыбался, глядя, как у всех одинаково качаются головы.
Она смотрела на малыша, который смотрел на чью-то таксу, открыв рот.
Он вышел из вагона и оглянулся – боялся забыть.
Она подняла с пола перчатку.
Он шел на другую ветку по широкому переходу.
Она шла ему навстречу.
Он посмотрел направо, на нищенку с собакой.
Она – туда же, но только налево.
Они прошли друг мимо друга и одновременно чихнули.
И больше не встретились.

Письмо с юга

Здравствуй, папа! Не удивляйся, что я сам тебе пишу, с мамой все хорошо. Просто я уже большой и хочу писать письмо сам, а мама пусть напишет свое.

Пап, ты, наверно, очень много думаешь и поэтому все забыл и перепутал. Мы с мамой живем не на Северном полюсе, а на Южном! А на Северном живут бабушка с дедушкой. Хорошо, что до них все-таки дошло твое письмо и они переслали его нам.

Ты говоришь, что нам холодно и чтобы я одевался потеплее. Это неправда, вот совсем! У нас на Южном полюсе нет снега, мама говорит, даже когда я родился, его не было. На Северном, правда, похолоднее. И знаешь, что там есть? Снегопарк! Я вчера, когда к бабушке с дедушкой летал, туда ходил. Он такой странный, этот снег! Там большая голубая крыша, и под крышей – очень холодно и много этого снега. У меня даже щеки стали холодные от него!

Папа, только ты не бойся, что я летаю к бабушке с дедушкой. Так все летают, и

ничего. У нас есть бумажные самолеты (вот ты приедешь – я тебя научу складывать), и мы на них летаем. Очень-очень высоко! Поэтому вы там, на земле, нас не видите и до нас не долетают ваши горячие пули. Папа, если у тебя есть лишние пульки, пришли мне, пожалуйста! Вовке такие его дядя посылал, только он уже все потерял. Но ты не бойся, я не потеряю!

Еще ты боишься, что нас плохо охраняют. А нас совсем не охраняют, этого не надо! Мама и другие мамы сажают крапиву. Много крапивы, понимаешь, и она очень высокая! По бокам земли сажают, где море начинается, и поэтому крапиву не надо поливать. Получается большая стена из крапивы. Так что нам совсем не страшно, и ты не бойся!

И вообще, ты приезжай к нам поскорее. Посмотришь, как мы тут живем. Я маму спрашивал, а она говорит, что ты и другие папы – молодцы, потому что вы воюете за мир. А мне так стыдно, только тебе скажу: я тоже очень хочу мир, но не пойду воевать. Я лучше с мамой. Но пульки все равно пришли!

Про бабушку с дедушкой – у них все хорошо. Бабушка читает газету, дедушка печет пирожки. Очень вкусные, с лимонами. Ну вот, я хотел тебе длинное письмо написать, а получилось короткое. Я пока еще не умею длинные. Когда-нибудь научусь. А лучше бы ты сам приехал!

Очень тебя люблю, твой сын.

Маршрутка и тот, кто в ней

Выхожу из большого загородного магазина. Стемнело. Маршруток целая очередь.

– До Братиславской?

– Едэм, дэвушка, едэм!

– А вы скоро?

Села, вертясь по сторонам. Эта пустая, вдруг рядом отходит? Водитель решил меня успокоить.

– Это единственный маршрутка ва всэй Масквэ, который идет до Братиславский улица!

– Поедете скоро? Или будете ждать, пока заполнится? – Нехорошо было в пустой маршрутке с этим типом.

– Дэсят минут стоим, по распысанию. Если вас кто-то ждет, дэвушка, – давайте, идите, я вас нэ дэржу!

Стало неловко, я отсела подальше. А он мне вдогонку:

– Да нэ бойтесь вы, я нэ мырдоворот какой-нибудь!

– Зачем сюда села?

– Все, давайте мы с вами потом как-нибудь побеседуем, не сейчас!

– Так вы сами мэня вопросами закидыдали, я прям нэ знаю.

Зашла бабушка. Как бы мне на зло, водитель высунулся в окошко и пустил по всей улице:

– Бр-р-ратыславская! Ср-р-рочно атправляется, срочно! Васэмнадцать мэст!

Люди стали прибывать. Это вдохновило водителя, и он заорал еще громче:

– Бр-р-ратыславская, самый ближайший метро, сррррочно атправляется! Дэвушки, пэрэходыте, пэрэходыте!

– Переходим, – усмехнулись две девушки, пробираясь в конец салона. – Обожаю его, ваще не останавливается!

– Вот, сработала сила слова, – сказала бабушка и вздохнула. – Как раньше-то, на рынке зазывали...

Вот именно – раньше. Нет, понятно, сейчас тоже, куда без этого, но раньшето все было такое... По-другому было. Наш водитель зазывал со вкусом, как будто продавал абрикосы в Махачкале.

– Бр-р-ратыславская, Белорэченская, Птычий рынок, Вэрхние Поля, средние поля, Чуйские поля, Пэргамские поля, Афганские...всэ поля!

На последнем слове маршрутка тронулись.

– С миллыона рублэй два чэловэка?

– Сказали, что два.

– Дэржитэ сдачу, дэвятсот тысяч рублэй!

Пятьсот рублей и сотни пошли по рукам в конец маршрутки.

На углу притормозили, посадили еще трех объемных мужиков.

– Стоячим скидка! – сказал один.

– А в Индонэзии, мэжду прочым, вся молодежь в общэстvenном транспортэ стоя ездыт.

– Где-где?

– Да в Индонэзии. Пассажырка вчэра рассказывала. Сама старая, дэнги забыла мнэ за проезд отдать, а в Индонэзыю ездыт.

Помолчали.

– А куда едем-то? – спросил один мужик другого, и тут до меня дошло, что другой – не мужик, а женщина, коротко стриженная и в мужской куртке. Она не ответила.

– Слышь, едем-то куда? В Москву? – нагнулся любопытный к водителю. Тот промычал утвердительно. – А то, может, в Индонезию свозишь...

Нет, все-таки уникальный случай, трое водителей едут пешком в маршрутке! – воскликнул третий мужик (или второй, ну неважно). Не знаю, почему он так сказал. Может, у них разбилась машина. Но для этого они были слишком веселые.

Впереди маячила пробка. Резко повернули на левую дорогу, но она тоже была вся в красных фарах.

– Эээй ты, опят стаым! – вздохнул водитель. – Ныкто нэ знал этой дороги ранше, а тут нарысовали на сайтэ – и все ыспортыли!

– Кто испортил? – переспросил первый мужик, который сострил про скидку стоячим. Ему явно нравилось говорить с водителем.

– Да ынтэрнэт ыспортыл!

– Интернет? Вряд ли. Это все китайцы.

– Нэ говоры...

Когда наконец вылетели на шоссе где-то между городом и большим магазином, все затихло. Кто-то сонно посапывал, упершись в холодное стекло. За большим пустырем протянулась полоса московских огней.

Уже в городе в маршрутку залез малыш с мамой, мне его не было видно, только слышно.

– Ты гдэ учышса, в школэ или в садыке?

– Я в детском саду учусь, – ответил мальчик, и добавил зачем-то: – у нас два плеподавателя есть, один пелвый, а длугой... а длугой втолой.

– И какой прэподаватэль тэбэ болше нравытся?

– Мне... Мне болше нлавится втолой.

– В тарэлку нэ заглядываэт? Когда ешь, нэ заглядываэт в тарэлку?

– Нет.

– Значыт, хорошый.

Водитель замолчал. Потом спросил:

– Здэс нужна остановка?

– Да! – и я полезла к выходу. Чуть не проехала.

Один мужик сказал другому вполголоса, как бы отвечая за водителя: «Щас пас-троым!»

А малыш уже успел рассказать, что ему сегодня давали на завтрак.

– Так ты говорыш, што нэ любыш тыквэнную кашу?

Кажется, он даже не понял, что это я, его первая пассажирка, выхожу. А то бы еще что-нибудь сказал. Абыдно.

Рисуннки Антонины Провады

Евгений Шеянов

Притча о глазах

Жил на свете человек. Жил себе да жил, и так бы когда-нибудь весь и кончился, если бы в один прекрасный день не обнаружил, что дома его провожают злыми желтыми глазами. Тогда человек обиделся и ушел.



Он шел по улице и думал, почему это на него так глядели, но, пройдя полквартала, увидел, что дома его провожают злыми желтыми глазами. От такой оказии он опешил и долго стоял посреди улицы с открытым ртом, пока вдруг не понял, что не в домах-то дело. И не в глазах. И, может, даже не в том, что они желтые, хотя уже в этом таился, казалось бы, какой-то подвох.

Решил человек, что дело в нем самом. И изменился к лучшему – так, по крайней мере, ему показалось. После чего, счастливый, вернулся домой. Там, правда, его снова проводили злыми желтыми глазами, но он этого уже не заметил.

Так что почаще провожайте своих близких злыми желтыми глазами, ибо это помогает им встать на путь истинный.

Про комаров

Кусал я только школьников. Потому что на школьников у меня был особый зуб. А точнее – даже клык.

Ведь кто может быть хуже школьников?

Весь день я обычно спал в каком-нибудь укромном месте. Ел вообще редко. А может, и не редко... На это я не обращал особого внимания. К тому же после каждого сна я слегка терял память. А может, и не терял – может, я вообще мало что старался запомнить.

По ночам я выбирался из временного укрытия и искал школьников. Их я различал... вернее, определял, или выявлял, если хотите, – по окнам. По тому, зажжен ли свет в них, как они вымыты, как зашторены. Как же это вам объяснить... У разных школьников все это по-разному, но есть у их окон что-то общее, что отличает их от окон других людей. Я проникал сквозь стекла в комнаты и кусал.

Одно я помнил точно: когда-то нас была целая секта. У нас были свои обычаи, законы. Наши вожди рассказывали нам о злодеяниях, которые днем совершают школьники. По ночам мы устраивали массовые охоты. Школьники (как и люди вообще) не видели нас. Когда мы их кусали, они думали, что это комары. И все убивали комаров. А мы лишь смеялись над несчастными насекомыми, не чуя надвигающейся беды. Комары же видели нас. И прекрасно понимали, что это из-за нас их убивают.

И однажды мы попали в ловушку. За день до этого мы обнаружили в соседнем районе крупный интернат и ночью собирались всей сектой на него напасть, оставив немногих больных, слабых, слишком старых и слишком юных в логове. А в спальне интерната на нас накнулись комары (откуда они узнали, что мы в эту ночь будем в интернате – мне неизвестно; наверно, они днем видели там наших разведчиков). Они загородили все окна и двери интерната, отрезав нам пути к отступлению. Комаров



было много: они слетелись со всего округа и нескольких окрестных лесов. Нам не дали укусить ни одного ребенка. Нас мгновенно облепили и стали пить нашу кровь. Все, кого окутали комары, быстро умирали от потери крови, или от нехватки воздуха, или от воспаления всего тела. Спаслось нас около полусотни – через вентиляцию.

После этого запоминать стало нечего и незачем. Со временем нас становилось все меньше. Мы разбивались на отдельные группы, многие вылетали погулять или на охоту и не возвращались. Как-то раз меня оставили сторожить наше гнездо, а восемь моих товарищей – все те, кто не пропал и не улетел на поиски новой жизни, – отправились в очередной рейд – последний, как оказалось. Больше я их не видел.

С тех пор я жил один, меняя убежище каждые два дня. Жив ли еще кто-нибудь из наших? Не знаю. Сколько воды утекло после тех памятных событий? Не знаю. Долго ли мне еще осталось влачить свое жалкое существование? Не знаю.

А жестоким людям понравилось бить комаров. И они до сих пор их убивают.

Писатель

Он так долго писал о котах, что у него выросли усы. Просто взяли и выросли.

Про котов он писал с детства. И на то были определенные причины. Коты медленно вошли в его жизнь через специально отведенную им кошачью дверцу и постепен-

но окружили его со всех сторон. Первый кот с незапамятных времен жил у его бабушки. Потом у тети появилась кошка. Потом появились котята – только не у бабушки, не у тети, а у кота с кошкой. Одного из котят взяла к себе мама. Потом завела кошку другая бабушка. Затем он пошел на литературный кружок с весьма кошачьим названием. Коты смотрели на будущего писателя с обложек любимых книг, купленных и принесенных «на почитать» мамой. А поскольку писал он исключительно буквальные пересказы того, что читал, а сочинял исключительно ремейки, пародии и плагиаты, то рассказы его все тоже были про котов. Писал он постоянно одно и то же.

Со временем его рассказы стали печататься. Сначала на его собственном принтере. Потом они случайно попали в один журнал, а тот случайно попал на прилавки магазинов. Рассказы появились в Интернете, типографиях, издательствах... их обсуждали на блогах и в дневниках...

Минуло совершеннолетие. Писатель рассчитывал стать знаменитым или даже великим... А надо сказать, что тот писатель был прыщав под носом. И вот как-то раз прыщи стали колючими. Обеспокоенный, он пошел к доктору.

– Не беспокойтесь, у вас просто растут усы. Обыкновенные усы. Вы можете покупать бритву.

Но обыкновенные усы у писателя расти не спешили. Зато на следующее утро выросли... кошачьи. Писатель весь день терзался, боялся показываться на людях. А под вечер пошел в парикмахерскую и сбрил усы, заплатив парикмахеру в четыре раза больше, чем надо, чтобы тот ничего никому не рассказал.

За ночь же у писателя вырос хвост.

Ликвидация

– А знаете ли вы, что на свете нет ни одного кота?

– Простите, на каком из них? Я имею в виду – из светов?

– На всех. Абсолютно. Статистика за 7835 в квадрате интермировой год.

– Но... возможно, это неверная статистика... к тому же сейчас уже интермировой декабрь... Когда была составлена статистика?

– Статистика за ВЕСЬ год, прошлый, настоящий и будущий. Составлена по сведениям Магического Шара.

– Шару этому вашему сто лет в обед и двести – в ужин! Я имею в виду – интермировых лет. По нашему – это не меньше квинтиллиона... Менять его пора, завирается уже...

– Во-первых, Шар не наш, а общественный. Во-...

– Кота никогда не поздно вывести из собаки путем селекции!..



– Кто ж его выведет?

– А... Я!

– Тогда мне придется вас убить. Извините за невежливость. По всем мирам был издан указ о ликвидации котов за ненадобностью таковых. Указ интермирового правительства.

– Да ну вас... Барсик! Иди сюда!

Никто не вошел.

– Ну, я же говорил! А вы все – «ваш Шар завирается, ваш Шар завирается»... Кстати, собаки тоже ликвидированы, чтобы из них никто никого не вывел.

Неожиданно зажужжал виртуальный факс. Виртуальный факс был хорош тем, что печатал вполне настоящие сообщения, но не занимал никакого места и стоил дешевле реального.

Рьяный сторонник Магического Шара, просвещавший всех об отсутствии котов, первый прочитал сообщение и побелел.

– Получен приказ о ликвидации человечества, – пробормотал он и выронил бумагу.

– Хм... А мне что с того? Я превращусь в дракона и все тут... А вы – нет!

– Почему нет? – удивился сторонник Магического Шара.

– Потому что я вас убью.

– Нападение на должностное лицо при исполнении!

– А кто узнает? Я вообще помогаю правительству в ликвидации человечества! Меня, может быть, за это даже наградят. Я буду прав, а не виноват, и...

Тут человечество было ликвидировано, и договаривать стало некому.

Рисунки Антонины Провады, Анны Кудиновой, Эмми Скалуновой



Анна Рыжова

Времена года

Лето обещало быть жутким.

Ага, конечно. Видали мы его. Оно каждый раз так обещает. Ну и заканчивается это, разумеется, фейлом. Вот скажите, как ему после этого верить?

Нет, вы не подумайте, что мы все такие – неумехи без воображения. Зима, например, на все руки мастерица. Каждый раз новое удумает. То морозы под минус сорок, то снега до января нету, то все деревья во льду... Энтузиастка! А Лето... сами знаете, какое оно у нас. Фигня фигней.

Так что в этот раз никто от Лета ничего не ждал. Но оно наконец умудрилось не сплеховать. То есть началось все с обычного антициклона, а потом... Леса повыгорели, урожаи погибли, реки пересохли – лепота! Озера превратились болота, но народ туда все равно «купаться» повалил, а там одна сплошная инфекция. К тому же продукты в магазинах от жары подгнили, и вот вам массовые отравления! А солнечные и тепловые удары чего стоили...

Ой, шуму-то было!

Мы тоже заволновались. Думали, Лето не конкурент. А теперь того гляди приз за Аномалию Десятилетия схватит и попадет на скрижали истории. Весна уже по любому в пролете, а мы с Зимой мозгами шарим, что еще учудить можно. Вообще, я на себя не слишком надеюсь. Плохо подготовилась. Обидно, если Лето меня обскачет. Я ж так всем на мозги действовала когда-то... давно.

Вот у Зимы остались шансы. Поживем – увидим, кто кого!

Из блога Осени



Камень, ножницы, бумага. Особенно камень.

На перемене Кира поспорила с одноклассницей Юлей, кому идти к завучу за классным журналом. Договорились решить спор игрой в «камень, ножницы, бумага». Только они вскинули руки, как вдруг Кира услышала тихий голос за спиной:

– Ножницы.

Она обернулась и увидела Антона.

– Чего? – удивилась Кира.

Он пошевелил бровями и таинственно прошептал:

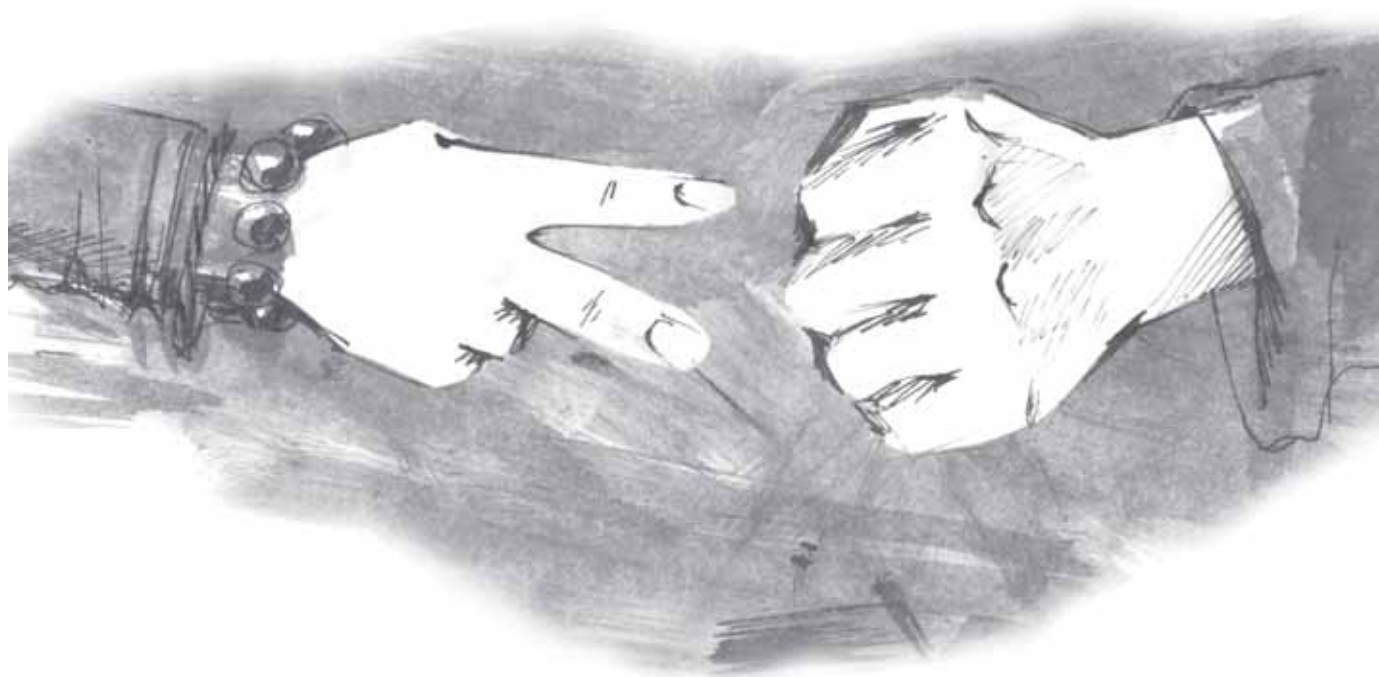
– Делай ножницы. Ножницы!

Игра началась, она сделала ножницы. И победила. Странно...

Весь урок Кира думала об этом и чуть не схлопотала двойку. Зато успела составить план дальнейших действий в своем блокноте.

На перемене она начала свое исследование-расследование. Подошла к другой однокласснице, предложила сыграть и снова сделала ножницы. Та ответила бумагой. Кира победила. Потом повторила то же самое с шестью девчонками в классе и всегда выигрывала.

На следующем уроке в ее блокноте появилась новая запись: «Девчонки – существа хитрые и предполагают, что соперник обязательно должен сделать камень (поскольку он самый мощный). А они как раз и обернут его бумагой. А мальчишки



так заморачиваться не станут. Они как раз захотят показать, какие они сильные и крутые, и по идее должны сделать камень».

Эту теорию она доказала на следующей перемене. Несколько мальчишек со своими камнями ей проиграли.

На последнем уроке Кира подвела черту в своем исследовательском дневнике и написала: «Играя с девочками, надо делать ножницы, с мальчиками – бумагу».

После уроков она, довольная собой, пошла домой.

Но дома задумалась. А что делать, если играешь с Антоном?!

Надо вселиться в его мозги. Кира попыталась стать Антоном: запихнула ручку в зубы, развалилась на стуле, уставилась в потолок... Итак, вероятные размышления Антона: «Кира – девочка, значит, делает бумагу. Я ее побеждаю ножницами. Но поскольку я ей дал совет про ножницы, она как раз их и сделает. Что мне остается? Камень».

Кира хмыкнула и нахмурила лоб: «Мы что, возвращаемся к классической схеме? Он со своим камнем и я с бумагой? Ну нет, это примитивно. Думаю, надо делать камень. Пусть будет хотя бы ничья, чтобы подтвердить правильность моих мыслей».

На следующий день она решительным шагом подошла к Антону и сказала:

– Играем в «камень, ножницы, бумага»!

Антон удивился внезапному предложению, пожал плечами и ответил:

– Ну ладно.

– Но сначала, обдумываем ходы.

– Эээ, ну хорошо...

Он хотел было спросить, зачем ей все это нужно, но оценил выражение ее лица и решил не рисковать.

Они уже собрались играть, но тут прибыла его мальчишечья свита. Болельщики начали орать, поддерживая Антона. На шум подтянулись девчонки. На Кирину сторону. Теперь это превратилось в настоящую битву.

На ее заготовленный камень он поставил бумагу. И выиграл. Кира этого никак не ожидала: «А где логика? Я действую, как парень, а он – как девчонка?» Теперь она вообще перестала понимать ход его мыслей и проиграла еще два раза. Счет стал три-ноль в его пользу.

Тогда она потребовала от него объяснений. К ее удивлению, Антон воодушевился, заулыбался и самодовольно затараторил: «Во-первых, никогда не надо ставить камень, поскольку это самое ожидаемое, по крайней мере от мальчишек. И во-вторых, надо смотреть, как дергаются пальцы у противника. Если они вообще не дергаются, значит, человек и поставит камень. Если дергаются два пальца-то ножницы, если все пальцы – то бумага. Соображать нужно быстро и реагировать мгновенно».

Кира попыталась все это понять, запомнить и опробовать. Но это не срабатывало. И чем больше она просчитывала ходы и разглядывала пальцы, тем больше проигрывала.

Вечером Кира открыла блокнот, перечеркнула все свои исследования, нарисовала страшную физиономию и большими буквами написала: «Антон – дурак! И игры у него дурацкие!»

Оконный ангел

– Дочка! Вставай, собирайся, ты же не хочешь опоздать в новую школу? – в тишину комнаты ворвался наигранно веселый голос мамы.

Кира села на кровать и спросонья не поняла, где находится. Незнакомые стены, знакомый потолок, незнакомая квартира. Да, они переехали.

Кира вздохнула. Она не жалела о старой школе, где не было ни друзей, ни хоть каких-нибудь достижений. Но знакомиться, приспособливаться к новым людям сложно. Очень сложно. Особенно для нее. Для стеснительной, низенькой, ничем не выделяющейся девочки.

Тем более она обязательно должна произвести хорошее впечатление. Она идет в новую школу. Первый и в то же время последний раз в этом году. Так что идет она, только чтобы встретиться с одноклассниками. А если она не понравится? Если вдруг в чем-то сглупит? Тогда и после новогодних каникул ее по старой памяти будут недолюбливать или даже презирать! Эти вопросы разрастались в мозгу бедной Киры.



Закончив все утренние дела, семья направилась к школе. По дороге родители без конца давали Кире советы:

– Ничего и никого не бойся!

– Попробуй с кем-нибудь познакомиться, веселее будет!

Они прошли один дом, второй, третий... Дома все не кончались. Наконец Кира увидела бежевое здание с квадратными оранжевыми часами над входом. «Похоже на мою старую школу. Жаль...» – подумала она.

Когда она нашла нужный этаж и подходила к кабинету, то в открытую дверь увидела учительницу, грозящую пальцем классу.

– А вот как раз и она! Знакомьтесь ребята, это Кира! Прошу любить и жаловать.

– Привет, Кира, – промямлили несколько человек.

ЕЕ посадили на последнюю парту с каким-то мальчиком, и урок начался. К счастью, ее не спрашивали, потому что она не слушала, а думала о новых одноклассниках.

«Так. Сосед мой молчун, аккуратный вроде бы, пахнет хорошо, надо познакомиться; девчонка на третьей парте тоже вроде ничего...»

На перемене к ней подошла группа девочек на высоченных каблуках и с тоннами макияжа. Это были те люди, с которыми Кире не хотелось иметь абсолютно никаких дел.

– Приветтики! Как звать тебя? А сколько тебе лет?

Они спросили ее буквально обо всем, о чем можно и нельзя спрашивать. Начиная с вопросов типа «Сколько у тебя животных?», и кончая «Есть ли у тебя прыщи на спине?»

Кира отвечала односложно, «да» или «нет». Хотелось поскорее убежать от них. Наконец-то сообразив, что Кира не хочет с ними разговаривать, они сказали «фи» и звонко поцокали по коридору.

К Кире поочередно подходили еще несколько человек и задавали одинаковые вопросы, например: «Как тебя зовут», «Где жила раньше и куда переехала сейчас», «чем занимаешься помимо школы». Потом она одиноко сидела на своей парте и рассматривала кабинет, изредка поглядывая на тех, кто ее обсуждал, тыкал пальцами и бессовестно пялился.

После этой перемены было назначено празднование наступающего Нового года и Рождества. Все шестые классы собрались в актовом зале. Первым делом директор поздравил учеников и раздал грамоты за хорошую учебу. Дальше выступали кружки и разные одаренности школы. Танцы, хор, флейтисты и другие. Словом, скукота. Весь класс хихикал (а иногда и ржал), находя что-то смешное в самых,

казалось бы, несмешных вещах, болтал о последних новостях и планах на каникулы. Но с новенькой никто не говорил.

Затем все разошлись по своим классам и начали праздновать. А в Кирином классе начались новогодне-рождественские мастер-классы.

Каждый должен был чему-нибудь научить своих одноклассников. Выходили по очереди с первого ряда, показывали что-то сами и вызывали добровольцев, чтоб и те смогли попробовать. Кира сидела на втором и очень нервничала, лихорадочно перебирая в уме все, что она умеет и что хоть как-то относится к зимним праздникам.

Мастер-классы были очень разные. Их научили: делать снежинки из бумаги, гадать на кофейной гуще и воске, вырезать кожуру мандарина в виде серпантина, рисовать Деда Мороза, фокусу с водой и льдом...

Когда очередь дошла до Киры, учительница сказала:

– Ты не знала, не готовилась, поэтому можешь сидеть и смотреть праздник дальше.

Вокруг Киры послышалось ворчание и фырканье. Кто-то перешептывался:

– Зачем вообще надо было приходить, если она ничего не приготовила?

– Вот именно.

«Я должна. Мне нельзя трусить. Страшно, но надо. Я должна им всем показать!» – думала она. И неожиданно для всех (в том числе и для себя), сказав: «Я тоже кое-что умею», двинулась к доске. Кира шла как во сне. Ноги подкашивались, ладони вспотели, дыхание перехватило. Очнулась она, когда увидела тридцать пар глаз, устремленных на нее.

Говорила она дрожащим голосом, тщательно пытаясь спрятать за спиной трясущиеся руки.

– Я не готовилась, но могу вам кое-что показать. Мне хотелось бы научить вас делать оконных ангелов.

Сидящие в классе переглянулись.

– Надо подойти к окну и плотно прижать нос к стеклу, ноздрями в окно. И душевно так дыхнуть широко раскрытым носом. Получается оконный ангел!

Все это она наглядно продемонстрировала на окне, но ангела, к сожалению, увидели лишь немногие сидящие на первых и вторых рядах (а именно, самые глазастые из них), поскольку он был маленьким. А зрителей много.

Повисла тишина. Длилась секунд десять. Столько же, кстати, сколько держался оконный ангел. Сначала растаяло его одеяние, потом крылья. Кто-то (из тех, кто видел ангела) выкрикнул:

– А как получается голова?

– Отпечаток кончика носа! – со знанием дела ответила Кира. Волновалась она уже меньше.

Класс оживился и начал перешептываться. Тут девчонка с первого ряда, поправив очки, спросила:

– А нам можно попробовать?

– Конечно!

Несколько человек встали и робко подошли к окну и Кире. Она повторно показала, что нужно делать, выдохнув весь воздух из своих легких и сделав тем самым огромные крылья. И с нескрываемой гордостью отошла, предоставив место добровольцам.

Они немножко постеснялись выпячивать носы, но когда сделали своих ангелов... Начались восторженные охи и ахи.

– Как настоящий ангел!

– Круто!

– Смотрите, а крылья у всех разные!

– Супер! Сама придумала?

Кира ответила на этот вопрос скромным кивком.

После этого потихоньку начали подходить остальные и пробовать. Вскоре почти весь класс, кроме учительницы, стоял и делал оконных ангелов. Пришлось насильно оттягивать всех от окон.

Выступления, которые были дальше, большого интереса не вызывали, все делились впечатлениями от ангелов и смотрели на Киру, которая светилась от счастья.

Когда праздник кончился, с Кирой познакомились и обменялись телефонами все те, кто ее заинтересовал. А также несколько других одноклассников. Домой она шла в компании своих новых друзей и сияла, думая о том, что не упустила свой шанс и теперь-то начнет новую жизнь.



Обернувшись напоследок на свою новую школу, Кира увидела учительницу, уткнувшуюся носом в стекло и делающую своего оконного ангела – естественного и загадочного, как само дыхание жизни.

Рокер, мама и журнал

Однажды я ехала в метро и услышала разговор интересной парочки: рокера лет пятнадцати и его мамы. Их спор так заинтересовал меня, что я чуть было не пропустила остановку.

– Зачем ты купил это дурацкое кольцо с черепом?

– Ну мам, я же рокер! У нас так принято.

– Неужели тебе мало кожаных курток, браслетов с какими-то иглами, скелетами, железными...

– Да, мало. Я же рокер! И выглядеть должен, как настоящий рокер!

– Пойми, я не против, что ты слушаешь такую странную музыку, но зачем все это афишировать?

– Но это показывает, что я крутой, что я люблю рок. В конце концов, я уже взрослый и могу сам принимать решения.

Они и дальше о чем-то спорили, но тут, к сожалению, объявили мою станцию. Я вышла из метро и направилась к палатке с журналами.

Пока я выбирала себе журнал, вдруг увидела их рядом с собой и услышала продолжение разговора.

– Мам, погоди, тут мой журнал вышел!

– Ну, покупай давай.

Парень замялся, съежился и сказал робким голосом:

– Нет, ну я не могу, давай лучше ты.

– Я? Ты хочешь, чтобы я покупала этот жуткий журнал с лохматым, грязным мужиком и сломаной гитарой? Да я названия его не выговорю.

– А ты просто пальцем покажи.

– Сам бери деньги и покупай, я не хочу позориться. Только что ты мне долго доказывал, какой ты взрослый и крутой, а сам продавщицу боишься?!

– Ну мам, ну пожалуйста, я же в другом смысле это говорил.

– Но ты же...

– Ну мам, ну пожалуйста, – сказал он умоляющим голосом.

Я втихаря смотрела на ссутулившегося растерянного подростка и его возмущенную маму. И тут выражение ее лица на глазах стало изменяться от сердитого до сочувствующего.

– Эх... Ну ладно, давай. Только ты прекращай уже бояться взрослых людей.

Она протянула деньги продавщице, ткнула пальцем в глаз несчастному рокеру на обложке и отдала журнал сыну.

– Держи! – торжественно сказала она. И тихонько продолжила: – Слушай, может, это, проводишь меня завтра к зубному? А?

*Рисунки Анны Кудиновой, Александры Тэн, Антонины Провады,
Полины Степановой*



Алена Чернышева

Крылья

Кажется небо слезным, дымным и серым, в нем ночью видишь северные моря. Воздух в груди замерзает метелью белой, призрачной мачтой мертвого корабля. Глупая я, дурная, но что поделывать, если опять боюсь потерять тебя.

И этот страх надеется разрастаться, словно какой диковинный паразит. Едет на мне трусливым нахальным зайцем, даже не думая, видимо, заплатить. Через два месяца стукнет уже семнадцать, по-прежнему сплю на крепкой твоей груди.

Снятся морские камни, песок и гравий, снится, как я иду босиком к воде, – эдакий легкомысленный пролетарий, верящий в то, что «завтра настанет день». Чайки бросают перья к ногам, взлетая, мне бы быть чайкой; жалко, что не сбылось. Птицы – они такие, их коль поймашь, сразу же обрезай им одно крыло. Либо они вернуться в свои покои, в небесные волны дельфинами облаков, либо ты будешь им однокрылым богом, принявшим на себя их святую боль.

Будь у меня возможность, я б подарила крылья, полет и ветер тебе за так. Только мне страшно биться об половину всех твоих неподорванных баррикад. Что синяки – заживут, и уже не вспомнишь, а холод оставляет дурацкий шрам. И кажется, что некого звать на помощь, что есть вокруг целый мир ты в нем одна.

Все мои гарнизоны уже побиты, хочешь – стреляй в открытую, добивай. Я раскрываю руки – сдаюсь, смотрите, выжита, сжата, оставлена умирать.

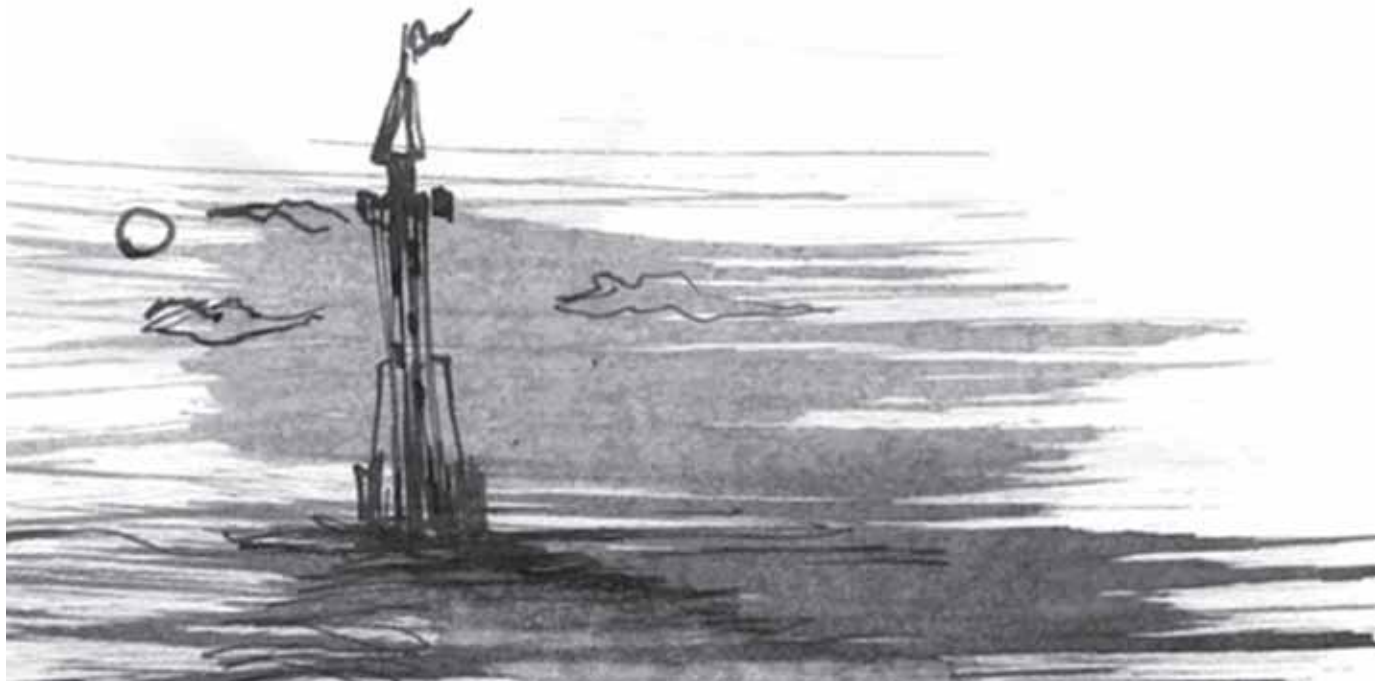
Кажется небо морем, а море небом, кажется, я сняла с себя все замки.

Мне бы быть чайкой, птицей, а мне бы, мне бы...

Мне бы забыть, как дрожу от твоей руки.

Принцесса

Буду тебе принцессой в старинной башне,
Бархат и шелк рукава с золотой тесемкой...
Знаешь, принцессы плачут, им тоже тяжело,
Тоже пронзительно страшно, темно и ломко.
Тоже драконы их обижать умеют.
Если принцесса ведьма, то ей не проще,
В волосы ветер вплетает, его лелеет.
Хочешь, отдам тебе ветер, ну хочешь, хочешь?..
Ведьма она и в сказке бывает доброй,

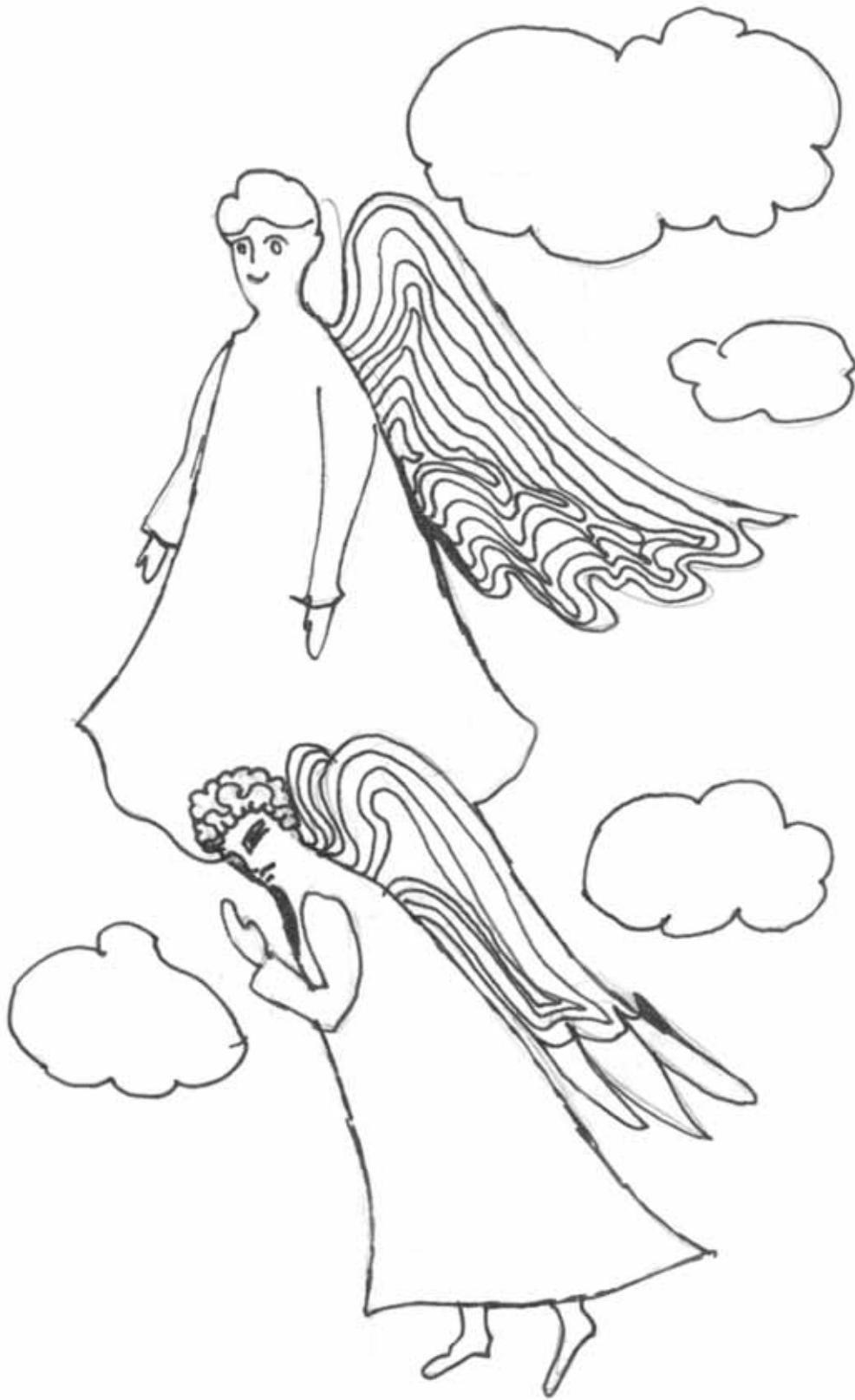


Только прикованной к титулу или трону.
Женщина может быть кошкой, тигрицей, коброй,
Если ее поймать – не убьет, так тронет,
Так что потом собирай себя по кусочкам.
Руки безвольно падают, тошно, душно,
В мутном бокале ветер танцует с ночью.
Знаешь, и ведьмы плачут в свои подушки,
Им надоели горькие эти строчки.
Шаг через грань – ветер, бокал, осколки,
Сквозь каждый кусочек маленькая подсказка.
Я укололась острой твоей иголкой,
Сон – как попытка выбить себя из сказки.

Ангелы

Ты ищешь губами губы, руками руки,
Глазами любовью наполненные глаза.
Ты живешь на этом сладком сердечном стуке
И практически не давишь на тормоза.

Рисунок Антонины Провады



Каждый вечер, точь-в-точь, на закате золота ты пишешь ему привычное «Как ты там?». И где-то за горизонтом, в соседнем городе он ласково улыбается облакам. Улыбается, и глаза его светят искрами от костра над ребрами, в центре его груди. Он такой невозможно уютный, родной и искренний, созданный небесами тебя любить. Ты плачешь, и слезы каплют, капли-лужицы, он очень испугается за тебя. А ты не можешь ответить – не удосужилась понять еще, что это твоя судьба. Он слишком хорош и сказочен, слишком правилен, куда такое чудо в земной мирок? Он создан для небес быстрокрылым ангелом, но взял тебя к себе под свое крыло. И он набирает быстро, легко, уверенно: «Все здорово, милая, скоро вернусь домой».

Ты падаешь
в небо
стремительно.
Ты не первая,
кто разбивается вдребезги об него.

Рисунок Тимофея Курышева

Страх

Страх – это самое ужасное человеческое чувство.

И вот опять она. Конец одного и начало другого – ночь. Перерыв в движении. Отдых.

Яркий день сменяется сумерками, а затем начинается тьма. Окна занавешены, и как только выключаешь свет, темно, как в могиле. Даже если вытянуть вперед руку, не видно ничего. Но постепенно глаза привыкают, и начинаешь различать очертания предметов. И вот тут и появляется он. Страх.

Лежишь на кровати, озираешься, прислушиваешься. Закрываешь глаза, открываешь.

Таинственным образом то, что недавно было одеждой, превращается во что-то живое. Тиканье часов – в звук чьих-то шагов за дверью. И эти «кто-то» ищут и ищут обязательно тебя! (Даже если в соседних комнатах лежат ни чего не подозревающие родители.) А ты лежишь на кровати, натягиваешь на голову одеяло и прижимаешь к груди колени. Становится душно, и ты вдруг осознаешь, что так нельзя! Ты же можешь так и не увидеть, если кто-то зайдет! И тогда уж точно не будет шанса на спасение, даже надежды. Ты раскрываешься и, тяжело дыша, бешено озираешься. Тонкий луч жемчужной луны проскальзывает из-под занавески, предметы вновь становятся четче. И ты уже видишь, как чья-то рука тянется к тебе за окном. И чьи-то глаза смотрят на тебя, безотрывно. Следя за каждым твоим движением. И тебе даже в голову не может прийти, что это фонари на улице или кошка забила на шкаф. Звук ветра путаешь со скрипом двери, подпрыгиваешь, кутаешься в одеяло, как в спасительное одеяние, смотришь на дверь... Закрыта.

Ночь. Часы показывают пол двенадцатого, и ты понимаешь, что уже никак не проспишь, то время, когда что-то прежде неподвижное оживает, – полночь. Отмеряя время стуком сердца, ты дышишь так, что уши закладывает. Ну, еще немного, еще потерпи – и все закончится. Раз, два, три. И тут!

Звук сирены за окном, и ты вскрикиваешь, сам смеешься над своим страхом, но потом весь напрягаешься, время-то еще не пришло. Эти минуты становятся для тебя мучением. Ты не хочешь, чтоб все началось, и в то же время молишь Бога, чтобы скорее все прошло. Ты не рискуешь встать с кровати, ведь под ней притаились пару демонов и вурдалак. Чувствуется тяжесть, ложишься на кровать. Ждешь, прикрываешь глаза. Но вновь открываешь. Ну, еще немного. Сладко зеваешь. Нет, нельзя еще, никак нельзя. Закрываешь глаза. Но вновь открываешь. Ты, в конце концов, обещал себе. Лежишь с широко раскрытыми глазами, в голове неясные мысли, ду-

маешь то об одном, то о другом. Тело побаливает, от усталости веки стали тяжелее. Ты вновь закрываешь глаза, обещая себе открыть через секундочку. И наконец-то проваливаешься в беспокойный чуткий или тихий глубокий сон.



Отрывок

Капли стекали по стеклу, оставляя лишь след, сливаясь с соседними, теряя себя. В окно уже ничего не видно, только туман и вечный дождь, кутающий в себя небоскребы, высотки, стеклянные и бетонные здания. Шорох дождя и голос разлетающихся по городу намокших листьев, потрепанных фантиков, порванных писем и записок. Голые ветви деревьев, черные, четко очерченные стволы, увядающая трава, мокрый асфальт. Осень поглотила город, легонько касаясь каждого прохожего кончиками пальцев. А люди все не хотели снимать летние костюмы, менять туфли на сапоги, носить с собой зонты. Ее пестро-оранжевый зонтик висел у двери, но кому он нужен теперь? Кого теперь согреет его апельсиновая улыбка, кто теперь спрячется под ним, забыв поздороваться?

Замерзли руки и ноги, заледенел кончик носа. Губы покрылись мертвенной синевой, бледное лицо вытянулось и осунулось. Живыми остались только светло-голубые глаза, выглядывающие из болезненного излома бровей. Их ей не спрятать никогда. Их боятся и ненавидят. А они живут. И как-то даже рады потухнуть, умолкнуть, но продолжают говорить. Ей всегда кажется, что она шепчет губами бред, глазами – психический диагноз. А остальные замечают, что она умна. Она ненавидит свои неказистые, неженственные, странные руки с натертой подушечкой на среднем пальце. А другие с интересом рассматривают маленькие, но широкие ладони, обводя пальцами искривленность, рахитичность большого. Она хочет отрезать длинные волосы, не приносящие ей счастья. Ей всегда холодно, а они открывают форточки, наслаждаясь жарой, заглядывающей в их окна. Она кутается в свитера, облюбовав пушистые игрушки и украшения, а они стоят за «Greenpeace». Она любит осень и джинсы, а ее тянут в лето и одевают в платья. Ей уютно в гибкости черного и элегантности серебра, а на нее проливают белые краски и завешивают золотом.

А вообще-то ей хорошо уже после пяти чашек чая. Телефон молчит все выходные, компьютер сломался и вскоре не выдержит чайник.

Она отошла от окна. Оледеневшие, затекшие ноги чуть передвигались, но это было совсем не важно. Важны были только муть в голове и сердце, заигравшееся в прятки. Больше не было воли, почти исчезли чувства, упорхнув в чужие души, но осталась мысль. Душная и тесная, она медленно кричала «пли!» своей навязчивостью, сталкивалась с холодной квартирой, ничего не чувствующему шуму закипающего чайника, с ноющим сердцем и не гнувшимися ледяными пальцами. Куда бежать? Зачем? Она знала, что где-то есть ответы на все вопросы, что среди бесконечного, но

любимого дождя ее тоже кто-то ищет. Но именно поэтому она бежала все дальше и дальше от мира, боясь открыть глаза и увидеть солнце. Порой ей хотелось прижаться к кому-то, почувствовать тепло, а все же она уверяла себя укутаться в свое одиночество, забыв о боли воющего ветра, найдя в нем утешение. Порой она закрывала глаза на все и погружалась в свою, необычную ни для кого нирвану, забывая об учебе и тошноте утреннего метро, грубости и чуждости прохожих, безнадежности себя.

Кипяток больно ожог руку, не дав возможности опомниться. Чайник тяжело бухнулся на плиту, булькнув напоследок. Она не вскрикнула, лишь поморщившись, как-то отрешенно и неуместно подумала, как ей надоело все это, как хочется бежать. Она осторожно поставила на плитку чайник, отхлебнув горячий, но живой глоток, согревающий душу под ребрами. Бежать?.. А куда, куда бежать-то? Она в замурованном простенке без дверей, проемов и окон. Она почти в гробу. Ей жарко, томительно дышать и холодно жить. Ей некуда даже ползти. Выхода нет. Музыка в наушники – и полетели.

Чай приятно обдирает горло и обжигает сердце.



Катя Поволоцкая

Спичка-героиня

Здравствуйте. Вы не поверите, кто я... спичка. У нас, у спичек, года пролетают незаметно, и живем мы намного дольше, чем люди, животные, птицы. Поэтому ни чуточки не удивляйтесь, мне... 210 лет.

Сейчас я живу на кухне, на самом видном месте, у известного археолога – Чарльза Тиккенса. Когда моего хозяина нет дома, я или болтаю со своими подругами спичками, или просто гляжу в окно, или вспоминаю о тех чудесных днях, когда эта история приключилась с нами. Ой, о чем это я? Так вот, а когда Чарльз дома, я лежу в своей серебряной коробочке и люблюсь на медаль, которая висит рядом, и вспоминаю, как мой хозяин получил ее. Ой, опять заговорила.

Хотя так и быть, все равно делать нечего, я вам расскажу эту историю. Это было давно, когда я была малюсенькой спичечкой. Мне не было даже сорока лет. Я в спичечном коробке лежала со своей семьей: мамой-спичкой, папой-спичкой, братом-спичкой и маленькой сестренкой Лили, то же спичкой. Это было поздно вечером? часиков в девять-десять. Охранник, стороживший магазин, в котором мы находились, по обыкновению смотрел телевизор. Мои мама с папой осторожно приоткрыли крышку нашей коробки и стали тоже смотреть телевизор. Вскоре я присоединилась к ним. А по телевизору рассказывали о базе ученых, которая находилась на Южном полюсе. А рядом с ними вот-вот могла обрушиться снежная лавина, дней через десять. Конечно, ученые могли бы выбраться, говорили по телевизору. Но с огромным количеством электронной техники и их вещей они могли сделать это за двадцать дней. Поэтому на базу в помощь ученым на другой день вечером должны выслать команду спасателей. Мои мама и папа очень обрадовались. Я не понимала чему. Но они мне объяснили, что если высылают спасателей, то закупают как можно больше провианта, фонариков и спичек. Я все равно ничего не поняла. Но мама сказала, что завтра утром проснешься и все сама поймешь. И счастливая мама-спичка легла спать. Недолго думая, я тоже легла спать. Проснувшись от непонятной тряски, открыла глаза и увидела, что мама-спичка, папа-спичка, брат-спичка и маленькая сестренка Лили, то же спичка, смирно лежат и не шевелятся. Тогда я подползла к маме и спросила, где мы и что происходит. Мама ответила, что утром в наш магазин зашел известный археолог Чарльз Тиккенс, взял наш спичечный коробок, два фонарика, положил нас в свою сумку, и сейчас мы едем на Южный полюс. Сначала я немножечко расстроилась, думая, что никогда не увижу свой любимый магазинчик, а главное, я расстроилась из-за того, что не попрощалась со своей лучшей подругой, батареейкой

Молли. А потом я обрадовалась, что буду помогать такому известному археологу – Чарльзу Тиккенсу.

В рюкзаке у археолога мы ехали три дня. По звукам, которые были вокруг, я понимала то, что команда Чарльза попадает в разные переделки, даже, если я не ошибаюсь, кто-то из команды погиб. И вот мы уже были очень близко от базы с учеными, нам оставалось только обойти пещеру, и мы на месте. Как вдруг стал доноситься какой-то шум. Я услышала голоса, кто-то говорил что-то похожее вот на это:

– Быстрее! Быстрее! Обходим пещеру.

– Мы не успеем, лавина движется с огромной скоростью.

– Тогда ныряем в пещеру.

И вот вся команда быстро побежала в пещеру. И вдруг рюкзак Чарльза Тиккенса зацепился за что-то, боковой карман открылся и наша коробочка выпала. Чарльз не заметил пропажи, быстро отцепил рюкзак и побежал дальше.

«О нет! Что же теперь будет?» – подумала я.

И стала будить маму. Только я повернулась, но мамы не оказалось на месте. По всей видимости, мама выпала. Тогда я повернулась к папе. Слава Великому Спичечнику! Папа был на месте.

– Папа! Папа! Что делать?

Папа ответил, чтобы я вместе с Лили и братом спасалась как можно скорее. И только сейчас я заметила то, что папа спичка сломан пополам. Тогда я заплакала, взяла Лили и брата за руки, но только хотела приоткрыть крышку коробки, как вдруг она поднялась в воздух. Крышка коробки сама открылась, и папа, Лили, брат и я выпали наружу. Чья-то огромная и теплая рука взяла меня и подняла вверх. Я быстро отдалялась от своей маленькой семьи. Папа улыбнулся мне вслед, и огромный снежный ком упал на них.

Наверное, папа знал, что я совершу маленький, но все же подвиг. И он оказался прав.

Человек внес меня в пещеру. Как я поняла, это был Чарльз Тиккенс, у него сломались два фонарика, и ему надо было поджечь факел в пещере. И он начал меня тереть о камень, но я не зажигалась, потому что была очень расстроена потерей моих близких. Но на мгновение я подумала: «Наверное, моя семья гордилась бы мной, если бы я зажглась и тем самым спасла целую базу и команду ученых с археологами». И в тот же самый миг я собрала все свои силы и зажглась так сильно, как не зажигалась еще ни одна спичка в мире.

Я помогла Чарльзу зажечь факел. Затем он потушил меня и положил в рюкзак.

За спасение базы ученых на Южном Полюсе Чарльза Тиккенса наградили золо-

той медалью и еще ему дали серебряную коробочку. Когда Чарльз вернулся домой, он открыл серебряную коробочку и положил в нее меня.

С тех пор прошло много лет. По моему, спичечному, 210 лет. Конечно же, я скучаю по моим близким и, конечно же, после того раза, когда я зажглась так сильно, это был мой первый и последний раз, потому что на второй и третий у меня просто не хватило сил. Иногда Чарльз кладет меня на подоконник, сам садится рядом на стул, и вместе с ним мы смотрим далеко-далеко, вспоминая наше опасное, но все же такое захватывающее путешествие на Южный Полюс.

Вот такая история приключилась со мной. Надеюсь, она вам очень понравилась.

Большие приключения кленового листочка

Я висел на дереве, на своем любимом клене, как вдруг подул сильный ветер. И некоторые мои друзья упали с клена, и я сказал сам себе:

– Интересно! Как же там внизу?

И вдруг на ветке повыше мне кто-то отозвался. Это был старый лист, он был очень мудрым. Он висел на ветке с прошлого года и поэтому все знал, и вот что он говорил:

– Молодые листики думают, что там очень плохо, а те, кто постарше, – что там очень красиво.

– Но это, если не считать лисицы, которая постоянно бегает внизу и разгребает листья в поисках еды, – сказал я.

– Да. Но птицы говорят, продолжил мудрый лист, – что тем листикам, которые упали на землю, очень хорошо.

– Расскажи, как им внизу? – спросил я, ведь я был маленький листик, и мне все хотелось знать.

– Ладно, малыш, только немного. Внизу кто-то ходит и собирает листья, а когда листья никто не собирает, то им нравятся слабые, но все-таки лучи солнца, касающиеся их. Ну, малыш, на сегодня хватит.

– Ох, как жалко, – сказал я. – Мне так хотелось послушать твои рассказы еще.



Но старый кленовый лист уже спал. Вдруг подул сильный ветер, и я услышал крики. Они были протяжные:

– Малыш! Буду ждааать тебяя внизууу.

И я увидел, как мудрый лист падает вниз.

Поначалу я расстроился, что мой большой и мудрый друг упал на землю. Но потом подумал, что это не так и плохо, потому что, когда я упаду, мне будет не скучно вместе со своим другом.

На следующий день с неба посыпалось что-то странное, белое.

Что это, я никак не мог понять. И подул такой сильный ветер, какого я еще никогда не видел. В ту же секунду я почувствовал какое-то странное ощущение: как будто меня кто-то взял и сильно потянул вниз, и я понял, что я не на веточке, а куда-то лечу. А мой клен все отдаляется и отдаляется от меня. Потом мой полет резко завершился. Я ударился о что-то твердое. И сбоку сказали:

– О! С нашего дерева упал кто-то новенький.

– Такой молоденький. Неудивительно, что он не удержался при таком сильном ветре.

Я спросил:

– Кто Вы?

– Мы твои соседи, с другой ветки.

И только я хотел познакомиться с ними поближе, как все листики между собой стали говорить:

– Тихо! Тихо! Все молчите! Она идет!

И надо мной склонилась чья-то тень. И кто-то сказал:

– Какой красивый листочек. Я его, пожалуй, возьму в свою коллекцию.

Меня кто-то поднял с земли и понес. Я посмотрел вниз на своих соседей. Среди них был мой друг – мудрый лист. Он улыбался мне вслед, и я сразу понял, что место, куда меня несут, замечательное. Потом я рассмотрел того, кто меня несет. Это была девочка.

Дома она положила меня между страниц чудесной книги. Я подружился с этой книгой. Каждый вечер она рассказывает мне волшебные сказки.





Коза и семеро волчат

Жила-была и не тужила коза и семеро волчат. Вот как-то раз козе нужно было отправиться на базар за поросятинкой (ведь надо же чем-то волчат кормить), она и говорит волчатам:

– Мне нужно идти на базар за поросятинкой. Поэтому, пока меня не будет, двери открывайте всем, а по мне не скучайте совсем.

И после этих слов коза ушла.

Тем временем по лесу прогуливалась волчица. Кстати, у нее тоже есть детки – семеро козлят. Так вот, эта волчица с козлятами не ели ничего уже третью неделю. И вот удача – волчица увидела домик, где жили волчата с козой. Волчица и говорит:

– Волчата. Волчата откройте мне дверь.

– А зачем нам ее открывать. Она и так открыта. Заходи, волчица.

Тогда довольная волчица вбежала в дом, схватила всех семерых волчат и убежала. Прибежав домой, волчица не стала есть волчат – они были уж очень миленькие.

Когда коза вернулась домой, она увидела, что ее волчат нет дома. Коза обо всем догадалась и побежала в дом к волчице. Но волчица ни за что не хотела отдавать волчат.

– Ах так, – сказала коза. – Ну, тогда держись.

И она куда-то побежала.

Через несколько минут волчица с волчатами решили прогуляться. Они гуляли по лесу долго-долго и наконец вышли к полянке. И вдруг они увидели на полянке козу, а вместе с ней семерых козлят.

– ТЫ ЧЕГО МОИХ ДЕТЕЙ ВОРУЕШЬ?!?!?! – спросила волчица.

– А ты чего моих?

– Да уж. Просто твои волчата такие милые.

– И твои козлята ничего.

– Так давай меняться?!

– А давай!

Сказано-сделано. С тех пор все встало на свои места: коза живет с козлятами, а волчица с волчатами.

Рисунки Тихона Скоробогатова и Анны Кудиновой

С удовольствием печатаем рассказы талантливых ребят из литобъединения «Кот в мешке», руководит которым писатель Виталий Каплан. Он также плодотворно работает и в нашей Лаборатории, за что мы все ему благодарны. А начнем эту публикацию со стихов Николая Голышева, которые Виталий Каплан принес для нашего сборника.

Николай Голышев

Собака потеряла весну,
Забилась в свою конуру
И стала плакать горячими слезами.
Они растопили весь снег —
И весна нашлась.
Собака стала веселиться и радоваться весне.

Я грамоту учу.
И мне радостно учиться.
И я получаю
Хорошие отметки жизни.

Деревья пляшут.
Листья кружатся листопадом.
Моя печаль кружится.
Дождь идет.
И листья мокрые прилипли к асфальту,
Как к моей душе.

Большой снег засыпал землю.
И душа плачет от зимы.
Потому что нет любви.





Никакие минуты.
Небесное солнце не светит.
Только яблоня горит.
Течет время.
Стоят деревья на берегу.
И последние плоды опадают с них.

Веселая корона.
Я ее надевал,
Когда выходил из дома.
Я кланялся солнцу.
И небо опускалось в душу мою.
И я знал, что будет
Святой праздник —
День книги моих стихов.

Свеча горит в моем доме.
Враги напали на мой дом.
И мой дом — как старая кузница
Со сломанным окном.
Стол тоже сломан.
И я сижу на уцелевшем диване.
Прощай, мой дом.
Целую.
Поэт.





Большой утес,
Где твои серебряные подковы?
Не пои и не корми нас,
А просто уложи спать под снегом.
У тебя хорошо.
Белый снег ложится, как подушка и одеяло...
Зима, я больше не могу жить в твоей постели.
Боюсь, что я умру.

Идут лучи по небу,
И серебряные облака
Задевают мою душу.
И я рад тому, что существует моя печаль.

Закатный вечер.
Я искал его среди большой тишины.
И не нашел закат.
И я упал в траву.
И там заснул.
И тихая ночь
Превратила меня в дождь.

Осенний ветер дует мне в лицо.
И листья разлетаются в разные стороны.
И я прохожу мимо звезд.
И замечаю, как за мной
Падают осенние звезды,
Как осенние разноцветные листья.

Я нашел цветок такой красивый
и пушистый,
Что не смог больше писать стихи.

Рисунки Антонины Провады, Эмми Скалуновой, Ильи Сурова

Дарья Попова

Беспечность

Сашины родители ничего не подозревали. Да и сама Саша не подозревала. Подумаешь, зеркало. Мало что ли людей, которые чураются зеркал? По крайней мере, хотя бы один в районе, да найдется. Мало, что ли, фобий у людей? Но Саша боялась подходить к зеркалу не из-за обычной фобии. Это было нечто другое. Что-то странное случилось с ней. Саша была самой обычной ученицей шестого класса. Не сказать, что она была очень послушной, иногда даже не делала домашние задания, но в целом она была доброй, отзывчивой, наивной и не капризной, как другие девочки.

Однажды все переменялось. Отец утверждал, что это все переходный возраст. Но никто и не думал, что Саша перестала отражаться в зеркале, и с этого все и началось.

Позже их кошка Вилка перестала подпускать Сашу к себе. Она шипела, царапалась, а потом и вовсе стала забиваться за диван, в самый дальний угол.

Саша была совсем сбита с толку. Родители только и говорили ей: «Не мучай Вилку! Ты вообще от рук отбилась!», и не верили тому, что она говорила, что кошку никогда не мучила. А на ее рассказы про зеркало отвечали односложно: «Нам надоели твои глупые выдумки. Тебе уже почти тринадцать лет, а ты несешь чепуху, как восьмилетняя!»

Опомнились они только тогда, когда у их дочери на лбу начали пробиваться рожки и вырос хвост.



Скала

Ты разучился писать. Ты уединился с северным ветром. Он треплет твои волосы, купается в них. Залетает в твои уши и напевает песни, всегда разные и безмятежные. Выдувает все мысли. Солнце своими лучами-руками дотрагивается до тебя. А если дождь – он купает тебя и стучит заунывные мелодии под песни ветра. Снег – совсем другой. Наступит зима, пора смерти и ночи, и снег накроет тебя теплым одеялом. Он холодный – но тебе все равно тепло. Ты разучился страдать.



Где-то идет война, где-то проходит жизнь городов. Но тебе не видно – ты далеко. Ты разучился дышать. И запах весенних цветов не может тебя разбудить. Ты разучился жить. И души уже нет. Ты – скала.

Я и я

Луна плыла в тяжелых облаках. Когда она выныривала из темной пелены, можно было увидеть радужный нимб вокруг нее. Озеро словно спало – ни ряби на воде. Будто кто-то расстелил зеркало на земле. В парке гуляли двое. Я и... я. Он не был ни моей тенью, ни двойником, ни каким-нибудь зеркалом. Никем. Он просто был мной. Глупо, правда?

Я ничего не видел в его глазах; не знал, что он скажет в следующую минуту, но несколько не удивлялся тому, что он говорил. Я говорил то же. Но иногда казалось, что я не понимаю его, то есть себя. И порой разговор походил на столкновение двух потоков – теплого и холодного.

Это было рискованно – забраться в парк ночью. Хотя никто не увидит, кому какое дело? Как бы не так! Я прервал разговор с собой и прислушался. Тяжелые шаги раздавались где-то неподалеку, но вроде бы не приближались. Я, было, возобновил разговор, но запнулся на первом же слове – кто-то положил мне руку на плечо. Она показалась мне ненормально тяжелой и холодной, как у мертвеца. Я резко обернулся. Передо мной стоял охранник парка, на плече его была различима нашивка. Руки его были в кожаных перчатках, а костюм казался странно измятым.

Охранник дыхнул на меня ужасным перегаром и заговорил с трудом:

– Что ты тут делаешь? Ну-ка, марш отсюда, шоб я тебя тут... ик! Больше... не видел! Шляешься тут...

– Но я...

– Марш, я сказал!

Я оглянулся, но собеседника не увидел. «Ловкач, спрятался!» – подумал я. Но тут меня развернули и проводили пинком по мягкому месту.

Я не помню, как добрался до дому. Помню только, как я шмыгнул в свою комнату, дважды запнувшись о коробки, стоявшие в коридоре. И лежал на кровати до утра. Я не заснул, и все смотрел то на гвоздь, торчавший из стены прямо над моей кроватью, то на клок, свешивавшийся с потолка. Что это такое, я разглядел, когда небо за окном посерело. Это была паутина, кем-то небрежно смахнутая. Точно такой же клок висел у самого окна.

В носу защекотало, и я громко чихнул, после чего лег на бок и уставился на свой старый школьный ранец. «Эх, хорошо же тогда было...» – думал я. Стрелка часов на стене неумолимо приближалась к половине седьмого. Было пора вставать, ехать в институт. Меня неприятно передернуло при этой мысли. Вдруг в коридоре раздался до ужаса знакомый голос:

– Ну, все мам, я поехал...

Я пулей выскочил из комнаты, по дороге разбив графин с водой. То, что ждало меня в коридоре, было выше моего понимания. Передо мной стояли недоумевающие мама и тот самый я, с которым я разговаривал ночью в парке. Мама видела его! А я думал, что его могу видеть только я...

И вы еще спрашиваете, страдаю ли я раздвоением личности.

Как бы

Как бы ночь сменяется как бы утром, и как бы дети идут как бы в школу, а как бы взрослые – как бы на работу. А все это «как бы» потому, что все это бред того, кто это придумал.

Рисунки Тимофея Курышева





Артем Булгаков

Луша

В поселке, при единственном на всю округу магазинчике, служила лошадь. Да, да, именно служила и, как посмеивались местные жители, даже получала пенсию. Пенсию, как и положено – раз в месяц, в виде мешка комбикорма получал конюх дядя Саша.

Серую, в мелких яблочках-пятнашках лошадь звали Луша.

Она была настолько добра и спокойна, насколько и стара. Дедушка шутил, что добродушной коняге за кротость лошадиный бог две жизни вместо одной положенной отмерил. Как всегда, небольшой поселок просыпался от скрипа высокой тележки, доверху забитой ящиками с консервами и большими клеенчатыми мешками с хлебом. Дядя Саша, жалея свою престарелую помощницу, всегда шел рядом, лениво дергая ременные поводья. Впрочем, направлять Лушу не стоило, лошадь и без того прекрасно знала

дорогу. Дойдя до поворота, за которым начинался подъем в гору, она неизменно останавливалась, словно собиралась с силами перед последним рывком. Конюх не торопил Лушу и, пока ее бока шумно вздымались, успевал обычно скрутить и выкурить не одну «козью ножку».

Все это время лошадь время от времени оборачивалась на хозяина, щуря от едко-го сизого дыма темно лиловые подслеповатые глаза, и словно спрашивала:

– Ну, пора, что ли?

Потом они оба шумно вздыхали, и медленно ползли по склону. У магазина, пока дядя Саша разгружал телегу и шумно ворчал на молоденькую продавщицу Ольгу, Луша либо дремала, либо общалась с поселковыми мальчишками.

С ребятней у лошади была особая дружба. В карманах мальчишек для нее всегда

находился большой кусок сахара или корочка хлеба, густо посыпанная крупной, желтоватой солью.

Угощение Луша брала всегда вежливо, без жадности, скорее для того, чтобы доставить удовольствие своим маленьким дарителям. Губы у нее мягкие, похожие на темный мягкий бархат.

Получив угощение, Луша встряхивала головой и тихо фыркала, касаясь костистой мордой протянутых к ней ладошек.

С Лушей меня познакомил дедушка. Он всегда любил лошадей, одну из стен его комнаты украшал большой настенный календарь, на котором белый конь, зайдя в реку по самое брюхо, задумчиво пил лунный свет. Глаза у коня были настолько умными, что казались почти человеческими. Мне нравились лошади. Нравилась их стремительная, неукротимая сила, порыв, летящая по ветру грива.

И вдруг Луша... Она ну никак не соответствовала моему представлению, не походила ни на сказочного Сивку-Бурку, ни на вольное дитя широких и бескрайних степей.

Старая лошадь словно почувствовала мое разочарование и, шумно вздохнув, неожиданно облизнула мне ухо. Скажу честно, такого – не ожидал. Волна неожиданной нежности вдруг захлестнула меня без остатка. Я с упоением гладил ее жестковатую шубку, теребил мягкие ушки; никогда еще я не стоял так близко к лошади. Так началась наша дружба. С того самого дня я специально ставил будильник на полтора часа раньше. Поеживаясь от утренней свежести, я прямым, торопливо минуя соседские огороды, бежал на скотный двор. Конюшни как таковой в колхозе давно не было, ведь лошадиный труд тут давно заменили тракторами. В поселке из лошадиного рода осталась одна Луша. Председатель недолго ломал голову над ее пропиской и определил пенсионерку проживать в коровник. Я так думаю, ей не слишком нравилось это шумное и беспокойное соседство, но выбирать не приходилось, и Луша не то смирилась, не то привыкла...

Дядя Саша сначала довольно скептически отнесся к моему увлечению лошадьми. Добродушно посмеивался, глядя, как я едва справляюсь с чисткой денника и путаюсь в таких неуклюжих в моих руках вилах.

Когда с уборкой было покончено, я с помощью дедушки, который неизменно появлялся к этому времени на скотном дворе, начинал утренний туалет Луши. Она терпеливо сносила мои неумелые движения длиннозубым гребнем и лишь помахивала поредевшим хвостом, изредка переступая с ноги на ногу.

После чистки подходил дядя Саша и, буркнув в мой адрес что-то вроде: «терпимо...», принимался снаряжать лошадь. В это время я старался успеть сунуть своей любимице что-нибудь вкусненькое и млел от удовольствия, когда мягкий Лушин нос благодарно тыкался мне в щеку.

Но больше всего лошадь обожала мороженое. Не знаю, бывают ли у животных слабости, но у Луши определенно были. К слову скажу, если мне перепадала порция, то я непременно делился с ней по-братски. И потом, посмеиваясь, наблюдал, как долго Луша облизывалась, словно в сотый раз прокручивала в памяти столь приятный для нее момент.

Все хорошее рано или поздно заканчивается, закончились и эти необычные дни в обществе Луши. Пришла пора возвращаться домой. Перед поездом мы с дедушкой пошли попрощаться с дядей Сашей. Пока они о чем-то разговаривали, я никак не мог отойти от лошади. Поглаживая ее сильную шею, я, сдерживая в горле соленый комочек, все шептал и шептал ей в ушки какие-то слова, обещая вернуться на следующее лето. Лошадь внимательно вслушивалась в звук человеческого голоса, и мне казалось, что она понимает меня. На прощанье дядя Саша подарил мне старенькую, изрядно потрепанную уздечку.

Долгими зимними вечерами, в каменных джунглях большого города, уютно устроившись на диване, я перебирал фотографии, перечитывая дедулины письма. И от тех и от других, казалось, исходил странный, едва различимый глазом свет. Мне вновь виделись заливные луга, большое ленивое солнце, тонущее в лесном озере, чудился звон колокола небольшой деревенской церквушки и, конечно же, Луша. Тогда я снимал с гвоздика уздечку и, зарывшись в нее лицом, снова чувствовал ее запах. Я с нетерпением ждал новых каникул, тайно от папы и мамы сэкономил на школьных завтраках деньги, на гостинцы моей любимице.

А в феврале пришло письмо. Дедушка никогда не врал мне, всегда стараясь сказать главное просто и доступно для меня. Вот и в этот раз он не пожалел меня ложью...

Конечно, я прекрасно понимал, что Луша не человек. Что она была стара... Но она была моим другом.

В тот вечер я допоздна рисовал. Рисунков получилось много, и на каждом из них бежала куда-то серая в мелких яблочках-пятнашках лошадь...

Перо

Математичку Светлану Петровну все пятиклассники боялись как огня. В класс Светлана Петровна не входила – влетала, громко стуча старомодными железными набойками на каблуках и сердито сверкая стеклами очков, тускло поблескивавших в массивной роговой оправе.

У нее был тяжелый, несколько квадратный подбородок, на котором росли редкие толстые волоски, напоминавшие изрядно повыдерганную козлиную бороденку. На толстом рыхлом носу уютно устроилась большая черная бородавка. Вечно при-

лизанные темно-каштановые волосы привычно скручены в тугой, старательно уложенный на затылке узел.

– Доброе утро, класс! – неизменно отвечала она на традиционное вставание-приветствие ребят.

Не скажу, что Светлана Петровна отличалась особенной вредностью или злопамятностью к нерадивым. Просто ее строгость, требовательность и твердое убеждение в том, что ученик и учитель никак не приятели и уж тем более не друзья, делали ее непонятной, чужой и неприступной, как знаменитый форт Нокс.

Было в ней нечто таинственное, завораживающее. Иногда мне казалось, что Светлана Петровна только притворяется простой учительницей, на самом же деле она самая настоящая ведьма. Правда, летающей на помеле, поедающей лягушек или творящей колдовские обряды ее никто не видел... Но где гарантия?

А в особых способностях математички давно не приходилось сомневаться! По крайней мере, я так уж точно был уверен, что Светлана Петровна обладала особым талантом: она могла видеть буквально насквозь. И уж точно читала мысли. В этом школьники могли не раз убедиться на многочисленных контрольных и проверочных работах. Как бы мелко мы ни писали шпаргалки, как бы тщательно ни прятали их – воспользоваться плодами своего нелегкого труда не представлялось возможным! Стоило математичке смерить кого-то взглядом – злополучная шпаргалка тут же предательски находилась, буквально сама, так что отпирательства не помогали.

Однако в этот раз все зашло намного дальше! Причем настолько, что об этом стоит рассказать. Итак:

Завтра контрольная! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Увы, приводить дроби к общему знаменателю у меня получалось неважно. Тем более находить таинственные иксы и коварные игреки. Но выбирать не приходилось! За последнюю самостоятельную я получил очередную, весьма предсказуемую двойку.



Мама, скорбно перелистывая мой выдавший виды дневник, хмурилась и качала головой...

Так что тройка была мне просто необходима. Сегодня после пятого урока Светлана Петровна проводила с «особо продвинутыми» вроде меня дополнительный урок. И мое на нем присутствие было предопределенно.

В кабинет за знаниями я потащился как на казнь. еще бы! Во-первых, позади целых пять уроков, во-вторых, в математике я не силен, и дополнительный час в обществе ненавистных формул и самой Светланы Петровны никак не мог добавить мне толику оптимизма.

Подойдя к кабинету, я обречено постучал. Ответом мне была тишина. Я толкнул тяжелую скрипучую дверь, она оказалась незапертая...

Окна в кабинете, несмотря на середину дня, были плотно прикрыты новыми жалюзи. Говорят, что эти новомодные штучки Светлана Петровна содрала с предков одного из одиннадцатиклассников, которому ну очень-причень надо было сдать ЕГЭ на «прилично».

В кабинете никого не было. Вероятно, все просто «забили» и теперь наслаждались жизнью где-то вне досягаемости грозной математички.

Я посмотрел на часы. Светлана Петровна явно не торопилась. А может, и вовсе забыла о моем существовании.

Незаметно для себя я задремал. Разбудил меня странный шум – не то карканье, не то хлопанье больших крыльев.

С трудом приоткрыв тяжелые, словно налитые свинцом веки, я остолбенел! Впал в ступор! Выпал в осадок! Назовите, как хотите! Если б вы увидели такое, то, возможно, работы в местном дурдоме у персонала прибавилось бы годика эдак на два-три!

На учительском столе восседала Светлана Петровна. Да-да! Именно восседала, вцепившись кривыми (явно не знакомыми с педикюршей) ногтями в стопку потрепанных жизнью учебников! То ли я переучился, то ли математичка забыла припудрить носик, но выглядела она непривычно. Для начала следует уточнить, что ее голова находилась на не совсем привычном моему взору туловище. Оно скорее должно было бы принадлежать какой-то хищной птице вроде орла или беркута, но никак не предпенсионного возраста педагогу средней школы.

– Явился, неуч! – радостно, с клекотом поприветствовала меня Светлана Петровна.

Волосы на моей макушке зашевелились! Язык прилип к небу и отказывался двигаться. Наверное, поэтому из моего горла вырвалось что-то нечленораздельное.

– Раньше надо было думать, – злорадно прошипело это неизвестное науке чудовище и пододвинуло к себе поближе классный журнал. В месте, где острые ногти (или когти?) касались дерматиновой обложки, остались глубокие вмятины.

– Ну, Иванов, и как же решается уравнение с двумя неизвестными?

Я замер! Лихорадочно метались в моем мозгу далекие от математики мысли...
В них и намек на правильный ответ не было. Поэтому мне ничего не осталось, как отрицательно мотнуть головой.

– Прекрасненько! – обрадовалась Светлана Петровна.

– Что ж в этом хорошего? – промямлил я, пытаюсь отодвинуться подальше.

– Как что? В «Магнит» забегать не придется, прям сейчас тут и перекушу!

Я заорал и что есть силы рванулся прочь, к двери. Увы, на моем пути откуда ни возьмись появилось забытое дежурными ведро...

И я рухнул, проваливаясь куда-то в темноту, судорожно цепляясь за что-то руками...

– Иванов, Иванов! Да что ж ты делаешь, негодник! Отпусти, тебе говорят!

Я открыл глаза, вполне убежденный в том, что давно уже на том свете.

Надо мной нависло сердитое лицо Светланы Петровны. Причем от ее недавнего экстравагантного вида не осталось и следа.

– Иванов, отпусти же, наконец, меня!

Чувство верха и низа постепенно вернулось в мое потрясенное сознание, и я почувствовал потерянную было навсегда возможность соображать!

Я лежал на полу, вполне уютно пристроив голову на мусорную корзину для бумаг.

Руки же крепко обнимали большие тупоносые туфли математички.

Я вскочил как ужаленный и очумело поинтересовался:

– Вы меня есть передумали?

– Что? – лохматые брови Светланы Петровны удивленно поползли вверх. – Со всем, Иванов, с ума спятил! Меньше надо в компьютер ночами резаться! И чтоб завтра же в школу отца привел!

Закончив сердитую речь, Светлана Петровна резко развернулась на каблуках и вышла из класса.

Я проводил ее взглядом, встал и, подобрав ранец, побрел следом. Я был почти уверен, что заснул и мне приснился кошмар...

Однако, выходя из кабинета, увидел непонятно откуда застрявшее в дверной ручке большое черное перо.

Чудо

Ветер бросал в лицо мелкие, режущие кожу осколки. Сквозь полуприкрытые веки с трудом просматривались серые панельные пятиэтажки. Странно, почему они словно дрожат, их очертания и формы плавно перетекают в лишённые углов и линий смутные, неряшливые пятна.

Снег... Странный снег... Отчего-то почти не тает, припорошил не только согну-



тую спину, но и руки. Еще недавно его безжалостно ломало, в неутраченном ознобе. Зато сейчас он прошел, смирился и словно растворился в этой белой пелене...

На смену холоду пришло оцепенение... Боль уступала место покою... Хотелось не шевелиться. Движение могло спугнуть это почти блаженное ощущение, вернуть в реальность, где декабрьский ветер безжалостно стискивал в своих ледяных объятьях голые тела тополей.

А мимо шли люди. Торопливо, нервно посматривая по сторонам, явно опасаясь прозевать выныривавшую из белого снежного тумана очередную юркую маршрутку.

Иногда на него обращали внимание. Но только ради того, чтобы случайно не коснуться его краешком пальто или сумки.

И никто, совсем никто не посмотрел на него как на человека.

Даже бродячих кошек жалеют щедрее и охотнее. Жаль, что он не кошка!

Белый сумрак постепенно сменялся серым цветом. Вдоль дороги зажглись уличные фонари. А он все сидел, неловко привалившись боком к рваному металлу раскуроченной автобусной остановки.

– Мужчина, вам нехорошо? Что с вами?

Сознание с трудом впустило сквозь плотно охватившую его пустоту взволнованный, явно женский, голос.

«Видимо, не только у меня все плохо, – пронеслось в голове. – Какой-то очередной работяга был подстрелен очередным инфарктом? Что ж, случается и такое...»

– Вы слышите меня?!

Голос не только не пропадал, но и становился еще настойчивее и громче. Скоро к нему присоединился второй – мужской. Чьи-то руки встряхнули и помогли телу принять почти вертикальное положение.

– Вам плохо?

Пришлось возвращаться... Туда, где ревели машины, шаркали чьи-то ноги, по-прежнему падал снег и качались голые, куцые тополя...

Удивительно, но его одиночество закончилось. Рядом стояли люди. Высокий худощавый мужчина чуть за тридцать и его спутница, круглолицая, несколько полноватая молодая женщина. Из-за нее испуганно выглядывала любопытная рожица с большими ярко-синими бантами в длинных косичках, цепко вцепившаяся в руку старшего брата, несколько угрюмого тинэйджера лет тринадцати.

Семья... Странно... Хотя, если хорошенько покопаться в зыбких обрывках собственной памяти, подобное когда-то было и у него самого.

Господи, как же давно это было... Словно не с ним, и уж точно никак не в этой жизни... Тогда он не пил. Ну, разве только по праздникам, да и то особо значимым, вроде Нового года или дня рождения!

Дальше – все как в плохом анекдоте! Не вовремя приехал из командировки, зря не хлопнул дверью и уж совсем зря попался тогда в руку большой кухонный нож, которым в лучшие времена он рубил осенью капусту... Все зря!

– Вставай!

Однако, несмотря на сильные руки, которые тянули куда-то вверх, встать не получилось. Ноги, словно чужие, беспомощно подламывались и никак не давали принять вертикальное положение.

Он хотел оттолкнуть эти руки или, по крайней мере, хоть что-то сказать, но слова застревали где-то глубоко в глотке, путались, сплетались в один душащий горло комок... Несмотря на все усилия, он лишь мычал, слабо мотая головой.

– Господи, у него, кажется, insult... Женщина выглядела реально напуганной и растерянной.

– Вызывай «скорую»!

Рисунки Антонины Провады

Вероника Никитина

Добрая куча

Дождь все шел и шел. И шли люди. Шли домой, там по телевизору шли их любимые сериалы.

А он сидел на бордюрике посреди улицы, листал толковый словарь и думал – сколько же толкований у слова «разглядеть»? Сколько – у слова «доброта»?

Глупый маленький человек, разве он смог бы с ходу понять смысл слов «ее доброты никто не мог разглядеть вот уже триста лет», адресованных свалке? Ну, то есть как свалке. Это была свалка памятников. Куча истории, в самом неприятном толковании слова «куча». Прогресс поедал город, вытесняя его прошлое. Памятники королей, старинные надгробия, обломки зданий – большая, тяжелая куча. Огорожена была такими же обломками заборов и стен. Она ведь и не предполагала быть доброй, верно?

Где вы видели добрую свалку? Ну вот представьте: куча мусора угощает вас чаем. Да. Добрая куча.





Связи

– Все только начинается, – радостно оскалилась она.

Время шло, люди суетливо шуршали вокруг, а она скалилась им вслед и твердила: «Начина-а-а-ается». Кто-то, обратив внимание, бормотал себе под нос: «Психи среди нас», подростки подвывали ей в голос, придумывали не вполне цензурные рифмы, один блоггер снял ее на видео. К проходившей мимо девушке привязалось это «начинается», она заменила этим слова какой-то известной песни и выла себе под нос весь день. Вскоре ее коллеги подхватили этот вирус (сами знаете, как это бывает), друзья коллег, родственники друзей...

Да дело даже не в этом. Дело в том, что все мы так или иначе связаны. Стоит типичной городской сумасшедшей ляпнуть что-нибудь в пригороде Омска, как через пару дней просвещенная молодежь в, скажем, столице поставит запись этого бреда себе на звонок. А мне ходить и слушать это, и мучиться.

Надо переодеться в бомжа, вбежать в вагон метро и крикнуть «Моцарт!» – кто знает, во что это выльется...

Трагедия

Во всем лесу не было ни единого гриба. Маша слонялась между деревьев, лениво вороша траву ногами, но ни одного грибочка так и не нашла.

Швырнув от досады пустую корзинку в дерево, она начала яростно тормозить кусты и траву, приговаривая: «Что-то же должно быть!» Куски земли летели в стороны, птицы и звери разбежались в страхе, разве что трагический грохот непогоды не разразился над ее головой под сверкание молний.

Нет, ни одного грибочка! Пропорила! Пропорила Катьке, не нашла гриб, корзинку сломала, вся испачкалась!

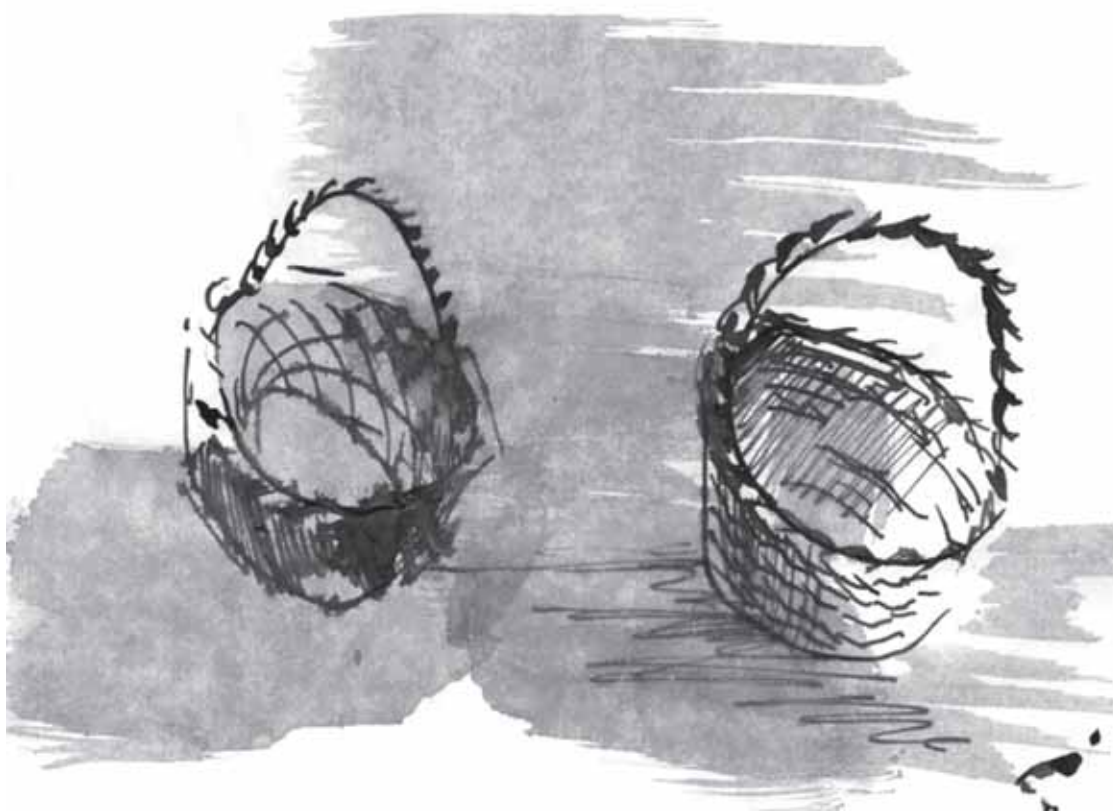
Побрела Маша домой, и тут ей принц на белом коне навстречу. Слез он с жеребца, встал пред нею на колени и говорит:

– Будь моей женой! Станешь королевой!

А она ему:

– Нет, парниша, не до тебя мне! Я гриб не нашла!

Рисунки Антонины Провады



Следующая наша публикация — стихи Александры Гангур. Она занимается в литературном объединении при библиотеке имени М.А. Светлова, которым руководит писатель Владимир Майоров, еще один ведущий нашей Лаборатории. Эти стихи Владимир Майоров принес в последний момент, но сразу стало ясно, что они должны быть в нашем сборнике.

Александра Гангур

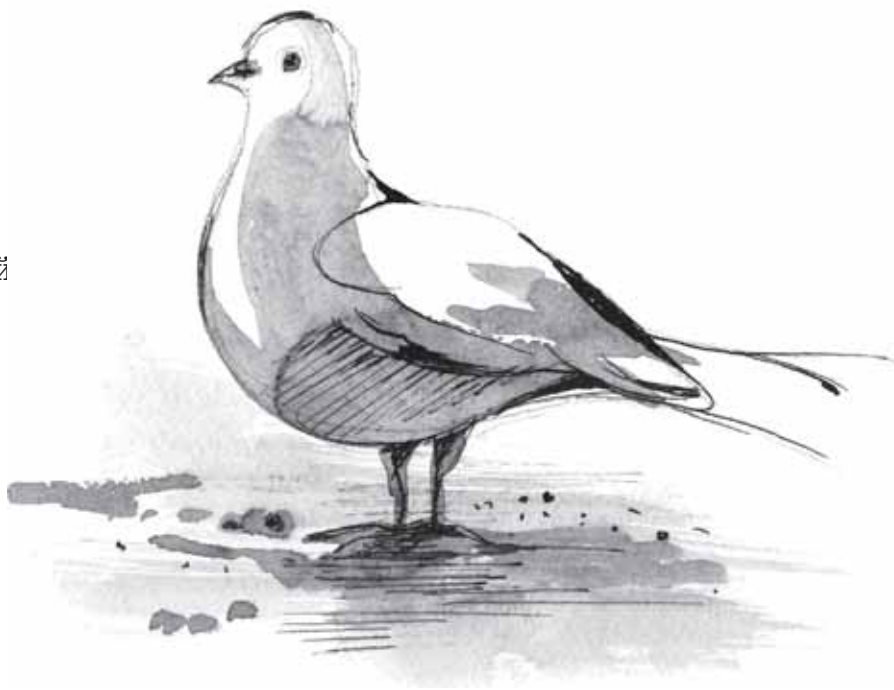
Шпиль

Мы летали над церковкой белой,
Опершись на изменчивый ветер.
Я немножко, наверно, робела
Перед тем, за кого я в ответе.

Мы же голуби, что же я трушу?
Жить, ловя этот воздух в охапку,
К нежно-серому мягкому брюшку
Поджимать красноватые лапки

И кружить за минутой минуту
Сбитой с курса летучей тарелкой...
Позолоченный купол с воткнутой
Прямо вверх указательной стрелкой

Это даже не планка усилий,
А маяк заблудившимся стаям.
Нелегко загнестись на шпиле.
Потому мы там только летаем.



Бессердечная

По кофте расплзается пятно –
Не помню, может, чашку уронила.
Кто кинул жребий? Решка. Решено.
Я выхожу. Хватаюсь за перила.

Пока доедет на восьмой этаж
Лифт, как грудная клетка, опустошенный.
Обратно же подарок не отдашь?
Накидываю оба капюшона
На улице. Запахивать пальто
Нет смысла – холод ширится под кожей.
Я упаду, но метров через сто.
А у тебя, застывшего в прихожей,

Со стуком сердце падает из рук
И на полу колотится в припадке,
Когда меня, как запоздалый друг,
Подхватывает ветер под лопатки.

* * *

На картине не кончилось лето.
Но хозяин, жестокий задира,
Вдруг сорвал покрывало портрета
И прогнал нагишом из квартиры.

И стояла она, как живая,
У двери, ожидая похоже,
Что подумает он, остывая,
И вернет ей одежду и кожу.

Глупость – смешивать краски со статью,
Но ведь с женщиной выйдет не лучше.
Ты попробуй, сними с нее платье,
А окажется – вытащил душу.

...У художника личная драма.
Возле двери печально, неловко
Улыбается голая рама
Белоснежной обвисшей бечевкой.

Гость

Неважно, кто протаптывал дорожки –
Сама ли, он ли, нимфа ли лесная.
Я больше не встречаю по одежке.
Ты заходи – и я тебя узнаю.

Пусть горстку неприкаянных моментов
За это вычтет времени меняла.
Треть жизни – а на что? Давно я с кем-то
Чаёв на кухне ночью не гоняла.

Повесь свое пальто, а может, куртку,
Поставь сюда – ботинки или берцы,
Чтоб сдернуть, как доношенную шкурку,
Бумажку с опечатанного сердца,

Взломать нутро нехитрому замочку –
Я двери распахну тебе, встречая.
Похожа на янтарную цепочку
Струя переливаемого чая.



Рисунок Антонины Провады

А теперь вы прочитаете произведения воспитанников Центра развития детского литературного творчества «Родная лира» ГКУК «Белгородская государственная детская библиотека А.А. Лиханова» (г. Белгород). Руководит Центром писатель Валерий Черкесов.

Никита Скачко

Как роботы беседовали

Недавно мне подарили двух белых роботов на радиоуправлении: один большой, другой поменьше.

Было воскресенье. Я играл с роботами целый день, а когда лег спать, то подумал: «Быстрее бы наступило утро». С этой мыслью заснул.

Часа в три ночи я услышал какие-то голоса, будто двое ребят дружески разговаривали. Я вспомнил, что мои роботы умеют произносить слова, которые они слышали. Но как из этих слов у них получался разговор?

Я подумал, что это сон, даже ущипнул себя. Однако я не спал.

Утром я рассказал маме о говорящих роботах, но она мне не поверила.

Вот какие чудеса случаются!



Володя Барщук

За розой

Однажды ранним утром мой кот гулял в саду. Ему, видимо, очень нравились цветы. Он обнюхивал каждый цветок, и вдруг увидел розу, которая росла за заборчиком. Кот влез на него, потянулся за цветком, но сорвался и упал на соседний участок.

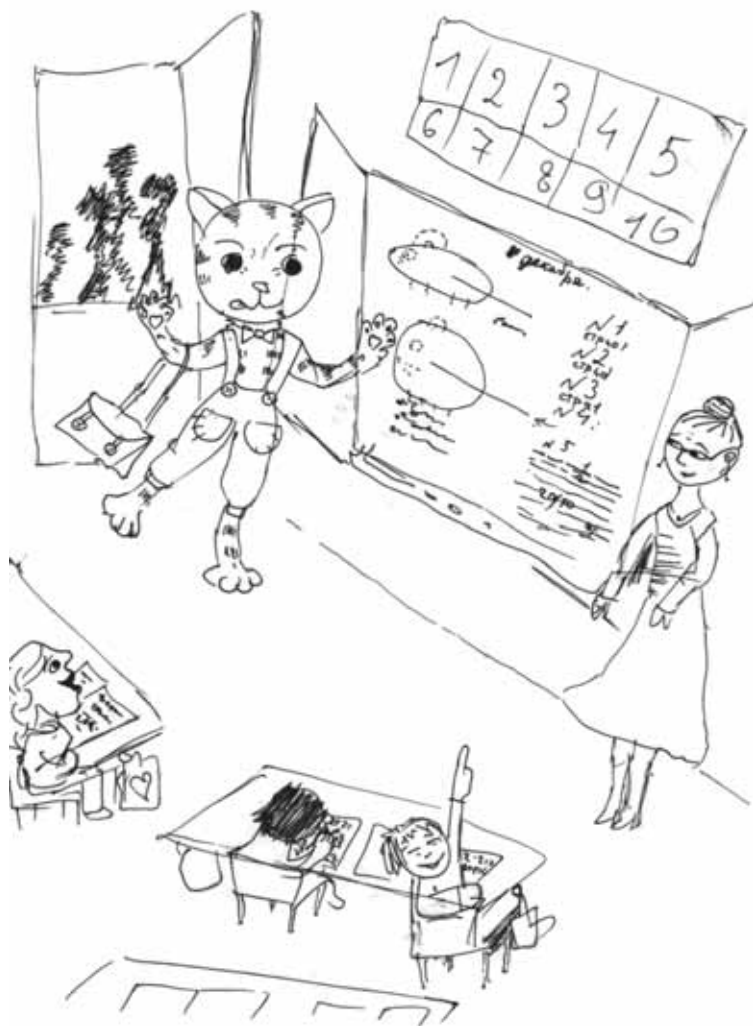
А у соседей была большая сторожевая собака. Кот от испуга молниеносно влез на яблоню. Хорошо, что собака была привязана к будке, но она гавкала до тех пор, пока кот опять не перепрыгнул на наш участок.

С тех пор наш пушистик обнюхивает цветы только на нашем участке.

Как Чарли ходил в школу

Однажды котенок Чарли пошел в школу вместо меня. Утром на улице было холодно. Он с удовольствием вместе со школьниками забежал в здание и сразу же направился в столовую. Чарли был уверен, что день нужно начинать с завтрака. Но оказалось, что молоко дают только после первого урока. Кот очень расстроился.

Чарли зашел в первый попавшийся кабинет. В нем начинался урок литературы. За одной партой было свободное место, там кот и расположился. Он уже хотел сладко заснуть, как вдруг услышал, что ученик рассказывает про какого-то кота, который ходит по цепи вокруг дуба и рассказывает сказки. «Ну и что особенного? – подумал Чарли. – Все коты намурлыкивают – кто песни, кто сказки – и лазают по деревьям».



Вышел Чарли из кабинета литературы и заглянул в кабинет математики. Учитель на доске рисовал овалы и какие-то хвостики. «Мыши!» – подумал Чарли и замяукал на весь класс. Бросился кот к доске, дотронулся лапками до ее поверхности, а мыши тут же куда-то исчезли. «Странно», – подумал Чарли и пошел искать мышей в соседнем кабинете.

В другом классе шел урок химии. Чарли услышал про молекулы воды. «Вот еще! Кому нужны молекулы воды, если мне неизвестны молекулы молока?» – никак не мог понять Чарли.

Тут прозвенел долгожданный звонок с урока, и Чарли первым помчался в столовую. Он выпил большой стакан молока со всеми его молекулами и подумал: «Славно я потрудился сегодня в школе! Пора и домой».

Влад Байдиков

К бабушке

Я по бабушке скучаю.
Скоро я поеду к ней.
Она ждет, я это знаю,
И люблю еще сильнеей.

Антон Литвиненко

Нет планеты краше

Может быть, когда-нибудь
На Марс я полечу,
Но думаю, что все равно
Домой я захочу,
Ведь нет планеты краше
Земли родимой нашей.



Саша Павлов

В этот день

День мамы – лучший день в году.
Тебя поздравить я иду.
Желаю счастья, долгих лет!
А что сегодня на обед?

Руслан Матвиенко

Про картошку

Взял я ложку
И ел картошку.
Смотрел в окошко.
Переел немножко!



Ира Юрош

Чернушка

Кошка Чернушка.
Хвост и два ушка,
Нос, глаза.
Что-то хочет сказать?..

Рисунки Анны Кудиновой

Кристина Алексеенко

Осеннее

Гнутся деревья от ветра,
Листья дрожат на ветру.
Вот уже скоро, наверно,
Выпадет снег поутру.

Спустятся с неба впервые
Тихо снежинки к ночи,
И на луга заливные
Скупно прольются лучи...

Помнишь, как в прошлую осень
Даль нас манила и высь,
Как между елей и сосен
Наши мечты не сбылись?

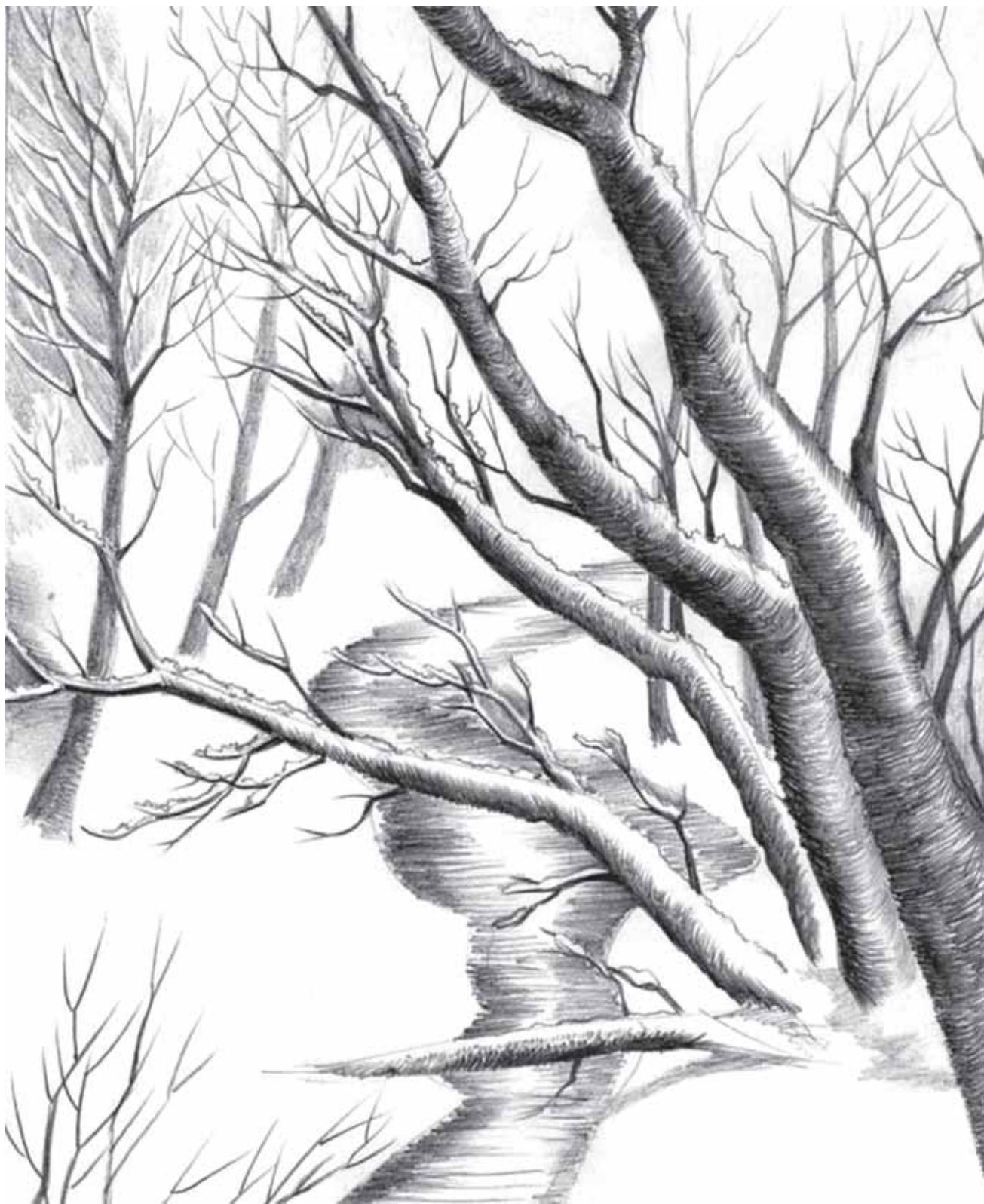
Наталья Климова

Гимнастерка

В старом шкафу,
Занавески из ситца,
Чья-то давно гимнастерка пылится.
Выцвела ткань, оторвался погон,
Может, пора ее бросить в огонь?

В той гимнастерке
Мой прадед ходил,
В ней беспощадно
Фашистов громил.
Был бы он жив, рассказал бы об этом.
В память о нем гимнастерка вот эта.

*Рисунок
Ильи Сурова*



Следующая публикация – стихи детей из Белгородской области.

Татьяна Мангушева

Осень

Дождь на старые вербы
Моросит наугад.
Птичьи стаи, наверно,
В теплый край улетят.

А деревья успеют
Сбросить яркий покров
И уснут под напевы
Шаловливых ветров.

И до теплых рассветов,
До прихода весны
Будут ждать они лета,
Видеть теплые сны.

Колокола

Колокола звонят над Белогорьем,
И с каждым годом звонче и милей.
И в радости звонят они, и в горе,
И звоны их несутся по земле.

Звонят колокола, как в дни былые,
И золотятся маковки церквей,
И люди обретают, как впервые,
Дух православной Родины своей.

Приобретая мужество и силу
Над ширью вольных пашен и лугов,
Звонят колокола над всей Россией,
Чтоб возродились вера и любовь.



Екатерина Подзолкова

Расскажите сказку, Пушкин,
«Зимнею порою»,
Про лесную деревушку
С Бабою Ягою.



Расскажите про царевну,
Что сидит в темнице,
Про целебные коренья
И перо Жар-птицы.
Буду слушать, понимая,
Что добро вернется
И царевна молодая
Молодца дождется.

Пожелайте мне хоть малость
Радостных событий,
Чтоб я в жизни не осталась
С бабкиным корытом.

Чтобы солнцем залитая
Мне любовь явилась,
Чтобы рыбка золотая
Хоть во сне приснилась.

Рисунки Антонины Провады и Анны Кудиновой

Арина Колупаева

Мороз

Ох и выдался мороз!
Стынут ноги, мерзнет нос.
За ночь речку он, наверно,
Проморозит всю насквозь.

Станут зимние деньки
Звать на лыжи и коньки...
Дед Мороз в лесу подарки
Нам поставит на пеньки.

Ты скажи нам, Дед Мороз,
Ты случайно не замерз?
Заходи к нам, чай согреем.
Только можно ль?
Вот вопрос...

Снежинок веселая стая
Порой налетит невпопад,
И будет лежать над листьями
Зимы новогодний наряд.

Но солнце проглянет к обеду,
И снова ручьи побегут.
И санки уже не поедут,
И лыжи опять подождут...

Алена Шахворостова

Цветок весны

Я сама тебя придумала
И в свои впустила сны –
Не потрепанную мумию,
А красавца из весны.

Я тебя ночами холила,
Как невиданный цветок,
Сберегла тебя от холода,
Чтоб расцвел ты в нужный срок.

Не просите, люди умные,
У меня цветок весны...
Я сама его придумала
И навек впустила в сны.

Рисунок Ильи Сурова





**Анастасия
Дайреджи**

Мальчик

Я давно заметила,
А сегодня встретила
Ловкого и сильного
Мальчика красивого.

Я едва не плачу –
Так он много значит.
Только он не смотрит,
Будто бы незрячий...

Алена Потапова

Золото

Улетело лето
За моря, за горы,
Облетели листья,
Посветлел мой город.

Только в переулке
На сухом пригорке
Неопавший тополь
Зеленеет гордо.

Холода наступят –
Ждать уже немного...
И уронит тополь
Золото под ноги...

*Рисунки Антонины
Провады*

И заканчиваем мы еще одной компанией талантливых юных писателей, из города Тамбова. Это объединение «Тропинка», которым руководит писатель Валентина Дорожкина

Маша Васильева

Чудесный день

Проснулись малые букашки,
Цветут подснежники в лесу.
Я в дом букетик принесу,
А летом – принесу ромашки...

Сегодня – теплый, яркий день...
Весна, скорей в листву одень
Деревья все
в лесах, в садах,
Чтобы земля была в цветах...

Я обещаю все сберечь.
Ты обещай мне много встреч...

Осень

Волшебница-осень палитру берет
И песню печальную тихо поет.
А ветер холодный, как злой чародей,
Срывает одежду с нарядных ветвей.

Погоды хорошей уже не видать,
Дожди проливные пришли к нам опять.
И птицы в чужие края улетели,
А впереди – холода и метели.

Как грустно в природе, а мне не грустится:
Я знаю, что снова тепло возвратится.

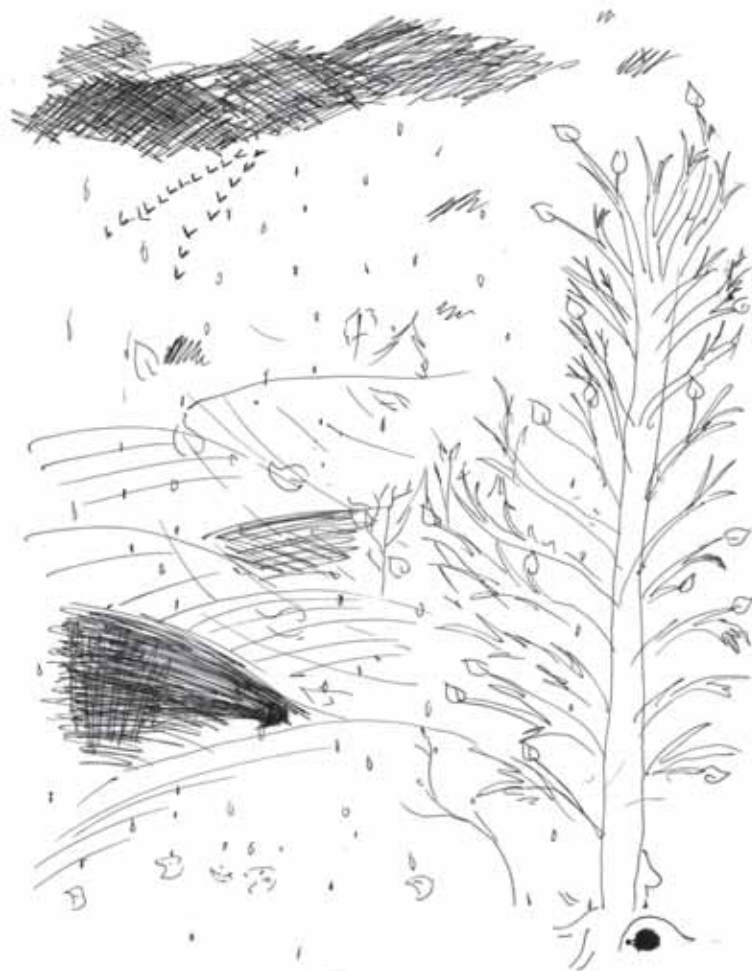


Тамбов

Средь равнин и холмов,
Средь лесов и полей
Вырос город Тамбов –
Тот, что сердцу милей.

Здесь – Казанский собор,
Синеглазая Цна...
Дорогой мой Тамбов,
Ты лишил меня сна.

Я люблюсь тобой,
Несказанной красой,
И с вокзала скорее
Бегу я домой.



Волчица

Словно ветер, поезд мчится,
И стучат колеса в такт.
Ходит по лесу волчица –
Ищет пищу для волчат.

Сон укрыл людей в вагонах,
А волчица все не спит,
По полям, лесам, по склонам
Все быстрее она бежит...

Тьма окутала селенье,
Звезды на небе горят...
Вдруг – прыжок! Одно мгновенье –
Будет пища у волчат!



Лиза Семенова

Платье для подруги

Купила как-то на досуге
Немного ткани – ситца,
И сшила платье для подруги,
Подумала: годится?..

А оказалось, это – сон.
Что ж мне так часто снится он?
Его смотреть мне надоело!
Я наяву взялась за дело:

Проснулась утром, поспешила
Я в магазин за ситцем.
И вот подруге платье сшила,
Теперь оно не снится!

Гроза

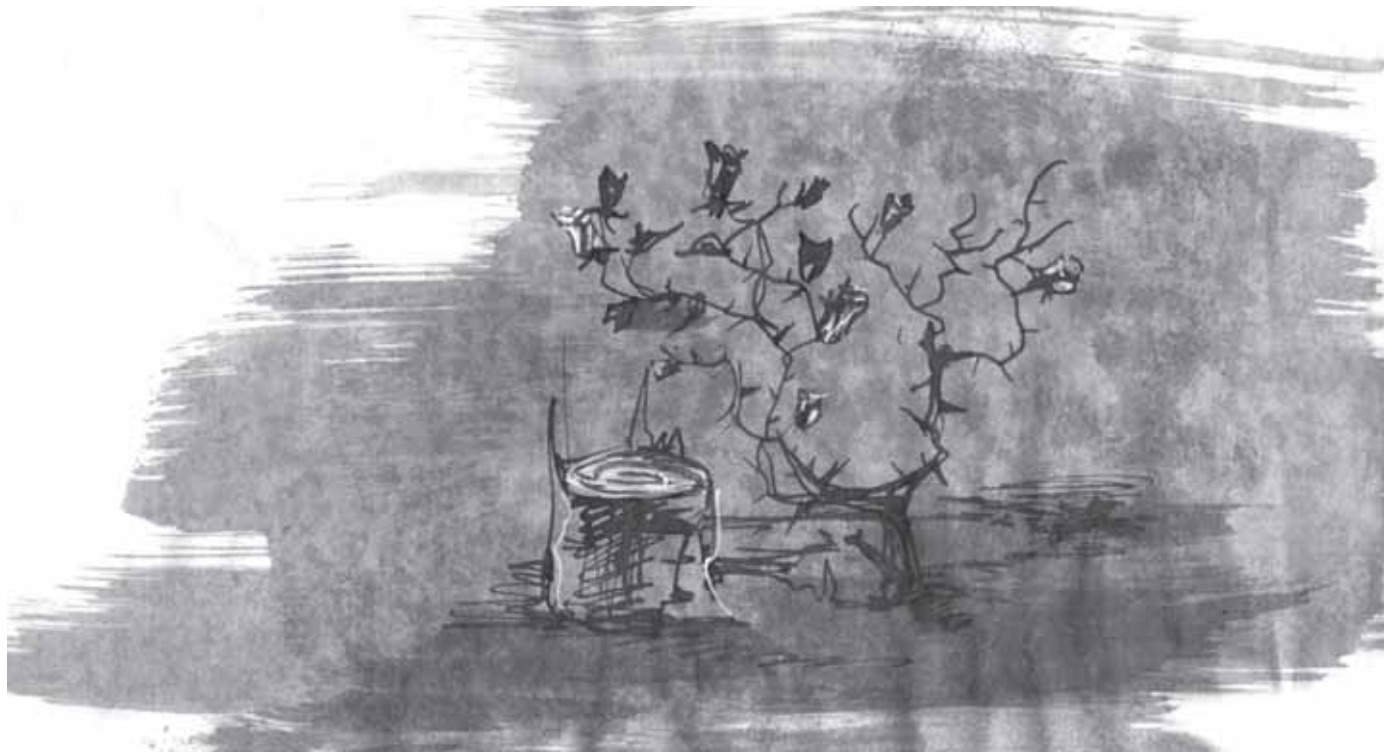
Началась гроза!
Улетела стрекоза,
Испугался воробей,
Полетел домой скорей.

Шарик мой лежит пластом,
Прямо в будке, в уголке.
Не виляет он хвостом,
Смотрит в дырку в потолке...

Но – закончилась гроза!
Прилетела стрекоза,
Воробей взлетел на ветку,
Шарик тявкнул на соседку.

*Рисунки Антонины Провады
и Анны Кудиновой*





Ирина Серова

В ожидании чудес...

Розы куст за окном
Весь покрыт серебром.
Ветка машет листком
Над трухлявым пеньком.

Сон природу сморил,
И как в сказке застыл
Наш загадочный лес
В ожиданье чудес.

Настя Серова

Клякса

Чернила капнули на лист,
И в небе – клякса.
А дождь на радуге повис –
В любви мне клялся.

Цвела сирень и пахло маем,
Хотелось петь!
По небу гром бродил, играя,
И сыпал медь.

И слезы высохли у плаксы,
Как будто некто
Ладонью стер большую кляксу
С души и неба!

Тамбов

Тамбов – заснеженные улицы,
Разбросанные пятна фонарей.
Старинные деревья грозно хмурятся,
Скрывая звезды меж своих ветвей.

И речка Цна сейчас – в оковах холода,
Затихла между белых берегов.
А за рекой под тяжестью снегов
Домишки, что когда-то были молоды...

Я так люблю старинный мой Тамбов,
Святые купола его церквей...
И все вокруг становится светлей
От снега, от любви и от стихов.

Чувства

Чувства – это слабость или сила?
Чья рука нас ими наделила?
Дар небес иль наказание это –
Наши пораженья и победы?..

Снова брошусь, сердцем закрывая
То, что дорого... А выживу? Не знаю.
Только мои чувства так решили,
Что меня с судьбой не примирили...

Изменяю привычное течение,
Поборюсь за собственное мненье...
А без чувств не будет человека:
В них – душа сегодняшнего века.



Настя Челюбеева

Зима в Тамбове

Опять в Тамбове вьюга и метель.
Замерзли ноги и замерзли руки.
А снег накрыл, как белая постель,
Все улицы, дворы и переулки.

Деревья в белом бархате стоят
И про себя тихонько что-то шепчут.
Они, наверное, тепла хотят –
Весною им, конечно, будет легче.

Они об этом помечтают тайно –
И у деревьев есть свои мечты...
Зима пришла, как видно, не случайно –
Так много в ней холодной красоты.

Теперь в Тамбове белые просторы
Порадуют детей тамбовских взоры.

Другу

Ты просто знай всегда:
На этом белом свете
Есть люди,
За которых мы в ответе;
Есть сердце,
Что, обиды не тая,
Хранит любовь...
И это сердце – я!

Рисунки Антонины Провады

Маленький зайчик

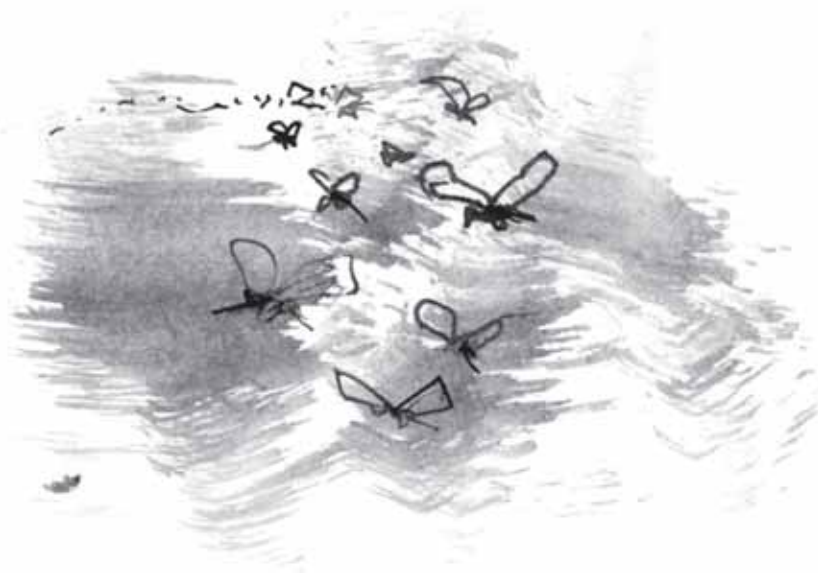
Маленький зайчик
Держит морковку,
В лапках сжимая
Ее очень ловко...

Серые ушки,
Добрые глазки –
Маленький зайчик
Из детской сказки.

Можно, зайчишка,
Тебя обниму?
Морковку – не бойся! –
Не отниму.



Спасибо всем, кто дочитал этот сборник до конца. Теперь вы видите, что сделали это не зря? Но это еще не все. Не забывайте, что мы – Лаборатория, и значит, обожаем лабораторные работы. Кажется, вы уже поняли, в чем дело. Мы ждем ваших отзывов, присылайте их по адресу lib@gaidarovka.ru непременно. Наши юные писатели ваши отзывы обсудят и примут к сведению. Но и это не все. Будет полезно, если вы пришлете нам свои произведения (желательно, чтобы вы жили в Москве, потому что мы занимаемся именно здесь). И может быть, в нашей лаборатории появятся талантливые новички. Если же вы не живете в Москве, мы, если хотите, обсудим ваши произведения на нашей лаборатории и пришлем вам наши замечания и комплименты. До свидания, и еще раз спасибо!



Содержание

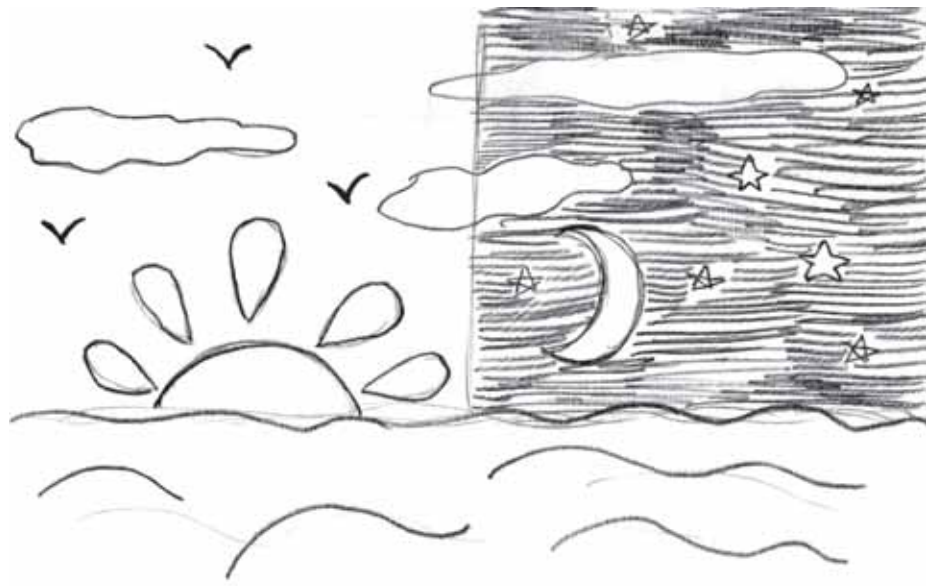


От составителей

| | |
|--|----|
| Лёля Ядренцева. Повесть..... | 4 |
| Полина Дубынина. Дженел..... | 39 |
| Сергей Купряхин. «И ощутил я тяжесть не меня ...»..... | 41 |
| «Ищу впотьмах двенадесятый угол ...»..... | 41 |
| «Не хотелось бы стать приставкой ...»..... | 41 |
| «Календарный листок, удаляемый от собратьев ...»..... | 42 |
| Алена Дрюпина. Циркачка..... | 43 |
| Анна Афанасьева. Тепло | 54 |
| Ксения Липилина. Улицы..... | 55 |
| Владислав Маслов. Я ухожу не навсегда..... | 57 |
| «Все выше и выше ...»..... | 57 |
| «Медленным шагом по листьям опавшим ...»..... | 57 |
| «Ты пройди по Садовому осенью ...»..... | 57 |
| Ангелы..... | 58 |
| Бог огня..... | 58 |
| Анна Афанасьева. Отрывки из повести | 60 |
| Дина Раххал. «Высоко есть мгла из дивных туч ...»..... | 67 |
| Незнание..... | 67 |
| Ольга Федотова. Утро в городе..... | 68 |
| Письмо с юга..... | 69 |
| Маршрутка и тот, кто в ней..... | 70 |
| Евгений Шеянов. Притча о глазах..... | 73 |
| Про комаров..... | 74 |
| Писатель..... | 75 |
| Ликвидация..... | 76 |
| Анна Рыжова. Времена года..... | 79 |
| Камень, ножницы, бумага. Особенно камень..... | 80 |
| Оконный ангел..... | 82 |
| Рокер, мама и журнал..... | 86 |
| Алена Чернышева. Крылья..... | 88 |

| | |
|--|-----|
| Принцесса..... | 88 |
| Ангелы..... | 89 |
| Анна Афанасьева. Страх..... | 92 |
| Ксения Липилина. Отрывок..... | 94 |
| Катя Поволоцкая. Спичка-героиня..... | 96 |
| Большие приключения кленового листочка..... | 98 |
| Коза и семеро волчат..... | 101 |
| Николай Голышев. «Собака потеряла весну ...»..... | 102 |
| «Я грамоту учу ...»..... | 102 |
| «Деревья пляшут ...»..... | 102 |
| «Большой снег засыпал землю ...»..... | 102 |
| «Свеча горит в моем доме ...»..... | 103 |
| «Никакие минуты ...»..... | 103 |
| «Веселая корона ...»..... | 103 |
| «Идут лучи по небу ...»..... | 104 |
| «Закатный вечер ...»..... | 104 |
| «Осенний ветер дует мне в лицо ...»..... | 104 |
| «Я нашел цветок такой красный ...»..... | 104 |
| «Большой утес, где твои серебряные подковы ...»..... | 104 |
| Дарья Попова. Беспечность..... | 105 |
| Скала..... | 106 |
| Я и я..... | 106 |
| Как бы..... | 107 |
| Артем Булгаков. Луша..... | 108 |
| Перо..... | 110 |
| Чудо..... | 113 |
| Вероника Никитина. Добрая куча..... | 116 |
| Связи..... | 117 |
| Трагедия..... | 117 |
| Александра Гангур. Шпиль..... | 119 |
| Бессердечная..... | 120 |
| «На картине не кончилось лето ...»..... | 120 |
| Гость..... | 121 |
| Никита Скачко. Как роботы беседовали..... | 122 |
| Володя Барщук. За розой..... | 123 |
| Как Чарли ходил в школу..... | 123 |
| Влад Байдилов. К бабушке..... | 124 |
| Антон Литвиненко. Нет планеты краше..... | 124 |

| | |
|--|-----|
| Саша Павлов. В этот день..... | 125 |
| Руслан Матвиенко. Про картошку..... | 125 |
| Ира Юрош. Чернушка..... | 125 |
| Кристина Алексеенко. Осень..... | 126 |
| Наталья Климова. Гимнастерка | 126 |
| Татьяна Мангушева. Осеннее..... | 128 |
| Колокола..... | 128 |
| Екатерина Подзолкова. «Расскажите сказку ...»..... | 129 |
| Арина Колупаева. Мороз..... | 130 |
| «Снежинок веселая стая ...»..... | 130 |
| Алена Шахворостова. Цветок весны..... | 130 |
| Анастасия Дайреджи. Мальчик..... | 132 |
| Алена Потапова. Золото..... | 132 |
| Маша Васильева. Чудесный день..... | 133 |
| Осень..... | 133 |
| Тамбов..... | 134 |
| Волчица..... | 134 |
| Лиза Семенова. Платье для подруги..... | 135 |
| Гроза..... | 135 |
| Ирина Серова. В ожидании чудес..... | 136 |
| Настя Серова. Клякса..... | 136 |
| Ольга Терехова. Тамбов..... | 137 |
| Чувства..... | 137 |
| Настя Челюбеева. Зима в Тамбове..... | 138 |
| Другу..... | 138 |
| Маленький зайчик | 138 |
| Содержание | 140 |





Над книгой работали: Лев Яковлев, Татьяна Рудишина, Людмила Сухова.

Мы благодарим руководство библиотеки за понимание и помощь. В макете использовались рисунки Антонины Провады, Ильи Сурова, Анны Кудиновой, Анастасии Топольской и Эмми Скалуновой.

В ряде случаев сохранена авторская пунктуация

